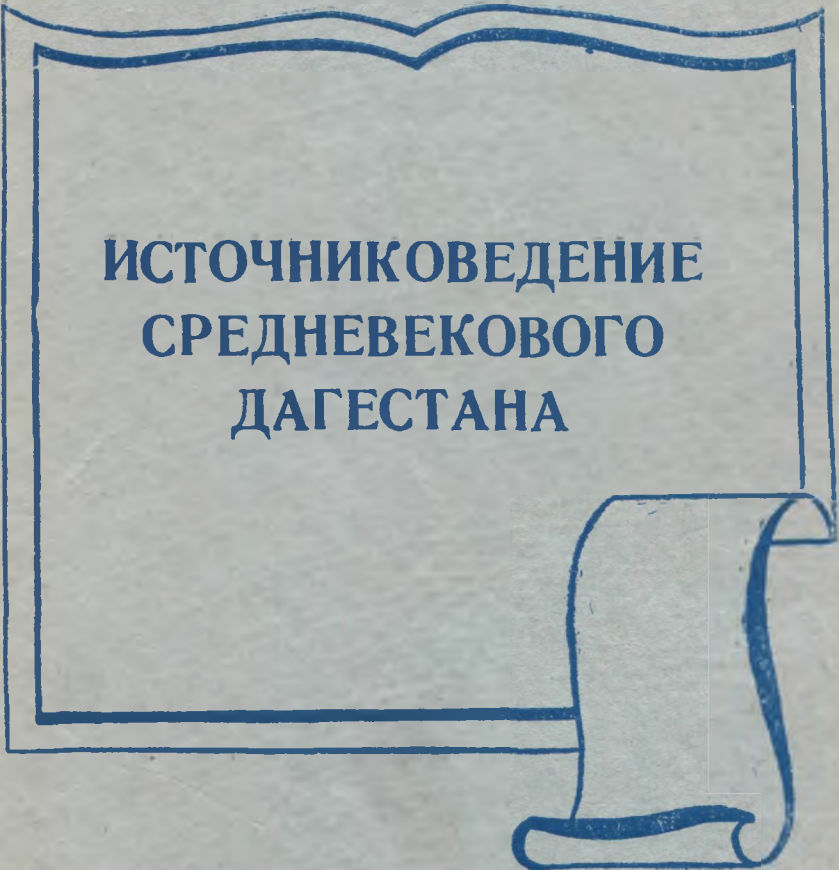

902.91ДЭ11
И91

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. Г. ЦАДАСЫ

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
СРЕДНЕВЕКОВОГО
ДАГЕСТАНА**

Махачкала, 1986

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

902,9(11)
1991

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДАГЕСТАНА

Сборник статей

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

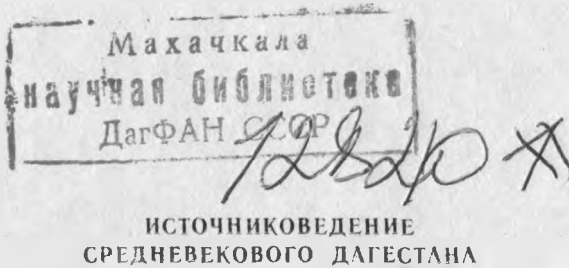
Махачкала, 1986

Редколлегия:

Г. М.-Р. Оразаев, А. Р. Шихсаидов (отв. ред.)

Составитель Г. М.-Р. Оразаев

Сборник статей

Редактор *З. А. Колмокови*
Технический редактор *Н. В. Жукови*
Художник *Р. Гаджиханова*

И/К

Сдано в набор 13.05.86. Подписано в печать 21.07.86.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Бумага типографская № 2. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. п. л. 10,7.
Уч.-изд. л. 9,7. Заказ 180. Тираж 500 экз.
С 01609. Цена 80 коп.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разработка вопросов источниковедения истории народов Северного Кавказа — одна из важных и актуальных задач исторической науки. Недостаточная изученность многих исторических источников наглядно ощущалась при написании многотомной обобщающей работы «История народов Северного Кавказа». Поэтому до сих пор сохраняет свое значение всестороннее исследование различных аспектов и проблем регионального источниковедения. Пристального внимания исследователей требует также большое число ранее известных или вновь обнаруженных дагестанских исторических источников.

Изданный в 1980 г. сборник статей «Восточные источники по истории Дагестана» был посвящен специальному изучению арабоязычных и тюркоязычных источников по истории средневекового Дагестана. Настоящий тематический сборник статей, подготовленный сотрудниками сектора востоковедения Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР при участии научных сотрудников других секторов института, также посвящен проблемам дагестанского исторического источниковедения.

В числе изучаемых памятников — сочинения арабских историков IX—X в., нарративные источники местного происхождения, рукописные материалы: сборные рукописи, исторические сочинения, актов материал, памятники эпистолярного жанра, эпиграфика, генеалогические и хронологические таблицы. На основе этих материалов рассматривается в сборнике комплекс вопросов социально-экономической и особенно культурной жизни средневекового Дагестана.

При всем разнообразии охватываемых вопросов, главная тема сборника — источниковедение средневекового Дагестана, а цель — введение в научный оборот, изучение, интерпретация источников, написанных на восточных и дагестанских языках.

Вопросы социально-экономического и военно-политического положения раннесредневекового Дагестана рассматриваются на базе арабских исторических источников IX—X вв. в статье А. Р. Шихсаидова.

В статье Г. М.-Р. Оразаева, посвященной исследованию известного дагестанского исторического сочинения «Дербендаме», в частности Румянцевского списка и одного из тюркоязычных списков, хранящихся в ленинградских рукописе-

хранилищах, приведен сравнительный анализ текстов обеих упомянутых рукописей. Автор убедительно показывает, что протографом Румянцевского списка, широко известного в востоковедческой науке по работам М. А. Казем-Бека и акад. В. В. Бартольда, является Ленинградский список 1225/1810 г. Приводятся любопытные сведения, позволяющие уточнить дату переписки Румянцевского списка.

Вопросы эпистографии — тема статьи Г. М. Мирзамагомедова. Автор рассматривает в ней арабоязычные письма XVIII в. дагестанского происхождения, особое внимание уделяет вопросам методологии изучения письменных памятников эпистолярного жанра. Теоретическая часть подкреплена иллюстративным материалом. Характеристике одного из фирманов на имя Амир-Хамза-хана (1607 г.) посвящена статья А. Н. Козловой.

М. А. Магомедов в своей статье впервые обратился к сочинению «Ал-Хикайа ал-мадийа» А. Каяева — одной из первых научно-популярных работ по истории, изданных в Дагестане. Дается характеристика сочинения, критическая оценка его места в ряде дореволюционных исторических работ. Характеристике и разбору неизданного исторического сочинения «Хуласат ат-тафсил» Абдаррахмана из Казикумуха посвящена статья Н. А. Тагировой. В ней автор приводит интересные сведения об одном из памятников исторической литературы в Дагестане во II половине XIX в.

В совместной статье А.-Г. С. Гаджиева и М. М. Абдулкеримова приведены некоторые малоизвестные сведения по истории книгопечатания и распространения печатной книги в дореволюционном Дагестане. Сведения этой статьи служат хорошим дополнением к материалам недавно опубликованной справочной книги «Печать Дагестана» (Махачкала, 1983).

Работа Исаева А. А. содержит информацию о довольно большом количестве рукописных и изданных до революции работ, созданных на языках Дагестана и посвященных медицинской тематике. В сообщении А. Г. Гусейнаева говорится об архивных находках автора, обнаруженных в фонде Е. Вейденбаума в Тбилиси — приводятся сведения о трех надписях из Кумуха, копии с которых были сняты во II пол. XIX в.

В «Материалах по генеалогии и хронологии (IX—XIX вв.)», впервые компактно представлены сведения о правителях средневековых дагестанских владений — кайтагских уцмях (А. Р. Шихсанов), аварских нуцалах и хапах (Т. М. Айтберов), табасаранских майсумах и кадиях (М. Р. Гасанов), акушинских кадиях (Б. Г. Алнев). Здесь уточнены и дополнены известные генеалогические таблицы, большая часть же материалов издается впервые.

АРАБСКИЕ ИСТОЧНИКИ IX—X вв. И ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ДАГЕСТАНА

Значение арабских источников в изучении истории и культуры народов Кавказа общеизвестно. Этим можно объяснить нынешний повышенный интерес к этим источникам, все новые и новые исследования, посвященные им, новые издания арабских текстов, резкое усиление собирательной и археографической работы. Сочинения арабских историков и географов IX—X вв. ал-Балазури¹, ал-Йакуби², ат-Табари³, Ибн-Хордадбега, Ибн ал-Факиха ал-Хамадани, Ибн Руста, ал-Масуди и других уже широко привлекаются (в оригинале или в переводе) при характеристике многих сторон хозяйственной и политической жизни кавказского общества. В последние годы к этим источникам прибавились исключительно ценные исторические сочинения Халифы ибн Хайята⁴ (ум. в 854—55) и Ахмада ибн Асама ал-Куфи⁵ (ум. в 926 г.).

Арабские источники IX—X вв. дают ценную информацию и по истории раннесредневекового Дагестана. Они успешно использовались в разработке ряда актуальных вопросов истории и культуры — борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей, политическая и экономическая жизнь, становление письменных традиций, развитие городов, проникновение ислама.

Сведения арабских авторов уже неоднократно привлекались при общей характеристике экономического развития раннесредневекового Дагестана⁶. В частности, было отмечено, что приводимый многими арабскими историками (ал-Балазури, Халифа ибн Хайят, Ибн ал-Асир) перечень податей и повинностей, которыми в I половине VIII в. арабский полководец Марван обложил население горного Дагестана⁷, свидетельствует о немаловажной роли земледельческого (в основном — зернового) хозяйства. Отмечалось также, что оседлый тип хозяйственной деятельности прослеживается по упоминаниям о большом числе населенных пунктов — укрепленных («крепость», «замок») и неукрепленных («селений»). Привлечен и археологический материал, подтверждающий

многочисленность поселений именно в период раннего средневековья. Показано, что письменный материал косвенным образом служит свидетелем различной хозяйственной ориентации равнины и горных районов. Равнинные районы не имеют «селений» (карий), количество «крепостей» также малочисленно, в VIII в. — это районы, где кочевое или полукочевое хозяйство занимает монопольное положение. Предгорные же районы развивают, наоборот, оседлое земледельческое и животноводческое хозяйство. Сведения о сравнительной густонаселенности горных районов улавливаются из указаний, хотя очень редких, о количестве селений (в земле Хамзин «Марван разрушил 3000 их селений») ⁸, о количестве крепостей (Марван «продолжал завоевывать крепость за крепостью и завоевал все крепости страны Сарир, Хамзин, Туман и Синдан»). Значительная роль оседлого земледельческого хозяйства, дальнейшие значительные успехи в хозяйственной деятельности иллюстрированы на примере Дербента, ставшего к IX—X вв. крупнейшим торговым, ремесленным, административным центром на Восточном Кавказе ⁹.

Характеристика сочинений восточных авторов как источника экономических сведений о дагестанском обществе не входит в задачу данной статьи. В центре внимания будут вопросы, связанные с терминологией, структурой средневекового дагестанского города, социальным развитием, военнополитическими контактами и их последствиями (на основе сочинений историков Халифы ибн Хаййата, ал-Балазури, ал-Иакуби, Ахмада ибн Асама ал-Куфи, Балами).

Несколько слов о терминах, непосредственно «приуроченных» к Дербенту. У знаменитого арабского историка ат-Табари употребляется только термин *ал-Баб* ¹⁰, он ни разу не прибегает к названиям *Баб ал-абваб* или же к персидской форме — *Дербенд*. Более того, у ат-Табари *ал-Баб* нигде не назван городом, везде мы находим общее «*ал-бав*», только один раз он решил подчеркнуть, что речь идет о «стране ал-Бав» («*билад-ал-Бав*»). Одно это обстоятельство уже говорит о более широком понимании термина *ал-Бав* — это не только собственно город.

В персидской же переработке труда ат-Табари, принадлежащего Балами, название города связано с обеими традициями, персидской и арабской, — сначала по персидской традиции город назван Дербенд Хазаран, но затем Балами почти полностью переходит к традиции арабской, называя его Бав ал-абваб и редко возвращаясь к названию Дербенд. Закономерность этого перехода и связь обеих традиций отмечены самим Балами уже почти в самом начале сообщения о Восточном Кавказе: «Все города, расположенные внутри

этой области, называются Азербайджаном, а все дороги (проходы—рах) абвабами. В конце (то есть на границе — А. III.) Азербайджана имеются дороги, ведущие оттуда в сторону хазар... через дорогу, которую называют Дербендом. Имеется [еще] другой проход (рах) и большой город, который называется Хазар... Из всех ворот или проходов это самый большой и поэтому его называют Баб ал-абвабом»¹².

Как известно, представители арабской исторической и географической литературы часто отмечали трехчастное деление восточных городов: *мадина* (перс.— *шахристан*) — собственно город, он существовал в большей своей части еще до арабских завоеваний, а к X в. во многих городах опустел; *кала* (перс.— *кухендиз*) — цитадель, укрепленная часть города, место пребывания правителя и знати; *рабад* — внешний город, первоначально — предместье; в X в. во многих городах Ближнего Востока и Средней Азии центр городской жизни переходит в рабады¹³.

Балами — единственный из всех раннесредневековых авторов, отметивший топографию Дербента и давший возможность говорить о его типичной для средневекового города структуре. Он выделяет собственно город, что между двумя дербентскими стенами — *шахристан* (а не весь город). Именно этот шахристан Маслама разделил на 4 части (*кисм*), отдав их жителям Дамаска, Куфы, Джазиры и Химса. В шахристане же Маслама распорядился соорудить зерновые склады и арсеналы. В шахристан вернулся Марван после похода в «землю Баланджар»¹⁴.

Что касается цитадели Дербента, то она называется как самостоятельная часть города — это *кала*, или *хисар* (т. е. крепость). Именно в цитадели, а не в городе вообще находилась «тысяча хазарских семей», когда Дербент был осажден Масламой. Балами так и писал: «В крепости (*кал'а*) Баб ал-абваба в это время находилась тысяча людей из тарханов, которых хакан оставил здесь»; или же: «затем Маслама вернулся в Баб ал-абваб. В крепости (*кал'а*) [города] была тысяча хазарских семей (*хана*)»¹⁵. Ясно пишет и ал-Куфи: «[Цари гор] отправились вместе с Масламой и достигли города ал-Баба, в крепости (*кал'а*) которого в это время находилась 1000 хазарских тарханов»¹⁶.

Когда же речь идет о городе в целом, то Балами применяет термин *шахр*, что равнозначно арабскому *мадина*. В Дербенде имеются также отдельные кварталы (*кисм*), названные впоследствии в дагестанских хрониках *махалла*¹⁷, или *руб'* — у ал-Куфи¹⁸.

Таким образом, Балами дал довольно подробное описание раннесредневекового Дербента, отразив его многочастную структуру. К сожалению эта особенность сведений персидского передатчика ат-Табари не была замечена и потому не отразилась в переводах текста Балами (немецкий перевод Б. А. Дорна и русский перевод П. Тяжелова)¹⁹. Не было учтено еще одно обстоятельство — термины *дербед* и *баб* имели широкое значение. *Дербед* — это не только город, но и путь, проход, а *ал-баб* — это чисто арабская передача слова *дербед*. Поэтому, когда Сурака заставил «все *дербеды* заключить мир с условием защитить мусульман от всякого *дербенда* и всякого врага», или же когда Сурака «отправил в отдельный *дербед*» правителей — *сархангов*, то вполне очевидно, что под *дербедом* следует понимать отдельные дороги, проходы, отдельные ущелья, или даже группу населенных пунктов, связанных с этими ущельями или путями своим расположением.

После этого нет особой необходимости объяснять, как следует понимать слова Балами о том, что «Букайра ибн-Абдаллаха Сурака послал в [один] город, находящийся в этом *дербенде*. Хузайфу ибн-Асада он послал в горы и города, расположенные напротив *дербед ал-Лана* и *дербедов хазар*». После этого мы не найдем, может быть, путаницы в маршруте войск Масламы: Баб ал-абваб-Хуснайн — Баланджар — *дербед* — Семендер.

Выше уже отмечалось, что ряд арабских авторов сохранил сведения о структуре Дербента. Сведения эти относятся к VII—VIII вв., т. е. к тому времени, когда под властью арабов он превращался в феодальный город, т. е. шел процесс преобразования военно-политического центра в административный, торговый, культурный, ремесленный центр. Уловить хронологические рубежи этого процесса не представляется возможным из-за отсутствия данных. Значительную ясность внесло бы изучение состава и занятий населения города. Письменные источники не сообщают о процессе формирования этнического лица ал-Баба, нет данных о судьбе находившегося там иранского населения. Ибн Асам ал-Куфи пишет о хазарах (80 000 человек) в городе или 1000 хазарских *тарханов* в цитадели, о замене хазарского населения (конечно, частично) арабским. Укрепление арабской власти в городе, создание в нем при Масламе четырех кварталов (*руб*) с арабским населением, производство ремонтных работ и сооружение железных ворот и хранилищ для пшеницы, ячменя, оружия, «восстановление значимости» ал-Баба²⁰ — все это показатели важного процесса. Из города, выполнявшего в основном функции военного лагеря, ал-Баб превращался в город нового типа. Подвергаются изменениям городские стены, т. е. практикуется сооружение

ворот. Ахмад ибн Асам ал-Куфи неоднократно пишет о воротах Дербента; при первом походе Маслама «хазары открыли одни из ворот города и вышли, убегая; впоследствии Маслама соорудил в стене железные ворота». В конце же VIII или в начале IX в. энергичная деятельность была развернута наместником Йазидом, который «с 40 000 человек [воинов] из Сирии, Джазиры, Ирака достиг город Баб ал-абваба. Он расположил здесь войска и привел в порядок укрепления города и его ворота. Затем он приказал возвести ворота и их построили... вдоль стены, которая доходила до горы, называемой ал-К. и. к. Первыми были ворота, которые именовались *К.б.х.*; *ал-Б.р.днат*; *ал-Хамид*, затем [были возведены] Железные ворота; Главные ворота (*Баб Ваф*); Ворота послов малые (*Баб ар-русул ас-сугра*); Ворота послов большие (*Баб ар-русул ал-кубра*), Ворота якорные (*Баб Арса*), и последние Ворота щедрого Мусы (*Баб адар Муса*)»²¹.

Все это было не простой акцией «по благоустройству» города, это были мероприятия, продиктованные изменившейся внутренней структурой, вообще статуса Дербента, превращавшегося в торгово-ремесленный центр. Арабское население здесь уже постоянный фактор, оно было не просто военным контингентом, а контингентом, связанным с получением феодальной ренты: «Йазид ибн Усайд разделил бывшие с ним войсковые подразделения для обороны Баб ал-абваба, и горных проходов, заселил ими эти места и назначил для них нормы продовольствия, которые были еще при Омейядах»²².

Балами неоднократно сообщает о городах, крепостях, а также (хотя и редко) о деревнях. Наличие «городов» отмечено почти на всей территории Дагестана: Сурака посылал отряд в «города, которые были в горах Дербенда»; Хузайфу ибн Асада послал «в горы и города, расположенные против *дербенд ал-Лана*»; как говорит дербентский правитель Шахрияр, «на той стороне *дербендов*... находится царство (*падишах*) и много городов, называемых Баланджар», Маслама заключает мир с жителями многих «городов (*шахр*)»; войска Марвана дошли «до Семендера, одного из хазарских городов»; на пути в Сарир Марван осаждал город (*шахр*) *Ш.к.*; Баб ал-абваб обычно сопровождает термин *шахр* или *мадина*.

Однако делается четкое различие между *городом* и *крепостью*. Баланджар — это «одна из хазарских крепостей (*хисн*)»; за Баланджаром Джаррах встретил какую-то крепость (*хисн*); в Ширване, по пути в Баб ал-абваб Маслама опустошает крепость (*хисар*); местность Хуснайн названа

«двумя крепостями» (кстати, возможен и перевод — «двойная крепость», как это сделал Зотенберг); Марвану пришлось брать крепости (*хисн*) 'Ами и Хумран. Как видим, все эти крепости обозначены термином *хисн* и не причислены к городам.

Однако арабы знают не только города (*шахр*, *мадина*), не только крепости или замки (*хисн*), но и города, имеющие свои крепости—цитадели как неотъемлемые части города. В этих случаях к крепости термин *хисн* не применяют, заменив его другим — *кал'а*, реже — *хисар*. Балами четок в своей терминологии. Дербентскую цитадель он почти всегда называет *кала*: «В крепости (*кала*) была тысяча хазарских семей».

На территории Дагестана кроме дербентской цитадели термин *кала* относится только к одному населенному пункту — это «город (*шахр*) Ш.к., являющийся сильно укрепленной крепостью (*кала*)». Балами дает подробное описание всех мероприятий Марвана, рассчитанных на захват этой крепости хитростью, и везде крепость названа *кала*. Характерно, что Ш.к. назван городом, но городом-крепостью. Видимо, речь идет о каком-то крупном населенном пункте, центре феодального владения, имевшем сильно укрепленную цитадель. Если опираться на описание похода Марвана, данное в персидском переводе ат-Табари (Баб ал-абваб — река 'Ами (Гумик) — Сарир), то этот укрепленный город должен находиться за рекой Уллучай, но не доходя до территории Сарира.

Только в одном случае Балами не различает *хисн* и *кала*, а относит оба термина к одному и тому же пункту: Марван направился к крепости (*хисн*), называемой Х.мран, но в своей речи перед выступлением он говорит: «О воины! Каждый из вас, кто войдет в крепость (*кала*), тот получит тысячу динаров». Тут же Балами называет Х.мран «страной» — (*билад*)²³.

Если сопоставить все сведения об укрепленных пунктах, то можно прийти к предположению о необходимости отразить различие терминов *хисн* и *кала* при переводе текста: *хисн* понимается обычно как небольшой укрепленный пункт, или замок, а *кала* — более крупное оборонительное сооружение, крепость, вернее, цитадель в полном смысле слова, т. е.

укрепленная часть феодального города или столицы феодального владения.

Знает Балами и другие категории топонимических наименований *руста* (*рустак*) и *дих*, но оба термина даны по одному разу, потому и говорить о них более определенно, чем о других терминах, не представляется возможным. *Рустаком* (*руста*) Балами назвал пункт что близ Баланджара, а *дих* — близ Баб ал-абваба, скорее на территории Лакза, если учесть другие источники, повторяющие сведения Балами.

В арабской исторической и географической литературе термин *рустак* обозначает обычно не один населенный пункт, а группу, совокупность населенных пунктов, что-то вроде волости²⁴. *Дих же* — это селение, *деревня*²⁵, по своему значению этот термин впоследствии соответствовал арабскому *карийа* (селение, село)²⁶.

При описании городов Дагестана Балами дал еще несколько весьма интересных терминов, характеризующих систему водоснабжения в раннем средневековье. Это термины: *кяриз*, *хоуз*, *жой*, *чаимэ-и аб*.

Кяриз упомянут только один раз и то не в прямом смысле, т. е. не в качестве подземной оросительной системы — так назван подземный ход, проведенный Марваном до крепости, которую ему не удалось взять с ходу. Термины *хоуз*, *жой* (или *жей*), *чаимэ-и аб* связаны с дербентской цитаделью: когда цитадель успешно противостояла осаде войск Масламы, то нашелся человек, который предложил свои услуги завоевателю. «Этот человек отправился к источнику (*чаимэ-и аб*), сооруженному еще Ануширваном, сыном Кубада и сказал мусульманам: «копайте это место». Те сделали так, и дошли до воды. Потом человек сказал: «приведите баранов и овец, заколите их на том месте». Так и было сделано. [Кровь] протекла в воду, а потом в бассейны (*хоуз*) и водохранилища (*жей*). Когда этот человек узнал, что [испорченная] вода с кровью дошла до *хоузов*, он приказал отвести воду и направить её в реку»²⁷.

В средневековой литературе Ирана существует богатая терминология понятий, связанных и искусственным орошением. Среди этих многочисленных терминов встречаются уже известные нам три, связанные с цитаделью Дербента: Хамдаллах Казвини (ум. в 1349 г.) в своем географическом описании Ирана называет среди терминов, относящихся к пригаци — *чаимэ* «ключ, родник, источник», *хоуз* «водоем, пруд».

В одном из источников (XIV в.) встречается также *жей* «водоем, водохранилище»²⁸.

Из текста Балами выясняется, что родник (*чаимэ-и аб*, букв. «источник воды»), обеспечивавший водой цитадель

Баб ал-абваба, находился за городом и вода оттуда по специальным каналам поступала в цитадель, где распределялась по цистернам и водохранилищам.

Балами — единственный автор, так точно описавший систему водоснабжения в раннесредневековом Дербенте, и его сведения вместе с данными других представителей арабской исторической и географической литературы помогут лучше понять и интерпретировать сохранившиеся в городе до наших дней памятники системы водоснабжения.

В трудах арабских историков IX в. получила достаточно яркое отражение военно-административная и земельная политика арабов. Еще при Ануширване в империи Гасанидов было учреждено несколько испехбедств, в том числе, как писал ат-Табари и испехбедство «Азербайджан с прилегающей территорией, т. е. страной хазар». Арабы же создали вместо испехбедств наместничества²⁹. В целях сохранения своей власти или же влияния на определенную территорию персидские правители широко практиковали привлечение различных северокавказских народов, в числе которых названы абхаз, банджар, баланджар, аланы. Но арабы в новых условиях не могли рассчитывать на повторение этой политики сасанидов и уделили основное внимание привлечению на свою сторону населения завоеванных стран путем особой налоговой политики. Сасанидские правители проводили колонизационную политику в северных районах империи, в частности в районе Дербента, куда были переселены многие семейства из внутренних районов государства Сасанидов. Эту же политику проводили арабы, заселившие район Дербента сотнями арабских семей. И Сасаниды, и арабы одинаково успешно практиковали раздачу земель в завоеванных странах, особенно в пограничных областях, своим воинам или же переселившимся семьям. Даже в налоговой политике арабы следовали Сасанидам — они сохранили налоговую систему (взыскание поземельного и подушного налогов), которая существовала в их государстве³⁰. Был только один пункт в политике Сасанидов, который арабы совершенно не признавали — это строительство оборонительных сооружений. Ни один из средневековых авторов не дает нам сведений о воздвижении арабами новых фортификационных сооружений на Северном Кавказе. Это свидетельствует о том, что арабы не признавали район Дербента устойчивой линией границы. Агрессивный характер действий на Северном Кавказе здесь проявляется с особенной ясностью.

Отношение завоевателей к завоеванным территориям обуславливалось особенностями захвата этих земель. Их делили на три категории:

1. Земли, завоеванные посредством оружия.

2. Земли, оставленные «неверующими» и перешедшие в собственность мусульман.

3. Земли, приобретенные вследствие капитуляции или посредством договора.

Первая категория земель подлежала дележу среди воинов (по шафитскому толку); становилась государственным достоянием (по маликитскому толку); делилась по усмотрению халифа (по Абу Хашифе). Вторая же категория переводилась в неотчуждаемую государственную собственность или же становилась вакфной. Третья категория земель сохранялась за прежними владельцами, но при обязательном условии уплаты хараджа и джизьи³¹.

Арабские авторы зафиксировали факты заключения договоров предводителей арабских войск с местными правителями.

Во время первых арабских походов, возглавляемых Салманом б. Рабиа «жители Байлакана вышли ему навстречу, [прося] гарантий безопасности (*аман*) и предложив им поселение (т. е. размещение) мусульманского войска в городе и внесение податей (*мал*)»³². Этот же военачальник послал

своих представителей к владельцам гор, «...к нему прибыли малик Лакза, малик Филана, малик Табасарана, которые предподнесли ему провизию и подарки, заключили с ним договор о ежегодном внесении ему определенной контрибуции»³³.

Другой арабский военачальник, ал-Джаррах, заключил с жителями Хасина «перемирие на условиях выплаты ими контрибуции и получал с них требуемое», позже жители Таргу (Бар'уфа) также «запросили мира», и ал-Джаррах удовлетворил их просьбу³⁴.

Изнурительные для экономики областей Восточного Кавказа договоры широко практиковались при Марване. Жители Сарира и Тумана вынуждены были принять условия победителей. Правителю Сарира Марван навязал договор с условием внесения «500 гулямов и 500 невольниц со светлыми волосами, бровями и длинными ресницами, 10 000 динаров и 500 мudd провизии (та'ам) ежегодно, доставляемых в город ал-Баб»³⁵. Затем Марван заключил мир с жителями Тумана с условием доставки ежегодно в город ал-Баб 100 пленных, 1000 голов скота и 1000 мudd провизии.

Хамзин-шах также был вынужден заключить с Марваном мир с условием предоставлять ежегодно в город ал-Баб 500 юношей и 500 мudd провизии, а Лакз 10 000 мudd провизии³⁶.

По данным ал-Балазури правитель Сарира обязался доставлять, согласно договору с Марваном, в Баб ал-абваб

1500 юношей и 500 красивых девушек, 100 тысяч муdd зерна; жители Тумана — 150 девушек и 50 красивых юношей, 20 тысяч муdd зерна; малик Зирихгерана — 50 юношей и 10 000 муdd зерна; жители Хамзина — 500 юношей и девушек и 30 тысяч муdd зерна одновременно «с освобождением от доставок впредь»; владелец Синдана (Масдар?) — предоставить в один прием 100 юношей и девушек, 5 тысяч муdd зерна; жители Лакза 20 тысяч муdd; табасараншах — 10 тысяч муdd³⁷.

Что касается текстов договоров первых арабских военачальников, прибывших в Дагестан, то сохранились они, как уже указывалось, только у ат-Табари, это охранные грамоты Утбы ибн Фаркада «жителям Азербайджана, его равнин и гор» от 18/639 г., грамота Сурака, амиля Умара Шахрбаразу, жителям Армении и ал-Армана; грамота Букайра «жителям Мукана»³⁸.

Эти охранные грамоты, навязанные в первые годы арабских завоеваний, не конкретизируют объем хараджа и джизьи местного населения, но определяют перечень повинностей, которые местное население должно выполнять «в обмен» на гарантию жизни, неприкосновенности имущества, религиозной общины и соблюдения обычаев при условии уплаты джизьи, обеспечения постоя арабских войск и выделения для них проводников. Жителям Армении и ал-Армана Сурака ибн Амр от имени халифа Умара гарантировал безопасность (*аман*) «их жизни, имущества, религиозной общины (*милла*), если они не будут совершать вредных поступков и не выступают [против]. Что касается жителей Армении и ал-Абваба — пришлых издалека (*турра*) и оседлых (*тунна*), и тех, кто вокруг них, то он договаривался с ними, что они будут участвовать во всех походах и выполнять всякое дело, которое правитель (*вали*) сочтет благим. Кто согласен на это, тот освобождается от [всех] повинностей (*джизья*), кроме призыва в войско (*хаир*), а призыв в войско — это замена их повинностей. [Если] в ком-либо из них не будет нужды и он остается [на месте], то на нем то же, что и на жителя Азербайджана по части повинностей, указания пути (дилал) и стоянки воина в течение [одних] суток. Но если же они не собраны [в войсках], то [все] это снимается с них, если же оставлены [на местах], то берется с них»³⁹.

Ат-Табари приводит далее еще один договор, вернее охранную грамоту согласившимся платить джизью «Мукана из гор Кабха» от имени Букайра, «гарантируя им имущество, личность, веру (*милла*) и законы (*шариа*) при условии, чтобы каждый взрослый человек уплатил один динар или его стоимость, был искренен, указал дорогу мусульманину, предоставляя им стоянку в течение суток»⁴⁰.

Все приведенные выше сведения хорошо могут иллюстрировать политику арабов на завоеванных территориях — налоговую, отношение к местному населению.

Как известно, гарантии безопасности жизни и собственности жителей при условии уплаты налоговой подати (*джизья*) и поземельного налога (*харадж*) обеспечивались для тех областей, которые мирно подчинились арабской власти. Завоеванные же области считались добычей победителей⁴¹. Ибн Асам ал-Куфи показывает, что эти теоретические положения практически не всегда реализовывались. Заключение «мирных договоров» с жителями Сарира, Гумика, Зирихгерана, Хамзина навели бы на мысль о добровольности этих дипломатических акций со стороны дагестанских правителей, если придерживаться буквы теоретических положений.

В действительности же мы наблюдаем иную картину, ломающую сложившийся трафарет об исходных факторах, якобы влияющих на то или иное отношение к сложившемуся образцу. Данные Ибн Асама ал-Куфи, как и сведения ал-Балазури, Балами и другие показали, что практика оказалась гораздо более «творческой», чем теория. «Мирные договоры» с гарантией жизни имущества и веротерпимости при внесении хараджа и джизьи заключались в Дагестане именно с теми местными жителями и государственными единицами, которые оказали арабским властям ожесточенное и продолжительное сопротивление.

Хотя тексты договоров излагаются не всегда полностью, передаются, так сказать, в пересказе, их содержание вполне ясно: можно даже уловить разницу исходных обстоятельств первых договоров, заключенных от имени халифа Умара (634—644) и договоров, заключенных гораздо позже, в I четверти VIII в., наместником Арминии, впоследствии халифом (744—750) Марваном.

Первые договоры (их текст приводится полностью) заключались на «добровольных» началах с правителями тех областей Восточного Кавказа, которые изъявили желание покориться и добивались заключения мирного соглашения. В этом случае все шло по уже складывающейся традиции — уплата джизьи и хараджа⁴², признание таких повинностей, как предоставление постоя и проводников как бы компенсировалось обязательством завоевателей сохранить покоренному населению жизнь, имущество, право придерживаться старых, «своих» религиозных представлений. Налоги и повинности не регулировались во времени, т. е. носили фактически временный характер, погодное обложение еще не было известно.

При изучении истории Согда периода арабских завоеваний О. И. Смирнова обратила внимание на последнее обстоя-

тельство: «В первое время, когда походы арабов носили характер набегов, в договорах с местным населением, видимо, еще не было статей, фиксирующих состав дани, к тому же не ежегодной, а единовременной и носящей характер выкупа»⁴³. Впоследствии, когда власть арабов в завоеванных областях казалась более или менее стабильной, содержание договоров меняется, фиксируется не дань или выкуп, а систематическое взимание феодальной ренты.

Договоры Марвана отличаются от соглашений первых завоевателей (кстати, эти договоры не сохранились, они переданы в изложении)⁴⁴. Марван обязывает, как уже указывалось, горских владельцев поставлять ежегодно гулямов и рабынь, большое количество зерна, вносить подати, также деньги (вернее, в переводе на деньги).

О. И. Смирнова обратила внимание также на различный «статус» рабов и рабынь, поставляемых различными областями. Так, например, Сарир должен был ежегодно поставлять 500 гулямов и 500 красивых девушек с черными волосами и бровями, то же было вменено в обязанность малику Тумана. Договор 48/716—717 г. с Гурганом предусматривал доставку «400 мужей, на голове каждого бурнус, на бурнуса поднос и серебряная чаша и шелковый платок». Согласно договору с Марваном арабы получали слуг и служанок. В приведенных договорах речь идет о разных категориях рабов: раб как рабочая сила; юные рабы — красавицы и красавицы для обслуживания гаремов и рабы-воины. Первые из них, судя по договорам, шли из Средней Азии, вторые — главным образом с Кавказа⁴⁵.

Как известно, в Омейядском халифате существовало несколько городов, населенных осевшими здесь завоевателями⁴⁶ и поставлявших основную массу воинской силы — это Куфа и Басра в Ираке, а также Дамаск, Химс и Киннисрин в Сирии, Фустат в Египте, Шираз в Иране, Мерв — в Хорасане. При этом главные практические базы — Куфа и Басра имели свои «сферы влияния» в обеспечении войсками театра военных действий. Войска, сформированные из куфийцев, направлялись в основном в Хорасан и Мавераннахр, а басрийские на север — в Закавказье и районы Южного Прикаспия. Эта практика была господствующей за все время существования халифата⁴⁷.

О времени первых арабских завоеваний на Северном Кавказе арабские авторы, в том числе и Ибн Асам ал-Куфи, предоставляют в наше распоряжение интересный материал о происхождении контингентов войск, посланных в этот район военных действий. В главе «О завоевании Армянции и убийстве Салмана ибн Рабиа ал-Бахили» Ибн Асам ал-Куфи сообщает о посылке правителем Сирии, Джазиры и пограничной области Муавией Хабиба ибн Маслама в Армению. Узнав

об огромном количестве воинов «Муавия, уведомленный об этом Хабибом, обратился к Усману, а тот — к Валиду ибн Укба, тогдашнему амиру в Куфе, чтобы тот собрал 10 000 воинов из куфийцев и придал их Салману ибн Рабиа... Валид собрал куфейцев и призывал их организовать помощь сирийцам («братьям из Шама») в борьбе с войсками Византии (Рума). Было собрано 10 000 войск, отправившихся под руководством Салмана на помощь Хабибу ибн Маслама»⁴⁸.

Впоследствии, как продолжает Ибн Асам ал-Куфи, «Салман ибн Рабиа и преданные ему иракцы» подчинили Армению, прибыли в ал-Баб, обосновались в нем и оттуда совершили рейд до Йаргу и Баланджара.

Стало быть при первых походах арабов, посылка куфийских войск практиковалась и в районы Закавказья, и Северного Кавказа. Придерживались ли этой практики также и в последующем при Омейядах?

Ибн Асам ал-Куфи вносит ясность и в этот вопрос: Маслама приказал разделить город на четыре «четверти» т. е. квартала, заселив их жителями Дамаска, Химса, Палестины, Сирии и Джазиры. «Дербенд-наме» повторяет эти сведения, внося при этом некоторые существенные дополнения: в 115/733 г. Маслама заселил отдельные кварталы арабским населением, причем соответственно названию области именовались квартальные мечети. Таких мечетей было 7: мечеть Хадари, Палестинская, Дамасская, Химсская, Кайсарская, Джазирская (Джезирская?), Мосульская⁴⁹. Стало быть арабские жители Дербента были выходцами из Палестины, Джазиры, из городов Дамаска, Химса, Кейсариин (Мадаин), Мосула. Дербент был превращен в своего рода город-лагерь с населением преимущественно из Сирии и Палестины. Иракские воины, в частности куфийские, уже не названы. Выяснение этого обстоятельства весьма важно для определения позиции воинских континентов при социальных движениях — ведь куфийские по происхождению части были антимейядской и шиитской традиции⁵⁰.

Как известно, захват добычи был одним из стимулов арабских завоевателей. Помимо захвата добычи, широко практиковалось также массовое обращение в рабство гражданского населения, захват военнопленных. Это положение может быть хорошо иллюстрировано многочисленными данными арабских авторов и местных сочинений. Как сообщает ал-Куфи два карательных отряда, посланных ал-Джаррахом для наказания «земли Хадак» (Хайдак) и местности «в 6 фарсах от города ал-Баб» (Табасаран?), вернулись с богатой добычей — 10 000 лошадей, и 3000 пленных. «Дербенд-наме» также сообщает об итогах этого похода: из Каракайтага карательный отряд (арабский) вернулся с 12

тысячами голов скота, с 2000 туманов серебра и золота и 700 пленными. Отряд, посланный в Табасаран, стал обладателем 40 000 лошадей, крупного рогатого скота, овец, 2000 пленных⁵¹. При походе ал-Джарраха «Баланджар с его имуществом, женщинами и детьми оказался в руках мусульман». Как сообщает Ибн ал-Асир, при Джаррахе, после взятия Баланджара, «каждый всадник получил по триста динаров, а (всех всадников) было более тридцати тысяч»⁵².

При халифе Хишаме (724—743) добычу, взятую у хазар, Хараши разделил между воинами. На каждого мусульманина пришлось 1800 динаров, не считая вещей и животных. Пятая часть добычи была отправлена халифу Хишаму.

Маслама отнял у хазар богатую добычу, «разделил её среди мусульман, после того, как изъял оттуда одну пятую часть». Когда Марван двинулся к Баб ал-абвабу, «с ним было в это время 40 000 с лишним пленным кафирам... Он написал Хишаму ибн Абд ал-Малику, извещая его об этом и послал ему пятую часть всего, что Аллах предоставил ему». Он же, захватив сильно укрепленную крепость в стране Сарир, уничтожил её защитников, «а женщин и детей, имущество их он разделил между своими сподвижниками». Только материал Ибн Асама ал-Куфи, если даже не привлекать другие арабские источники или же местные исторические хроники, иллюстрирует вполне наглядно последствия арабских завоеваний на Кавказе, в частности в Дагестане — колоссальных размеров разрушения, огромный ущерб экономическим ресурсам страны, экономике народов в целом. Массовый угон трудящегося населения привел к разрушению производительных сил, сельское хозяйство пришло в упадок, хозяйственная жизнь оказалась на грани деградации. Многие города и села подверглись разрушению.

Арабским источникам принадлежит важное место в освещении вопроса о формах земельной собственности в завоеванных странах, системы военнопленных при арабах.

Вопрос о формах земельной собственности на Ближнем Востоке давно привлекает внимание исследователей, и его изучение отмечено значительными успехами, содействующими изучению истории общественно-экономических формаций, в частности феодализма⁵³.

Дагестанская историография уже располагает трудами, специально посвященными вопросу о формах земельной собственности в раннем средневековье⁵⁴. Однако вопрос этот настолько сложен, а сведения настолько отрывочны, что многие аспекты пока еще не изучены или изучены в самых общих чертах. К их числу относятся и вопрос об *икте*, её содержании, практическом статусе. Проблема института *икта* лежит, в сущности, в основе решения вопроса о путях перехода к феодальному способу производства.

В халифате институт *икта* имел различные формы: *икта* в виде бенифиция, перешедшего впоследствии в систему наследованных ленов; *икта* как отчуждаемая земельная собственность, *икта* в форме откупов.

В Дагестане в VII—VIII вв. арабы широко практиковали раздачу земель многочисленным воинам и арабским колонистам в районе Дербента или в Табасаране, но из источников мы не улавливаем правовой статус этих земель — были ли они причислены к разряду условных держаний или переданы с правом отчуждения, т. е. в качестве мулка.

Каждое новое сообщение по данному вопросу представляет поэтому значительный интерес. Ибн Асам ал-Куфи предоставляет в наше распоряжение несколько новых данных. Выше уже цитировалось сообщение о том, что наместник Иазид ибн Усайд установил многотысячным арабским колонистам в Дербенте «жалованье, ранее установленное им Омейядами».

Вероятнее всего, в данном случае речь идет о распределении части налогов, взимаемых с местного населения, об *икте* в форме бенифиция, может быть в качестве вакфа, которым наделались «добровольцы» в таких пограничных областях, как Дербент. Здесь мы имеем дело с условной формой земельной собственности (вернее получения части земельной ренты) за несение военной службы. Ибн Асам указывает, что эта форма, практика такого рода «жалований» имеет в Дербенте свои традиции («установил жалованье, ранее установленное им Омейядами»).

В 20/738 г. Марван ибн Мухаммад, будучи в Дербенте, взимал ежегодно с различных областей Дагестана следующие подати (харадж: с Кумука и (или?) Тумана — 100 гулямов и 100 невольниц, 20 000 батманов пшеницы; с Кубачи — 50 невольниц, с Кара-Кайтака — 500 гулямов и 20 000 батманов пшеницы, с Кура и Мискинджи — 14 000 батманов пшеницы и 40 000 дирхемов, с Ширвана — 20 000 батманов пшеницы и 50 000 дирхемов. Все продовольствие собиралось в зернохранилища Дербента и по мере необходимости распределялось среди воинов, расквартированных в городе⁵⁵.

Здесь указано, что выделение части хараджа и джизьи было установлено еще Масламой. Действительно, он послал в I четв. VIII в., как пишет Ал-Балазурн, «в город Баб ва-л-аббаб 24 000 [человек] из Сирии, обязавшись выдавать им жалованье. Поэтому жители ал-Баба и до сего дня не позволяют ни одному амиру входить в город, если с ним нет денег, которые бы он распределил между ними»⁵⁷. Здесь также имеем дело с распределением вакфных средств, выделяемых защитникам города. На эти же цели шли многочисленные налоговые поступления из внутренних районов Дагестана, о которых мы писали выше. В связи с этим пред-

ставляют интерес слова малика Дербента, обращенные к Масламе: «к тебе собрались правители (малики) гор, [которые] приготовили тебе харадж». «Защитникам» границ ислама были, по всей вероятности, предназначены и налоги, которые через своих амилов наместник Йазид взыскивал с нефтяных и соляных промыслов в Ширване⁵⁶,

Права арабского контингента, как правило, неоднократно обговаривались, что нашло отражение и в литературе. Ат-Табари сообщает, что в 126/743—744 г., «когда Марван послал Сабита вместе с Исхаком к жителям ал-Баба, он послал с ними к этим жителям письмо, в котором он извещал их о делах их пограничной области (*сагр*) и каково вознаграждение (плата) им для нужд их и их исламских центров (*маракиз*)»⁵⁷.

Контингент арабского населения (военного, а также гражданского) при Йазиде еще более увеличился. Халиф Мансур (754—775) «велел выпустить 7000 из тюрем и собрать в разных областях много воинов, которых он отправил [против хазар], присоединив к ним рабочих и строителей, и построили они город Камах, ал-Мухаммадию, Баб-Вак и другие города, которые он обратил в опорные пункты для мусульман и куда поселил воинов»⁵⁸. Хасан Алкадари добавляет, что эти 7000 мусульман были со своими семьями и они построили крепости в Рукеле, Кала-Суваре, Митаги, Мугатыре, Марага и Бильгади⁵⁹. Речь идет о создании вдоль Горной стены системы центров (*маракиз*), опорных баз, с расквартированным там арабским населением. Как отмечает В. Ф. Минорский, термины *маракиз* и *сугур* («пограничные области») употреблялись в одинаковом смысле⁶⁰. Он обратил внимание еще на одно обстоятельство: Йакут (1,438) сообщает, что в оборонительной системе Дербента были выделены специальные центры, защита которых была поручена одному из местных народностей (жителям Табасарана, Филана, ал-Лакза, ал-Лайзана, Ширвана)⁶¹.

Ахмад ибн ал-Куфи показывает не только процесс колонизации северных районов халифата, заселение сагров арабскими группами, но и не менее важный для феодализационного процесса фактор — перевод на землю и категории пленных рабов, создание земледельческих очагов вокруг крупных центров, таких как Дербент. Марван, по его данным, «двинулся к городу ал-Баб ва-л-абваб, с ним было в то время 40 000 с лишним пленный кафиров. Марван обосновал их в местности, называемой река ас-Самур до равнины земли ал-Курр». Ал-Балазури уточняет эти сведения: Марван поселил пленный хазар между Самуром и Шабираном, на равнине, в земле Лакза»⁶². Еще раньше Марван «напал на сакалиба, которые находились в земле хазар, взял из них в

плен 20 000 семейств (*ахл байт*), затем поселил их в Хайте»⁶³.

Вполне очевидно, что категория лиц, переведенная в сферу земледельческого труда, получила земельные участки, которые они обрабатывали. Условия, при которых все это реализовывалось, нам неизвестны. З. М. Бунятов справедливо отмечал, что «невозможно проследить динамику податного обложения и характер землевладения в этих странах, ибо мы не владем пока ни одним местным источником с описанием характерных черт землевладения и землеиспользования при Омейядах (как это можно сделать в отношении тех провинций халифата, об истории, сельском хозяйстве и ремесле которых имеются специальные работы, например, источники по истории Сирии, Табаристана, Кума и т. д.)»⁶⁴

Названные выше земли относились, очевидно, к категории государственных земель или же *дийа*, переданных посаженным на землю пленным на арендных началах.

Имеется и другая категория земельной собственности — определенные земельные участки, полученные на принципах условного держания (военного лена) или же с правом собственности (*мулк*, *аллод*). Следует различать две категории известий по этому вопросу: о мелких земельных наделах неэксплуататорского типа или же крупных земельных участках феодальных владений.

Первая категория немногочисленна: ат-Табари рассказывает о халифе Муавии (661—680), который «выделил им (жителям Куфы и Басры) их долю (*насиб*) из земель, захваченных в Ираке, Азербайджане, Мосуле и ал-Бабе... Ал-Баб, Азербайджан, ал-Джазира и Мосул — это [земли], захваченные жителями Куфы. [Муавия] перевел их к тем из них, кто переселился в Сирию, во время халифа Али»⁶⁵.

Из текста неясен юридический статус земель, полученных арабскими войсками. Видимо, свои наделы (*икта*) войны получали из фонда мусульманской общины (государственный фонд), «из которого государство раздавало *катиа* частным лицам и племенным группам с правом распоряжения ими — наследования, купли и продажи, но при условии обложения налогом *ушр* и обязательной обработки»⁶⁶.

Передача земель арабским переселенцам практиковалась и в других районах халифата. Так, например, при Аббасидах земли, захваченные у некоторых восставших армянских феодалов, передавались арабским переселенцам. По мнению А. Н. Тер-Гевондяна, эти армянские земли и владения «скорее были тем видом условного землевладения, которое называлось *катиа*. Государство давало войнам небольшие наделы земли с сидящими на ней держателями — крестьянами, в пожизненное владение на условиях несения военной

службы»⁶⁷. Тем не менее юридический статус этих земель остается все же до конца невыясненным.

Иногда в качестве икта передавались целые города и области. В 851 г. халиф Мутаваккил закрепил за Мухаммадом ибн Халидом (Шайбани) Баб ал-абваб с прилегающими областями в качестве икта (*акта'а*)⁶⁸.

Большое значение имеет вопрос об отношении арабских завоевателей с местными правителями. По отношению к местным династиям «в общем арабы держались единой политики: в подчиненных областях они ставили своих правителей, которые распоряжались военной властью и финансами, национальные династии обыкновенно сохраняли свое существование и удерживали за собой гражданскую власть»⁶⁹.

На завоеванных землях Ирана и Византии, к примеру, весь управленческий аппарат был сохранен без изменений. Ответственность за сбор налогов государство возложило на крупных земельных собственников местного происхождения⁷⁰.

Традиция отмечает исключительное значение, которое арабы придавали отношениям с местными правителями. В Дагестане (исключая только район Дербента) арабы не практиковали замену местных правителей своими, арабскими, а местных правителей использовали в интересах укрепления своей власти. Ни при ранних походах, ни при наиболее интенсивном вторжении Марвана в глубь дагестанских гор — нигде нет сообщения о замене одного владельца другим, все местные правители остаются на местах, принимают условия завоевателей. Им, по всей вероятности, и поручалось взимание и доставка ежегодных податей в распоряжение арабских властей. Известен только один случай, когда Марван, отправил Туманшаха к халифу Хишаму ибн Абд ал-Малику, но затем он был возвращен на родину⁷¹.

В произведении Ахмада ибн-Асам ал-Куфи зафиксирована богатая социальная терминология. Неоднократно упомянуты **малики гор**, конкретно **малик Лакза**, **малик Филана**, **малик Табаристана** (Табасарана), **малик хазар Арис** ибн Б.сбас, **малик области ал-К.р.** (ал-Лакза — ?), **малик города ал-Баба**, **правитель (вали) Баб ал-абваба**, **малик хамзиншах** (ср.: **филаншах**, **табасараншах**); к их же категории относятся термины **хакан**, **сахиб Баланджара**, **сахиб ас-Сарир**. «Второй ряд» социальной лестницы составляют: **асхабы хакана**, **асхабы Хабиба б. Масламы**, **раисы гор**, **хазарские тарханы** в Баб ал-абвабе, **тарханы** и **влиятельные люди** из подчиненных народов, **абна ат-тархана**; встречаются и **слуги сахиба Баланджара**.

Термин **малик** означает царь, но в первые века ислама он прилагался преимущественно к немусульманским правителям⁷². В Дагестане **маликами** названы все правители мест-

ных государственных единиц. Только по отношению к правителю Сарира применен другой термин — **сахиб**. В этом отношении гораздо богаче социальная терминология ал-Балазури. По его сообщению, Хосров I Ануширван, завоевав часть Восточного Кавказа, «пригласил ...царей, назначил их, предоставив каждому из них шахство (над отдельной областью). Среди них **хакан горы**, а он **сахиб ас-Сарир**, и называется он **вахрарзаншах**, **малик Филана**, а он **филаншах**, **табасараншах**, **малик ал-Лакза** с титулом **джурджаншах**, **малик Маската** ... И назначил он **сахива Бухха** над Буххом, **сахива Зирикарана** над Зирикараном». Здесь арабский автор не применяет ко всем дагестанским владетелям одинаковой социальной терминологии: Сариром управляет **хакан горы**, Филаном, Табасараном, Лакзом — **малики**, Буххом и Зирихгераном — **сахивы** (владельцы)⁷³.

Ат-Табари почти всегда употребляет термин **малики гор**, подразумевая всех дагестанских правителей, взятых вместе, а когда речь идет о правителе Сарира, то применяется термин **сахиб**, переданный Балами словом **мехтар**. У Балами правитель Баланджара также **мехтар**, а местные сторонники арабов, которых Сурака «отправил в отдельный дербенд или в города, которые были в горах Дербенда» названы **сархангами**⁷⁴.

Неоднократно встречаемся с термином **тархан** — 1000 хазарских **тарханов** в Дербенте, «**тарханы** и влиятельные люди из подчиненных народов», **тарханы хаканов**. Речь идет, очевидно, о военнотрудовой знати, предводителях небольших воинских подразделений. Такое предположение вытекает из сообщения «История Ширвана и Дербенда», относящегося к 1064 г. Владетель Сарира «послал свое войско с **тарханами** и **батриками** к воротам». Как считает В. Ф. Минорский, «владетель трона успешно нападал на хазар (Масуди, II, 42) и мог использовать пленных и наемников для своих экспедиций; термин **тархан** («свободный от налогов») мог применяться к их начальникам»⁷⁵.

Термины: **асхабы хакана** и **абна аг-тархана**, встречающиеся у ал-Куфи, различны по содержанию. **Асхабы хакана** (ср.: **асхабы Хабиба ибн Масламы**), это, по всей вероятности, наиболее близкий к нему военный состав, совет. Для аналогии с термином **абна тархана** («сыновья тарханов») можно привлечь ряд терминов из других известий: ал-Балазури пишет о **сыновьях маликов** (арабская передача слова **шахзадаган** «царевичи»), об особом самостоятельном слое между двумя категориями **дихкан** — **дихканами-азимами** и простыми **дихканами**⁷⁶.

Иранский (сасанидский) термин **vaspurlian**, вернее его производная форма, передавался арабским **абна ал-мулук**,

«в свою очередь приобретшим ... терминологическое значение. Так арабы именовали и позднее членов знатных домов в Персии, в частности Шираза, занимавших по наследству важнейшие чиновные должности»⁷⁷. **Абна ат-тархана** у Ибн-Асама и означает, по всей вероятности, «члены знатных хазарских фамилий».

Что касается Балами, то у него привилегированная часть хазарской армии также названа широко известным термином **тарханы**, а приближенные дагестанских правителей впервые отмечены словом **йар**. Только один раз Балами называет податное сословие — **ра'иййа (раййаты)** — это в том случае, когда халиф Осман предписал Саиду поход на Баб ал-абваб, ибо «многих из **раййатов** испортило чревоугодие».

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Yahya ibn Djabir al-Bcladsori, ed. M. J. de Goeje. Leiden, 1886; (*арабск. яз.*); Китаб футух ал-булдан ли-нмам Ахмад ибн Джабир ал-Багдади аш-шахир би-л-Балазури. Ат-табакат ал-ула. Каир, 1319/1901 (*арабск. яз.*); *Баладзори. Книга завоеваний стран. /Текст и перевод с арабск. Жузе П. К. Баку, 1927. (Материалы по истории Азербайджана, вып. 3).*

² Ibn Wadhīh qui dicitur al-Ja'qubi. Historiae, ed. M. Th. Houtsma. Pars I—II. Leiden, 1883 (*араб. яз.*); *Якуби. История. /Текст и перевод с арабск. Жузе П. К. Баку, 1927 (Материалы по истории Азербайджана, вып. 4).*

³ Annales quos scriptit Abu Dja'far Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Ed. M. J. de Goeje. Series I—III. Lugduni Batavorum, 1879—1901 (*араб. яз.*). В дальн. — Tabari. См. также персидскую переработку ат-Табари, принадлежащую Балами: Dorn B. Beitrage zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen, IV — Tabary's Nachrichten über die Chazaren nebst Auszügen aus Hafiz Abru, Ibn Aasem-el-Kufy. —

Mem. de Acad. imp. des sciences politiques, histoire, philologie, t. VI, 1844; Балами, Мухаммад ибн Мухаммад, Табари, Мухаммад ибн Джарир. Тар-джам-и тарих-и Табари. Тегран, 1959 (*перс. яз.*).

⁴ *Тарих Халифа ибн Хаййат*. Изд. Акрама Дийа ал-Умари, т. I—II. Багдад, 1386/1967 (*арабск. яз.*); *Сипенкова Т. М. История Халифы ибн Хайята как источник по истории арабских завоеваний на Кавказе и Закавказье.* — В кн.: *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Л., 1980, вып. 5.

⁵ *Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Китаб ал-футух. I—VIII.* Хайдарабад, 1968—1975 (*арабск. яз.*); *Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний. /Пер. с арабского Буннятова З. М. Баку, 1981. Об авторе: Шакир Мустафа. Ат-Тарих ал-араби ва-л-му'аррихун, Бейрут, 1979, ч. I, с. 32—33 (арабск. яз.).*

⁶ *Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, т. I, с. 42—46; История Дагестана. М., 1967, т. I, с. 131—132; Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—*

XIV вв. Махачкала, 1975, с. 9—10, 16—27; *Кудрявцев А. А.* Развитие торговли в Дербенте в VI—первой половине XIII в.— В кн.: Ближний и средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980; *Шихсаидов А. Р.* Средневековый город Дагестана и его связь с сельским хозяйством.— Там же; *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. М., 1982 и др.

Многие положения данной статьи были изложены мною в 1971 г. в работе «Арабские источники IX—X вв. о Дагестане. Книга ат-Табари «История пророков и царей» как источник по истории Дагестана», оставшейся в рукописи. (См.: Рукоп. фонд Института ист., яз. и лит.-ры Дагфиллиала АН СССР (далее ИИЯЛ), ф. 3, оп. 1, л. 324). Некоторые из этих выводов (в том числе о структуре Дербента, исходя из данных Балами, об общих судьбах шахристана в Дербенте и ряде городов Средней Азии, в частности в Бухаре) были учтены и подтверждены в ряде исследований. (См.: *Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1975, с. 100, 125, 127—129).

⁷ Liber expugnationis regionum, auctore... al-Beladsori, с. 208—209; *Баладзори*. Книга завоевания стран, с. 18—19; *Тарих Халифа ибн Хаййат*, т. II, с. 367; Ibn el-Athiri Chronicon quod perfektissimum inscribitur, ed. C. J. Tornberg, v. V. Lugduni Batavorum, с. 134, 180.

⁸ *Ахмад ибн Асам ал-Куфи*. Книга завоеваний, с. 56.

⁹ История Дагестана, т. I, с. 121—122, 131—138; *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент; *Он же*. Феодальный город Дагестана (по материалам Дербента VI—середины XIII вв.): Автореф. дис. ...докт. истор. наук. М., 1983.

¹⁰ Tabari, I, 2661, 2663, 2667, 2669, 2671, 2672 и др.

¹¹ Dorn B. Beitrage zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen, IV — Tabary's Nachrichten über die Chazaren, S. 497—499.

¹² Там же, с. 499.

¹³ О топографии средневековых городов см.: *Бартольд В. В.* История Туркестана, с. 126—129; *Он же*. История культурной жизни Туркестана, с. 199—206 (обе работы в кн.: Сочинения. М., 1963, т. II, ч. I; *Гафуров Б. Г.* История таджикского народа. М., 1955, с. 134, 192—194; *Сукиасян А. Г.* Общественно-политический строй и право Армении в эпоху феодализма. Ереван, 1963, с. 80—82; О характерных чертах феодального города см.: *Якубовский А. Ю.* Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере газневидского государства.— В кн.: Фердовси. Л., 1934, с. 165; Исследования последних лет внесли много существенного в вопрос о структуре городов в Средней Азии. «Оказалось, что большинство шахристанов продолжало жить и после рабадов, что многие города состояли не из трех, а из большего или меньшего количества составных частей». *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 136. О структуре Дербента см.: *Шихсаидов А. Р.* Арабские источники IX—X вв. о Дагестане. Книга ат-Табари «История пророков и царей» как источник по истории Дагестана, л. 101; *Он же*. Дагестан в X—XIV вв., с. 26—27; *Кудрявцев А. А.* О структуре раннесредневекового Дербента.— В кн.: Первые Крупновские чтения по археологии

Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1975; *Он же.* Город, не подвластный ве кам, с. 127—130; *Он же.* Древний Дербент, с. 143—147.

¹⁴ Tabary's Nachrichten über die Chazaren, S. 537.

¹⁵ Там же, с. 533—534, 536.

¹⁶ *Ахмад ибн Асам ал-Куфи.* Книга завоеваний, с. 41.

¹⁷ *Derbend-Nameh.* Translated from a select turkish version and published by M. A. Kazem-Beg. SPb., 1851, с. 453.

¹⁸ *Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи.* Китаб ал-футух, т. VIII, с. 68.

¹⁹ *Дорн Б.* Известия о хазарах восточного историка Табарн /Пер. П. Тяжелова.— Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1844, ч. XIII, июль, август.

²⁰ *Ахмад ибн Асам ал-Куфи.* Книга завоеваний, с. 47—48.

²¹ Там же, с. 64—65; о воротах Дербента см.: *Шихсидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв., с. 28—29; *Хан-Магомедов С.* Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979, с. 97—121; *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент, с. 104—105.

²² *Ахмад ибн Асам ал-Куфи.* Книга завоеваний, с. 65.

²³ Tabary's Nachrichten über die Chazaren, с. 543.

²⁴ *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана.— Сочинения. М., 1963, т. II, ч. I, с. 188. («Рустакн, т. е. волости мусульманского периода, были в то же время отдельными княжествами»); *Он же.* К истории орошения Туркестана.— Сочинения. М., 1965, т. 3, с. 119. («Группа селений обозначалась словом рустак»).

²⁵ *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана, с. 210.

²⁶ *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV века. М.; Л., 1960, с. 290.

²⁷ Tabary's Nachrichten über die Chazaren, с. 526—537.

²⁸ *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, с. 116—117.

²⁹ О разделении территории Халифата на иклимы и вилайаты (или кур) см.: Талас Ахмад Асад. Тарих ал-араб. Дар ал-анадалус, 1399/1979, с. 27—39 (*араб. яз.*).

³⁰ Krenier A. V. Culturgeschichte der Orients unter der Chalifen. Erster Band, Wien, 1875, S. 434—435.

³¹ Там же, с. 435.

³² Beladsori, 203

³³ Там же, с. 204.

³⁴ *Ахмад ибн Асам ал-Куфи.* Книга завоеваний, с. 18.

³⁵ *Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи.* Китаб ал-футух, т. VIII, с. 78.

³⁶ Там же, с. 79, 81.

³⁷ Beladsori, 208. Как писал Халифа ибн Хаййат (т. II, с. 367). Сарир поставлял 100 тысяч муdd. По Ибн ал-Асиру (V, 133) правитель Сарира был обязан поставлять 1500 гулямов и невольниц и 1000 муdd зерна; жители Тумана — 100 гулямов и невольниц и 20 000 муdd зерна, табасаранцах — 10 тысяч муdd зерна. Сообщается также (V, 180) и о событиях 121/738—39 г., когда правитель Хайзаджа «аключил мир на условии до-

ставки тысячи человек ежегодно и 100 тысяч мудд (зерна)». Балами (Tabarī's Nachrichten über die Chazaren, с. 544) пишет, что Марван заставил правителя Сарира согласиться вносить 500 тысяч дирхамов, 500 харвар хлеба и выдать 100 гулямов и 100 девушек.

38 Tabarī, I, 2662, 2665, 2666—2667.

39 Tabarī, I, 2665.

40 Там же, с. 2666.

41 Spuler B. Geschichte der islamischen Länder. Erster Abschnitt — Die Chalifenzeit. Leiden, 1952, S. 27—28.

42 О налоговой политике арабов см.: Якубовский А. Ю. Ирак на границе VIII—IX вв.— В кн.: Труды первой сессии арабистов. М.; Л., 1937, с. 179—180; Он же. Восстание Мукашны.— Советское востоковедение, М.; Л., 1948, т. 5, с. 36—37; Заходер Б. Н. История восточного средневековья. М., 1954, с. 11; История стран Азии и Африки в средние века. М., 1967, с. 119—120; История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, с. 137—139; Хрестоматия по истории халифата /Перев. Л. И. Надирадзе, М., 1968, с. 13—52.

43 Смирнова О. И. Очерки истории Согда, с. 258.

44 Огромный интерес представляет самаркандский договор 712 г., которому также предшествовало упорное сопротивление согдийцев, возглавлявшихся согдийским царем Гуреком. Договор сохранился, в него входят такие пункты, как: «...и он (Кутайб — А. Ш.) заключил с ним (Гуреком) мир относительно Самарканда и его рустак, Кеша и Насафа, и его земель, и посевных площадей, и всей совокупности его пределов за 2 000 000 дирхамов немедленно и 200 000 дирхамов ежегодно, и за три тысячи голов рабов, нет среди них ни детей, ни стариков ...И то из этого, что в качестве джизьи с его земли будет дано рабами зачтется ему каждая голова за двести дирхамов» (См.: Смирнова О. И. Очерки истории Согда, с. 208).

45 Смирнова О. И. Очерки истории Согда, с. 268.

46 Ацамба Ф. М., Надирадзе Л. И. Развитие феодализма в Арабском халифате.— В кн.: Историография стран Востока. М., 1977, с. 270.

47 Куббель Л. Е. О некоторых чертах военной системы халифата Омейядов (661—750) Палестинский сборник. М.; Л., 1959, вып. 4 (67), с. 114.

48 Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Китаб ал-футух, ч. II, с. 108—109.

49 Derbend-Nameh, 54.

50 Куббель Л. Е. О некоторых чертах военной системы халифата Омейядов, с. 114—115. При Омейядах города-базы были заселены по племенному признаку, причем племена или группы племен (руб в Куфе и хумс в Басре) занимали в этих городах особые районы, не смешиваясь друг с другом. Такая система, позволявшая использовать в случае необходимости одни племена против других, часто практиковалась в халифате Омейядов (См.: Куббель Л. Е. О некоторых чертах военной системы халифата Омейядов, с. 115).

51 Derbend-Nameh, 518.

52 Ibn el-Athiri Chronicon, V, 84.

53 Общую оценку работы см.: Ацамба Ф. М., Надирадзе Л. И. Развитие феодализма в Арабском халифате.

54 Обстоятельно о формах земельной собственности в раннесредневековом Дагестане см.: *Ахмедов Ш. М.* Земельные отношения в Дагестане в V—XI вв.—Ученые записки Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1969, т. 19; *Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умахинов М.-С.* Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970; *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1976, с. 61—85; *Шихсаидов А. Р.* Мулк в Дагестане в X—XIV вв.—В кн.: *Формы земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке.* М., 1979, с. 159—167.

55 *Derbend-Nameh*, 560.

56 *Beladsori*, 207. *Баладзори*. Книга завоеваний стран, с. 17.

57 *Beladsori*, 210. Там же, с. 20. Подборку сведений о передаче в вакф защитникам Дербента окрестных территорий и доходных объектов см.: *Буниятов З.* Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, с. 137—138.

58 *Якуби*. История..., с. 9.

59 *Гасан Эфенди Алкадари*. Асари Дагестан. /Пер. и комм. А. Гасанова. Махачкала, 1929, с. 25.

60 *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда, с. 124.

61 Там же.

62 *Beladsori*, 208.

63 Там же.

64 *Буниятов З.* Азербайджан в VII—IX вв., с. 122.

65 *Tabari*, I, 2673—2674.

66 *Ацамба Ф. М., Надирадзе Л. И.* Развитие феодализма в Арабском халифате, с. 260. О проблеме государственной собственности на землю в арабских странах см.: *Надирадзе Л. И.* Проблемы феодальных отношений в халифате: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1975.

67 *Тер-Гевондян Л. И.* Армения и Арабский халифат, с. 179.

68 *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда, с. 46.

69 *Крачковская В. А., Крачковский И. Ю.* Древнейший арабский документ из Средней Азии.—Согдийский сборник, с. 71.

70 *Ацамба Ф. М., Надирадзе Л. И.* Развитие феодализма в Арабском халифате, с. 225.

71 Тарих Халифа ибн Хаййат, г. II, с. 362. В литературе впервые об этом факте сообщил Доссон: *D'Ohsson. Peuples du Caucase.* Paris, 1828, p. 65.

72 *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949, с. 112.

73 *Beladsori*, 196—197.

74 Сархангов отметил в XII в. в Табасаране Абу Хамид ал-Гарнати: *Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Carnati*, ed. par G. Ferrand. Paris, 1925 («*Journal Asiatique*», VIII), с. 52—83); Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу /Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. М., 1971, с. 49 («большой военачальник»).

75 *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда, с. 73.

76 Там же, с. 136.

77 *Смирнова О. И.* Очерки истории Согда, с. 44.

О ПРОТОГРАФЕ РУМЯНЦЕВСКОГО СПИСКА «ДЕРБЕНД-НАМЕ»

«Дербенд-наме» — самый известный и распространенный из памятников средневековой дагестанской историографии. В русской и европейской востоковедческой науке он впервые стал известен после выхода в свет работы немецкого историка и филолога Т. З. Байера «О Кавказской стене» (1727 г.)¹. В дальнейшем, текст и переводы этого замечательного памятника были изданы полностью Я. Рейнеггом (Гота—Санкт-Петербург, 1796, немецкий перевод), Ю. Клапротом (Веймар, 1814, немецкий перевод; Париж, 1829, французский перевод), М. А. Казем-Беком (Санкт-Петербург, 1851, тюркский текст с параллельным английским переводом), М. Алихановым-Аварским (Тифлис, 1898, русский перевод), а в наши дни — Г. Б. Муркелинским (Махачкала, 1971, на лакском языке), А. А. Исаевым (Махачкала, 1978, на даргинском языке), совместно М.-С. Саидовым и А. Р. Шихсаидовым (Махачкала, 1980, русский перевод)². Имели место и неполные издания текста на русском языке, осуществленные И. М. Карамзиным в 1816 г., В. Д. Сухоруковым и А.-К. Бакихановым в 1829 г. и др.

Следует отметить, что ни одна из упомянутых публикаций не повторяет другие, так как каждый из переводчиков и издателей пользовался разноязычными списками памятника, содержащими различные, как по объему, так и по содержанию, его версии. Имеются многочисленные русские переводы этого исторического сочинения, остающиеся пока не опубликованными.

Науке уже известны десятки списков «Дербенд-наме» на восточных языках, хранящиеся в рукописохранилищах нашей страны и за рубежом, а также в частных коллекциях отдельных лиц (главным образом — в Дагестане)³. Из их числа два — Румянцевский список⁴ и Ленинградский список 1225/1810 г.⁵ — примечательны тем, что в них содержится важное для атрибуции «Дербенд-наме» авторское предисловие.

Правда, один из них — Румянцевский список — более известен науке, благодаря особому дополнению (supplement) М. А. Казем-Бека к своему изданию этой исторической хро-

ники (1851 г.)⁶ и статье академика В. В. Бартольда «К вопросу о происхождении *«Дербенд-наме»* (1927 г.)⁷. «Румянцевским списком окончательно установлено, что имя автора [сочинения *«Дербенд-наме»* — Г. О.] было Мухаммед Аваби Акташи...», — писал В. В. Бартольд⁸, опираясь на труд М. А. Казем-Бека и на текст самого Румянцевского списка. Высоко ценил этот список также В. Ф. Минорский, который называл его «важной рукописью» и отметил, что «эта рукопись стоит особняком»⁹.

Другой из рассматриваемых нами списков менее известен вследствие его малоизученности; хранится он в Отделе рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ОР ЛО ИВ АН СССР) под шифром: В — 764. Этот Ленинградский список¹⁰ не менее важен как по своему содержанию, так и для изучения другого — Румянцевского списка. Вопрос о соотношении между текстами обоих списков до сих пор не ставился. Приходится с сожалением отметить, что судя по работам М. А. Казем-Бека, В. В. Бартольда и В. Ф. Минорского, рассматриваемый нами список не был им известен: они не упоминают об этом списке ни разу, а пишут только о Румянцевском списке, хотя Ленинградский список уже в 1890 г. (очевидно, и еще раньше этого времени) находился в Азиатском музее¹¹ среди рукописной коллекции А. М. Шёгрена (1794—1855 гг.), и, во всяком случае, последние два автора могли быть осведомлены о нем по печатному сообщению К. Г. Залемана 1890 г.¹²

Сравнение текстов обоих списков показало, что тексты их почти идентичны. Упомянутое авторское предисловие Мухаммеда Аваби Акташи содержится как в Румянцевском, так и в Ленинградском списке¹³, одинаковы и время охватываемых в них исторических событий (с конца V в. по 1064 г.), и составные части их текстов, и последовательность описываемых эпизодов и пр. Язык обоих — тюркский.

Различие же между текстами Румянцевского и Ленинградского списков заключается в некоторых механических пропусках, повторах и орфографических упущениях в Румянцевском списке в сравнении с текстом Ленинградского. Различие также во внешних параметрах (размеры листов рукописей, вид бумаги, характер почерка, количество строк и страниц, чернила) и в датировке. Но не наоборот. То есть, многие из ошибок, имеющих место в Румянцевском списке¹⁴, можно исправить по тексту Ленинградского списка. К сожалению, в обоих текстах не указаны имена их переписчиков и места переписки¹⁵.

Приведем ниже несколько примеров — отрывки из Румянцевского списка, в которых нами обнаружены **пропуски** (в текстологии это так называемые ошибки запоминания),

а в соответствующих местах укажем в квадратных скобках текст, восстановленный по Ленинградскому списку:

л. 3а/4а* — «[Он установил ворота] на той стене»;

л. 3б/4б — «В крепости Ихран восседал сепасалар Исфендийара, сделав [золотой] трон»;

л. 4а/5а — «Это — область лезгин. Её людей привели из Исфакана. [Правителя] её называли Хиджран-шах»;

л. 12а/14а — «...Ушел в Эндирей, сепасаларом которого был Гелбах; и в Балх, правитель которого Эндирей; и в крепость Сурхаб, которая в настоящее время известна как Кызыл-Йар [а правитель её — Мухаб; и в Малый Маджар, который известен ныне как Чумлу], а правитель его — Батрас»;

л. 17а/19а — «От Табарсарана назначил пятьсот рабов, двадцать тысяч мерок (*мошт*) пшеницы. [От Кюре, Кураха и Ахти назначил двадцать тысяч мерок пшеницы] и сорок тысяч дирхемов денег наличными»;

л. 20а/22б — «Когда наступил сто девяностый [год]...»; «...Хашим Месис бин [Джейун бин] Неджм захватил Дербенд»;

л. 20б/22б — «В Дербенде он построил одно [здание]»;

л. 21б/24а — «...В среду, пятнадцатый день месяца джумада [ал-ахира]...»

В тексте Румянцевского списка встречаются **повторы** как отдельных слов, так и целых предложений. Это так называемые ошибки письма. Напр.:

л. 9б — «Велид»;

л. 16б-17а — «От Гюбечи назначил пятьдесят рабов»;

л. 18а-18б — «Дарвак был большим городом. И народ мосулский поселил он в городе Дербуше».

Этих повторов нет в Ленинградском списке (см. соответственно л. 11а, 19а, 20б).

Особенно много в Румянцевском списке **орфографических ошибок**, которых нет в тексте Ленинградского списка, то есть в последнем слова эти написаны правильно. Это тот тип ошибок, который классифицируется в текстологии как ошибки прочтения и ошибки внутреннего диктанта писца. Вот некоторые из них:

л. 2б/3б — *Дест-и Кыбджак*** вместо правильного *Дешт-и Кыпчак*;

л. 4а/5а — *лутан* вм. *туман*, *Лутан-шах* вм. *Туман-шах*, *дагура* вм. *даруга*;

* Первая цифра здесь и далее означает пагинацию по Румянцевскому списку, а вторая (после косой черточки) — пагинацию по Ленинградскому списку.

** Ввиду ограниченности типографских возможностей, арабграфические тексты заменены здесь и далее русской транскрипцией. Диакритические знаки проставлены лишь в принципиально необходимых случаях.

л. 76/9а — *Баб-ал-абван* вм. *Баб-ал-абваб*;

л. 9а/11а — *Гедже* вм. *Гендже*;

л. 9б/11б — *хенк* вм. *дженк*;

л. 126/14а — *Бу 'Убейда* вм. *Абу 'Убейда*;

л. 13а/15а — *ти'* вм. *тиг*;

л. 136/15б — *нару* вм. *бару*;

л. 176/20а — *Джерира* вм. *Джезира*;

л. 18б/21а — *Хуба* вм. *Куба*;

л. 19а/21а — *тулм* вм. *зулм*;

л. 20б/22б — *Сирван* вм. *Ширван*;

л. 21а/23б — *Дербен* вм. *Дербенд*;

л. 21б/24а — *банзехем* вм. *панздехем* и др.

Имеются, однако, орфографические, механические и другие ошибки не только в тексте Румянцевского, но и Ленинградского списка (правда, таковых меньше). Причем, они повторяются в Румянцевском списке. Например (листы указаны также по пагинации Румянцевского списка, а после косой черточки — Ленинградского списка):

л. 10а-126/11б-14б — *Абу Убейда Джеррах* встречается иногда в форме: *Убейда Джеррах*;

л. 13б/15б — имя *Абу Муслим* написано иногда как *Муслим*, а имя омейядского халифа — *Хишам* дано везде неверно — *Хашим*;

л. 4б/5б — имеется очевидный пропуск целого выражения в обоих списках, из-за чего предложение стало не совсем понятным;

л. 20а/22б — «*Когда наступил сто шестидесятый год...*» — так в обеих рукописях. Здесь, по всей вероятности, должна идти речь о 260-м годе, так как строгая хронологическая последовательность повествования, выдерживаемая в других эпизодах, тут явно нарушается. Кроме того, о событиях 160 г. х. уже шла речь ранее (см. л. 18б-19а/21а-21б).

Еще другая особенность текста Румянцевской рукописи — замена буквы «*че*» на «*джим*», а буквы «*пэ*» — на «*би*». Например, *Джубан-бик* вм. *Чопан-бек*, *джун* вм. *чун*, *джук* вм. *чок*, *Дербуш* вм. *Дерпуш* и т. д. В палеографии широко известно альтернативное употребление арабских букв «*джим*» и «*би*» для передачи на письме звуков соответственно *дж||ч* и *б||п* — при написании персидских, тюркских и некоторых других неарабских текстов. При более строгом соблюдении переписчиками правил орфоэпии тех или иных языков, они употребляли, однако, буквы «*че*» и «*пэ*» — для передачи звуков *ч* и *п*, и буквы «*джим*» и «*би*» — для пере-

дачи звуков *дж* и *б*. Для орфографии Ленинградского списка характерно употребление букв «*че*» и «*пэ*».

В вопросе датировки обеих рукописей, особенно Румянцевского списка, существуют весьма разноречивые мнения. Суть разногласий заключается в следующем: Одна из цифр (а именно — вторая) даты, указанной в колофоне на последней странице Румянцевской рукописи, написана неясно, что и приводит исследователей к разному её прочтению и толкованию. М. А. Казем-Бек видел в ней год 1731, написанный арабскими цифрами, но, по его мнению, по христианскому летосчислению¹⁶. С такой интерпретацией не согласился акад. В. В. Бартольд. «Попытка толкования текста, предложенная Казем-Бекем, едва ли удачна, — излагает В. В. Бартольд результаты своих текстологических исследований; — более вероятно, что действительная дата — 15 джумада I 1131 (5 апреля 1719 г.)»¹⁷.

Таким образом, оба интерпретатора связывают время создания Румянцевского списка с первой половиной XVIII в., хотя и с разными годами. Но можно было согласиться хотя бы с одной из этих интерпретаций, если бы не другое важное обстоятельство. Дело в том, что, как заметила Л. И. Фаллина, некоторые листы, составляющие эту рукопись, при их рассмотрении на свет обнаруживают даты изготовления бумаги: 1814, 1815. Имеются и другие водяные знаки (филигрань), характеризующие палеографические особенности бумаги российского производства I четв. XIX в.¹⁸ Следовательно, Румянцевская рукопись могла быть написана не ранее 1814 г. Это обстоятельство позволяет с уверенностью читать дату в колофоне Румянцевского списка иначе¹⁹: 1231 г. х.

Дату же переписки Ленинградского списка читают некоторые исследователи как 1775 христианского летосчисления или 1225 по хиджре²⁰, хотя в его описании, выполненном Л. В. Дмитриевой, А. М. Мугиновым и С. Н. Муратовым, содержится уже правильная его датировка: 1225/1810 г. Её можно ещё уточнить по колофону Ленинградского списка (л. 24), текст которого следующий: «Окончена переписка этой *Книги о Дербенде (Дербенд-наме)* в среду, в пятнадцатый день месяца джумада ал-ахира 1225 года». Эта дата соответствует **среде 18 июля 1810 г.**

Переписчик Румянцевской рукописи механически переписал не только авторское предисловие и весь исторический текст, но и колофон (!) протографа Ленинградской рукописи, не задумываясь над тем, что колофон каждой рукописи должен быть только свой, не переписанный. Неизвестный переписчик Румянцевской рукописи же указывает день недели (среда), число (15) и месяц («джумада —», тут он пропустил конец слова; в протографе — «джумада ал-ахира») те же,

что и в колофоне Ленинградской рукописи. Ясно, что они не могут полностью совпадать через 6 лет²¹. Переписчик изменил в колофоне Румянцевского списка лишь год, указав вместо 1225 (год составления Ленинградского списка) — 1231 г. х. Теперь нам должно быть понятно, почему дата в колофоне Румянцевского списка вызвала недоумение тех, кто был с ним знаком. Как совершенно справедливо заметил еще В. В. Бартольд, в 1231 г. х. на 15-ые числа джумада I или джумада II не приходились на среду²². Но полную разгадку обстоятельства может дать учет текста Ленинградского списка, от которого зависим Румянцевский список.

Из вышесказанного вытекает соответствующий вывод: месяц, число и день недели, указанные в колофоне Румянцевского списка — неверны, так как они механически переписаны с протографа. Вызывает доверие лишь год по хиджре, указанный там же — 1231; он соответствует времени между 3 декабря 1815 — 20 ноября 1816 г. Это и есть время переписки Румянцевского списка. Материалами для более точной датировки его мы не располагаем, так как число и месяц, указанные в колофоне Румянцевского списка приходится отвергнуть по вышеназванной причине.

Итак, наличие авторского предисловия Мухаммеда Аваби Акташи в обоих списках, зависимость текста Румянцевского списка от текста Ленинградского списка, совпадение (не случайное!) числа, дня недели, месяца в дате их переписки, а также учет «возраста» их обоих и другие данные, о которых говорилось выше, дают достаточно оснований считать Румянцевский список копией с текста Ленинградского списка 1225/1810 г., причем снятой довольно небрежно и весьма плохо сверенной. Это обстоятельство несколько новышает ценность рассматриваемого нами Ленинградского списка — непосредственного протографа Румянцевского списка (несмотря на то, что последний остается более известным по трудам упомянутых выше выдающихся востоковедов), но ни в коей мере не обесценивает последнего²³. Однако при изучении или издании в свет Румянцевского списка обязательно следует учесть его протограф — текст Ленинградского списка.

Хочется обратить внимание исследователей и на другой интересный факт, связанный с судьбой обеих рассматриваемых нами рукописей. Ленинградский список 1225/1810 г. попал в Азиатский музей, как явствует из упомянутого выше сообщения К. Залемана, из частной коллекции известного русского филолога и этнографа А. М. Шёгрена. Говорить о том, что последний приобрел рукопись «Дербенд-наме» во время своего путешествия по Кавказу, предпринятого им в 1835—37 гг., очевидно, не приходится, так как еще в 20-х гг. XIX в. в личной коллекции Н. П. Румянцева в Петербурге

имелась рукопись «Дербенд-наме» (впоследствии ставшая известной как Румянцевский список), являющаяся её преемницей. Каким образом рукопись «Дербенд-наме» оказалась в его коллекции, нам пока не удалось выяснить.

Неизвестно также, откуда попала другая рукопись в Румянцевский музей. Можно предположить, что она была приобретена и переписана стараниями самого мецената — графа Н. П. Румянцева — в 1815 или 1816 году (время переписки Румянцевской рукописи). Известно лишь, что где-то между 1821—26 годами гр. Н. П. Румянцев поручил известному путешественнику и ученому О. И. Сенковскому (1800—1858 гг.) опубликовать текст и перевод так называемой Дербентской летописи. Существует указание на то, что в типографии был отпечатан один лист этого источника²⁴. Однако, вследствие кончины мецената — гр. Н. П. Румянцева, последовавшей в 1826 году, — источник остался неопубликованным. И лишь в 1851 году М. А. Казем-Бек сообщил научному миру о существовании Румянцевского списка. Тем не менее, слова акад. В. В. Бартольда о том, что «после Казем-Бека этим списком никто не занимался...»²⁵, сказанные им еще в 1927 г., поныне остаются справедливыми²⁶.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Bayer Th. S. De muro Caucaseo.— Commentarii Academiae Scientiarum. Petrop. typ. Academiae, t. 1, 1727, с. 425—463.

² Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме» (к вопросу об изучении).— В кн.: Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с. 5—64. Здесь же см. историю изучения памятника, с. 5—12.

³ Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме», с. 13—24. Авторы перечисляют 35 известных им списков (только на восточных и дагестанских языках). Рассматриваемые в нашей работе списки обозначены в работе М.-С. Саидова и А. Р. Шихсаидова под шифрами Е и Ха (с. 17, 23).

⁴ По названию петербургского Румянцевского музея, в фондах которого в свое время находился этот список. Ныне хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве: фонд 256, собрание Н. П. Румянцева, № 833, инв. № 261. Ксерокопия и фотокопия имеются в Рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагфилнала АН СССР (далее: Рукоп. фонд ИИЯЛ), ф. 14, № 2192; ф. 6, оп. 1, д. 217, инв. 7201.

⁵ Упоминания и описания Ленинградского списка 1225/1810 г. см.: Salemann C. Das Asiatische Museum im Jahre 1890.— Mélanges Asiatiques. SPb., 1890, t. 10, с. 282; Стори Ч. А. Персидская литература: Библиографический обзор. М., 1972, ч. 2, с. 1275; Дмитриева Л. В., Мусинов А. М., Муратов С. И. Описание тюркских рукописей Института народов Азии: История. М., 1965, т. I, с. 129—130, оп. 123; Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме...», с. 23. Микрофильм и фотокопия этой рукописи хранятся в Рукоп. фонде ИИЯЛ, ф. 6, оп. 1, д. 167; ф. 6, оп. 2, д. 75.

6 *Derbend-nameh, or the History of Derbend ...* by Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851, с. 678—686.

7 *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1973, т. 8, с. 469—480.

8 *Бартольд В. В.* К вопросу о происхождении *Дербенд-наме*, с. 474.

9 *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 22.

10 В фондах ленинградских хранилищ, кроме рассматриваемой, обозначенной нами здесь условно Ленинградским списком, ныне имеется еще несколько тюркоязычных и персоязычных рукописей «Дербенд-наме» разных лет переписки — в Отделе рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения и в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Содержание их пока не изучено.

11 Азиатский музей Академии наук, первое в России научно-исследовательское востоковедное учреждение, основанное в 1818 г. В 1930 г. преобразован. Ныне: Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР.

12 *Salemann C.* Das Asiatische Museum, с. 282.

13 Хотя доныне в литературе еще бытует неверное утверждение, будто Румянцевский список является единственной известной рукописью, содержащей предисловие Мухаммеда Аваби Акташи (см.: *Стори Ч. А.* Персидская литература..., ч. 2, с. 1275; *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения: Исторические сочинения. М., 1975, вып. 3, с. 396; *Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р.* «Дербенд-наме», с. 17). Ср., однако: *Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. И.* Описание тюркских рукописей, т. 1, с. 132.

14 На наличие орфографических и прочих ошибок в рукописи Румянцевского списка указывал еще М. А. Казем-Бек, который издал текст авторского предисловия Мухаммеда Аваби Акташи со своими исправлениями (см.: *Derbend-nameh*, с. 679—680; см. еще: *Бартольд В. В.* К вопросу о происхождении *Дербенд-наме*, с. 475—477).

15 По мнению авторов описания Ленинградского списка 1225/1810 г., место переписки его — Северный Кавказ. (См.: *Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. И.* Описание тюркских рукописей, т. 1, с. 130).

16 *Derbend-nameh*, с. 678.

17 *Бартольд В. В.* К вопросу о происхождении *Дербенд-наме*, с. 475.

18 Глубоко признателен науч. сотруднику Института востоковедения АН СССР А. И. Фалиной, которая еще в 1979 году впервые обратила внимание автора этих строк на определение года изготовления бумаги рукописи Румянцевского списка по водяным знакам. На предпочтительность иной, чем у М. А. Казем-Бека и В. В. Бартольда, интерпретации текста упоминал также А. Р. Шихсаидов, который писал в 1979 г.: «...чтение 1231 кажется нам наиболее убедительным». (См.: Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 322, инв. 6675, с. 67).

19 В. В. Бартольд допускал возможность иной интерпретации, когда писал о своем предположении: «**Может быть**, это только случайный росчерк пера и надо читать...» «...Более вероятно, что действительная дата...»

(подчеркнуто нами — Г. О.). Цитата из работы В. В. Бартольда: К вопросу о происхождении *Дербенд-наме*, с. 475.

²⁰ Литературу см. в примеч. 5.

²¹ Судя по датам в колофонах обеих рукописей, Румянцевский список был переписан спустя 6 лет после создания Ленинградского списка (1225 и 1231 гг. х.).

²² Бартольд В. В. К вопросу о происхождении *Дербенд-наме*, с. 475, примеч. 26.

²³ Как полагает акад. В. В. Бартольд, версия Румянцевского списка более ранняя, чем версия списка 1099/1687 г., хранящегося в Отделе рукописей Гос. публичной библиотеки им. С.-Щедрина в Ленинграде. (См. его: К вопросу о происхождении *Дербенд-наме*, с. 475).

²⁴ Старчевский А. О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории.— Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1846, ч. 49, январь, отд. V, с. 48; Еще несколько слов об ученых заслугах графа Румянцева.— Там же, ч. 49, № 1, март, отд. V, с. 55; Дорн Б. А. Разбор сочинения Мирзы А. Казембега под заглавием *Derbend-Nameh...*— В кн.: Двадцать первое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 17 апреля 1852 г. СПб., 1852, с. 105 (машинописная копия — Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 312); Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981, с. 28, 135.

²⁵ Бартольд В. В. К вопросу о происхождении *Дербенд-наме*, с. 474.

²⁶ Текст русского перевода Румянцевского списка «Дербенд-наме», осуществленного нами в 1979 г., см.: Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 322, инв. 6675. В дальнейшем этот перевод был пересмотрен автором этих строк (так как в нем не был учтен текст Ленинградского списка) и подготовлен к публикации вместе с историко-филологическими комментариями.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦНЦ РАН**

instituteofhistory.ru

УКАЗ (ФИРМАН) ШАХА АББАСА I НА ИМЯ АМИР-ХАМЗА-ХАНА, УЦМИЯ КАЙТАГА, ОТ 1607 ГОДА

Большую роль в изучении истории средневекового Дагестана играют источники на персидском языке.

Указы персидских шахов на имя дагестанских правителей хранятся в архивах и музеях Дагестана, Азербайджана, Армении. Большое количество указов персидских шахов на имя правителей Грузии, Армении, Азербайджана и Дагестана находится в различных книгохранилищах Грузии. Часть этих указов в свое время была переведена на грузинский язык и опубликована В. С. Путуридзе¹.

К сожалению, исследователи, не владевшие персидским и грузинским языками, были лишены возможности пользоваться этими источниками. Поэтому возникла необходимость их перевода на русский язык. Все фирманы персидских шахов на имя дагестанских правителей, изданные В. С. Путуридзе, переведены нами с персидского на русский язык и в настоящее время готовятся к печати².

Почти все указы (фирманы) сефевидских шахов начинаются одинаково: «Он» (бог) или «Царство принадлежит богу». Далее следует формула «раб государя страны»³. Собственно тексты указов начинаются словами «Августейший указ последовал» или «Указ того, кому подчиняется мир». Далее следуют титулы тех феодалов, которым указ адресован и которые дают возможность установить к какому рангу они относятся. В «Дастур ал-мулуке» Мирза Рафи'а, изданном М. Т. Данеш-Пожухом⁴, четко указаны все нерархические ступени при Сефевдах. Поэтому при переводе указов необходимо переводить и сохранять все титулы, такие как «прибежище управления и могущества, главный из благородных правителей» и т. д.

Указ шаха Аббаса I, перевод которого мы публикуем, адресован Амир-Хамза-хану, уцмию Кайтага, в 1607 г.

В начале XVII в. обстановка на Северном Кавказе, по сравнению с концом XVI в., значительно изменилась. В 1603 г. возобновилась война между Персией и Турцией за Закавказье. Русское правительство внимательно следило за этими двумя странами и пыталось путем военных дейст-

вий обеспечить успех переговоров с шахом об уступке Дербента и Баку. Поэтому в 1604—1605 гг. «русскими был предпринят большой поход в Дагестан под начальством Бутурлина и Плещеева, которые взяли Эндери и Тарки, но к Таркам пришло кумыкское войско и турецкий отряд из Шемахи. Русские понесли большие потери»⁵. После этих событий Российское государство на некоторое время отстранилось от борьбы за Закавказье и на арене остались только две державы — Турция и Иран.

В 1606 г. шах Аббас I разгромил турецкие войска в Дербенте и восстановил персидское владичество в непосредственном соседстве с Кайтагским уцмийством. Местные правители вступали в союз то с одной, то с другой державой. Из указа Аббаса I видно, что Амир-Хамза-хан, правитель Кайтага, в это время был союзником шаха Аббаса I. Об этом пишет и академик В. В. Бартольд, но уцмием Кайтага он называет (почему-то) Рустам-хана⁶.

Известно, что уцмий — это титул правителей Кайтага, а последние никогда не были правителями Дербента. Известно и то, что «в конце XVI в. — начале XVII в. правителем Дербента был Хаджи-Мухаммад, изъявивший покорность шаху в 1606 г.⁷, т. е. после изгнания турецких войск из крепости Дербент шахом Аббасом I. До сих пор ни в одном из известных нам первоисточников⁸ не встретилось имени правителя Дербента после 1606 г.

Шах Аббас I в ходе наступательных операций против Турции в 1603—1606 гг. всячески старался привлечь дагестанских правителей на свою сторону. После разгрома турецких войск шах Аббас I «во воздаяние за эту добрую службу одарил сына Хаджи-Мухаммеда Дербенди и уцмия Кайтага подарками и пожаловал им сююргал, т. е. предоставил право взимать в свою пользу налоги, которые поступали с подвластной территории в шахскую казну. Кроме того, уцмий получил грамоту на управление Дербентом»⁹. В четырехтомной истории Дагестана нет ссылок на источник этого утверждения, но если оно справедливо, то становится понятно, почему в публикуемом указе от 1607 г. шах Аббас называл Кайтагского уцмия Амир-Хамза-хана (хакем) правителем Дербента, и мы узнаем имя правителя Дербента в 1606—1607 гг.

Как видно из указа, многие районы Азербайджана и Дагестана в тот период еще подчинялись Турции. Судьба крепости Шемахи еще не была решена. В это время шах Аббас I в подвластные ему районы переселил много народа¹⁰. Война с османами еще продолжалась и поэтому персидскому шаху нужны были союзники, ему надо было сохранить силы для наступательных операций, а город Дербент нужно было закрепить за собой, как крепкий опорный

пункт. Боясь каких-либо осложнений он предписывает в указе Амир-Хамза-хану не допускать в город караваны, идущие со всех сторон, послать, кроме кызылбашских газиев¹¹ и своих людей для охраны ворот крепости. Шах просит уцмня прибыть к нему, чтобы решить дела областей, подвластных в тот момент шаху, и обещает решить все важные дела этих областей (Дербента, Мускура, Кубы и Калхана)¹² по воле уцмня. Шах Аббас I не скупится на обещания. В такое время ему нужен был союзник вблизи театра военных действий.

Война длилась 9 лет и закончилась в 1612 г. победой шаха Аббаса.

Отметим, что публикуемый указ позволяет нам сделать три важных вывода.

Первый: установить имя правителя Дербента в 1606—1607 гг.; второй: внести поправку в годы правления Рустем-хана, уцмня Кайтага, который по данным Р. М. Магомедова, правил с 1601—1645 гг.¹³, а по нашему документу уцмием Кайтага в 1607 г. был еще Амир-Хамза-хан; и третий: выяснить, что между правлением Ахмед-хана и Рустем-хана, вероятно, не долгое время, правил Амир-Хамза-хан¹⁴.

Копия с подлинной грамоты шаха Аббаса.

На имя Амир-Хамза-хан уцмня
царство принадлежит аллаху
печать
раб государя страны
Аббас

Августейший указ последовал о том, что прибежище управления и могущества, главный из благородных правителей, совершенство провинции Амир-Хамза-хан уцмий, правитель Дербента, удостоенный беспредельной шахской милости и безграничного государева внимания, взысканный и отмеченный, возвышенный и уважаемый, пусть знает, что поскольку прибежище власти [т. е. уцмий] проявляет искренние чувства дружбы и единодушия к этой могущественной державе, то [этим] он создал [себе] много врагов. Правильно будет так, чтобы караваны, которые направляются в Дербенд отовсюду — как от народа Дагестана, так и от нас, не допускались бы в город. Следует препоручить [городские] ворота великим газиям и своим людям так, чтобы при каждом входе находились бы как несколько человек из числа кызылбашских газиев, так и [из числа] людей того прибежища власти, дабы они несли их охрану до тех пор, пока не разрешится дело с крепостью Шемахи и она не перейдет к нам. Необходима и важна предосторожность. Так прибежище управления [пусть] оставит там своих доверенных людей,

а сам направится к высочайшему двору, чтобы решить важные дела тех пределов Дагестана, как он считает целесообразным. Мы поступим согласно этому правилу, поскольку августейшее величество в этих границах полагается на слово того высокопоставленного. Важные дела Ширвана; особенно границ Дербенда, Мускура, Кубы и Калхана и тех пределов Дагестана мы устроим сообразно его решению. Тот прибежище правления проявил свою искренность, не провинился [остался] честным. Мы, если того захочет аллах великий, таким образом его возлюбим [взыщем], что больше никто не сможет и вообразить. [Пусть] он в делах своих будет мужественным до тех пор, пока [сможет] приложиться к высокому порогу. [Пусть] изо дня в день он докладывает об истинном положении дел и во всех отношениях верит и надеется на безграничное государево милосердие.

Написано в месяце мухарраме запретном
1016 г. х. [1607 г.]

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Путуридзе В. С.* Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. Тбилиси, 1961, кн. 1, вып. 1; 1963, вып. 2; 1965, вып. 3; 1977, вып. 4.

2 Рукописный фонд Института ист., яз. и лит-ры Дагфилиала АН СССР (далее: ИИЯЛ), ф. 3, опись 1, № 306, 325, 326, 388, 389, 390.

3 Смысл этого выражения заключается в том, что шахом Ирана признавался зять основоположника ислама Мухаммада Али, четвертый халиф (656—661 гг.) и первый шиитский имам. Сефевиды, приписав себе происхождение от Али, тем самым признавали себя лишь его наместниками (следовательно, и рабами). (См.: *Петрушевский И. П.* Официальные документы XVI—нач. XIX вв. как источник для истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении.— В кн.: Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940, т. 3, с. 17).

4 Мирза-Рафи-а Дастур ал-Мудук, изданный М. Т. Данеш-Пежух. Тегеран, б. г. (на перс. яз.).

5 Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, т. I, с. 133.

6 *Бартольд Б. Ф.* Дагестан. М., 1967, т. 3, с. 414.

7 История Дагестана. М., 1967, т. I, с. 251.

8 *Аббас Кули Ага Бакиханов.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1970; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М.: Изд-во социально-экономической литературы. 1963, т. 18; *Искендер Мюниш Тарих-е Аламира-йи Аббаси.* Тегеран, 1935, литографированное издание.

9 История Дагестана, т. I, с. 272.

10 История Азербайджана. Баку, 1958, т. I, с. 266.

11 Газн — вопп.

12 *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 113, карта 2.

¹³ Магомедов Р. М. Хронология истории Дагестана. Махачкала, 1959, с. 43.

¹⁴ Как мы уже упоминали, В. В. Бартольд называет правителем Кайтага этого времени Рустем-хана. В очерках истории Дагестана (т. I, с. 103, сноска 5) говорится: «Составление этого документа предписывает уцмю Рустем-хану, вступившему во владение Кайтагом в 1601 г., после смерти Ахмет-хана»...

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА АРАБОЯЗЫЧНЫХ ДАГЕСТАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА XVIII — нач. XIX вв.

Фундаментом исторических исследований называет академик М. Н. Тихомиров письменные исторические источники, «там, где они отсутствуют, историк бродит в потемках»¹. Из большого количества письменных памятников по истории и культуре народов Дагестана мы хотим выделить документы местного «письмоведения», временные рамки которых в пределах XVIII — нач. XIX веков. На исключительную значимость поздних арабских источников XVIII—XIX вв. для изучения исторического прошлого и культуры народов Кавказа указывал академик И. Ю. Крачковский: «они появлялись не со стороны, а возникали в той самой среде, которой были посвящены и для которой арабский язык часто был основным литературным языком... Своеобразную группу среди них составляют ...письма»².

Вся официальная и частная переписка в Дагестане вплоть до нач. XX века велась в основном на арабском, тюркском и персидском языках, причем два последних играли вполне подчиненную роль* по отношению к первому (переписка с русской администрацией велась на тюркском языке³, но как известно, арабский язык употреблялся и царскими властями в письменных сношениях с горцами)⁴. Памятники эпистолярного жанра на арабском языке, исследованию которых посвящается эта статья — пока наиболее слабо изученный и разработанный раздел источниковедения истории народов Дагестана.

Пионерами в деле научного изучения арабоязычных памятников эпистолярного жанра дагестанского происхожде-

* Данный тезис автора может быть справедлив в отношении лишь к пагорной части Дагестана. В восточной и северной же частях Северного Кавказа, населенных кумыками, кайтагцами, андийцами, чеченцами, ингушами и кабардинцами, основным языком официальной и частной переписки был именно тюркский, о чем свидетельствуют материалы XVII—XVIII вв., хранящиеся в ЦГАДА (Москва) и ЦГА ДАССР (Махачкала). (См.: РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. №№ 292, 342, 381, 391, 406). Архитектоника дагестанских тюркоязычных писем XVIII в. была разработана Г. М.-Р. Оразаевым в работе 1984 г. — см. там же д. № 428. — *Прим. ред.*

ния по праву считаются А. М. Казем-Бек⁵, Гарсин де Тасси⁶, М. А. Полневктов⁷, Г. Г. Церетели⁸, И. Ю. Крачковский⁹, А. П. Генко¹⁰, Т. С. Маргвелашвили¹¹. Прямым продолжением поставленных ими задач в плане изучения и конкретизации эпистолярного наследия народов Дагестана являются труды Н. Г. Капчавели¹², Р. Ш. Шарафутдиновой¹³, Т. М. Айтберова¹⁴. Ряд публикаций на эту тему подготовил автор настоящей статьи¹⁵.

Основное внимание в трудах перечисленных исследователей уделялось документам XVII—XIX веков (документы XIX века оказываются в несомненном большинстве), в плане историко-филологического их анализа.

Научная ценность подобных исследований безусловна, т. к. объектом их изучения являются исконно автохтонно-национальные источники, обладающие рядом преимуществ, представляющие «литературу оригинальную, выросшую на местной почве, ярче отражающие местные исторические события»¹⁶. Однако, как мы уже отметили, подавляющее большинство выводов по уже опубликованным и введенным в научный оборот источникам носит узко исторический или филологический характер, причем основной упор сделан на содержание источника, т. е. нацелен на собирание и комментирование отдельных фактов. Но, надо отметить, что не только содержание источников, но и их форма, структура имеют источниковедческую ценность, свидетельствуя о социальных отношениях внутри общества, фиксируя общественные, идеологические сдвиги в структуре, составе того общества, социально-политическое положение и интересы которого документы фиксировали¹⁷. Памятники письменности определенного времени имеют и определенные внешние признаки, как например: сорт бумаги, чернила, знаки письменности, формат документа — все они связаны друг с другом и в совокупности в какой-то мере отражают исторические особенности того периода, к которому они относятся¹⁸.

Мы ставим перед собой сугубо источниковедческие задачи и «вряд ли стоит включать в задачи источниковедения получение исторических фактов. Эта задача собственно исторического исследования. Задачи источниковедения — выявление информативных возможностей источника и оценка заложенной в нем информации»¹⁹.

Другой существенный недостаток письмоведения заключается в том, что все эти документы изучались разрозненно, и имеющиеся немногочисленные публикации по исследуемой теме разбросаны по различным изданиям, что затрудняет делать хотя бы общие выводы по наличному материалу. «Для суждения об их характере нужен систематический анализ соответствующих, по возможности, многочисленных памятников»²⁰.

При источниковедческом подходе к изучению официального исторического документа можно выделить три его органических элемента: форму, текст (его письменное выражение) и содержание (собственно информация). Таким образом, объектом нашего исследования являются два первых элемента, т. е. форма и текст, относящиеся к целям внешней критики, исследованию которых в плане археографии, палеографии, текстологии и сфрагистики не уделялось достаточного внимания. «Исторический источник не только содержит в себе сведения о фактах, извлекаемых из него источниковедом, он и сам всегда является одновременно историческим фактом, и лишь как таковой и может быть правильно понят и оценен»²¹. Актуальность этого вывода особенно применима к историкам, у которых доминирует чисто потребительское отношение к источникам, без их источниковедческо-теоретического анализа, тем более, что при использовании старинных переводов на русский язык арабоязычных письменных документов или копий их восточных текстов нельзя быть уверенным в их подлинности. Для этого необходимо сначала произвести археографический анализ, сконструировать условный формуляр имеющихся подлинных документов и, исходя из них, определить подлинность перевода источника или его арабоязычной копии. При отклонении от выявленных принятых норм составления письменного документа можно говорить о неправильности перевода или же о подложности копии. В этой связи нельзя не согласиться с тем, что «необходимо преодолеть вредную, но упорную традицию в кавказоведении, т. е. издание арабской письменности в русском переводе без оригинала, так что ни судить о качестве перевода, ни разобраться в качестве самого первоисточника «невозможно»²².

Оговоримся сразу, мы не претендуем на всестороннее и исчерпывающее объяснение затронутых в сообщении вопросов и проблем, более того, часть их остается за рамками настоящего исследования, так как выдвигаемые нами гипотезы пока не подтверждаются наличием достаточного количества материала или же на данном этапе вызывают кое-какие сомнения. В целом же необходимость подобного исследования назрела и мы берем на себя смелость вынести нашу работу на суд общественности.

Начнем с составления условного формуляра письменных документов эпистолярного жанра дагестанского происхождения. С этой целью были подвергнуты тщательному анализу тексты более 100 арабоязычных документов, хранящихся в Рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагфилнала АН СССР (далее: ИИЯЛ)²³, Рукописном фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, и надо отметить их структура заметно отличается от

порядка составления официального письма в канцеляриях ряда стран арабского Востока в XIX веке²¹. Для деления (в нашем случае — условного) текста делового письма вполне подходят разработанные еще в средневековой западноевропейской дипломатике приемы²⁵, естественно, при этом учитывается специфика восточного текста. Таким образом, условный формуляр исследуемых документов имеет 10 статей:

- 1) богословие;
- 2) адресант;
- 3) адресат;
- 4) приветствие-благопожелание;
- 5) формула-связка;
- 6) объявление-декларация;
- 7) повествование-изложение;
- 8) распоряжение-прошение;
- 9) благопожелание-богословие;
- 10) дополнение-уточнение.

Исходя из постатейного деления письменного документа и учитывая назначение каждой из статей по принципу их смысловой завершенности, можно предложить трехчастную структуру деления текста письма. В этом случае каждая из трех частей будет объединять несколько статей и выглядеть это будет так:

I. Введение (богословие, адресант, адресат, приветствие-благопожелание).

II. Основная часть (формула-связка, объявление-декларация, повествование-изложение).

III. Заключение (распоряжение-прошение, благопожелание-богословие, дополнение-уточнение).

Приведенная выше схема деления документа на отдельные статьи и части является условной и наиболее полной для всего объема арабоязычных документов эпистолярного жанра, имевших широкое хождение в Дагестане. Индивидуальный формуляр каждого конкретного документа имеет свои отличительные черты: отсутствие одной или даже нескольких статей условного формуляра, нарушение последовательности расположения статей, изменение принятых традиционных форм и т. д.

Наличие отличительных черт вызывает необходимость более подробно остановиться на каждой статье условного формуляра в отдельности. По мере необходимости, примеры на конкретном материале будут приводиться в конце каждой части условного формуляра в следующем порядке: арабский текст, транскрипция на основе русской графики и русский перевод.

I. Введение.

1.1. Богословие. Наличие его необязательно, но оно

всегда стоит на первом месте в самой верхней части документа²⁶ и отстоит от начала собственно текста на расстоянии 2—4 межстрочных интервала; имеет несколько видов, из них наиболее часто встречающиеся:

	هو	ху	«он» /т. е. Аллах/
	هو	хува	«он»
الهادي	هو	хува л-хади	«он», ведущий по правильно- му пути.
الله تعالى	هو	хува илаху та'ала	«он» высшее божество.

Очень редко богословие представлено кораническим выражением. В ряде случаев по наличию этой статьи можно идентифицировать письмоводителя (естественно, при схождении почеркового стиля), т. к. один и тот же писец имел обыкновенно употреблять одну и ту же форму богословия.

1.2. Адресант. Обычно стоит на втором месте после богословия (если оно присутствует). Всегда начинается с союза *мин* — «от», далее следует титулатура и личное имя отправителя. Если отправителем является целое общество, то обычно следует перечисление имеющих общественных категорий, обладающих реальной властью, в строгой последовательности, по степени их общественного положения, и название общества. «Порядок перечисления объектов адресата не результат просто стилистики, а строгая дифференциация адресата по степени его общественной значимости»²⁸. Данное заключение в одинаковой степени подходит и к адресанту. Из этого можно сделать вывод и о классовой дифференциации дагестанского общества.

Титулатуру владетельных сановников можно подразделить на условную и потомственную, причем ряд терминов-титолов носит характер условной и потомственной власти одновременно, например: *амир* — эмир и *хан* — хан; *султан* — султан. Потомственная титулатура включает в себя термины: *шамхал*; *усми*; *ма'сум*; *кади*²⁹.

Условная титулатура представлена в виде: *хаким* «правитель»; *'азим* «могущественный», в значении «правитель»; *кабир* «большой», в значении «правитель» и т. д.

1.3. Адресат. Обычно следует после адресанта, но иногда может меняться с ним местами, перед адресатом всегда стоит союз *ила* «к», «по направлению к». Надо отметить, что в данной статье персонификация адресата имеет исключительное значение, свидетельствуя о его большом авторитете и прочном общественном положении. В случае, если письмо адресуется не конкретному лицу, а целому обществу и адресант хочет особо выделить какое-либо лицо, группу лиц или целиком одну из общественных категорий, то перед ними ставится наречие *хассатан* «особенно» с последующим союзом *ила*.

При составлении письма к одному из небольших обществ, или незначительному лицу от лица «высокого положением» (ар. 'али би ш-ша'н) персонификация адресата почти всегда отсутствует, что говорит «о неравноправности контрагентов»³¹. Когда хотели особо выделить адресата, его значимость, власть и возможности, употребляли двойные термины: *амир ал-умара* «эмир эмиров»; *султан ас-салатин* «султан султанов» и т. д.

1.4. Приветствие-благопожелание. Обязательная статья как условного, так и индивидуального формуляра. Чаще всего следует за адресантом и адресатом, но иногда предшествует им. Во втором случае может подразделяться на две части; первая с элементами салютации стоит перед адресантом и адресатом, а вторая, соответственно с элементами благопожелания, следует за двумя вышеназванными статьями с обязательной концовкой богослужебного назначения: *амин* «амин».

Примеры к первой части — введению.

А

من الأمير المستعین بالله تعالى
رسنم قادی الی الأمير العظیم و
سلطان الکریم الاجل المجد
32
سورخی خان

богословие	<i>хува</i>
адресант	<i>мин ал-амир ал-муста'ин би-ллахи та'ала Рустам-кади</i>
адресат	<i>ила л-амир ал-'азим ва султан ал-карим ал-аджалл алмажд Сурхай-хан</i>
приветствие- благопоже- лание	<i>халлада лаху мулкуху ва санаху амма ша'аху ас-салам алайкум ва рахмату лахи та'ала ва баракатаху ва ридванаху ва гуфранаху.</i>

* * *

адресант	Он!
адресат	От эмира, уповающего на помощь Аллаха всевышнего, Рустам-кади могущественному эмиру и благородному султану, славнейшему Сурхай-хану.
приветствие- благопоже- лание	Да увековечит Аллах его владение и сохранил его от того, чего он сам желает. Мир вам и милость Аллаха всевышнего, благословенные, довольство и прощение его!

Б

انه من الامير الكريم رستم قادي
 حاكم تبسران الى قاضي وكبير
 و عرفاء حرق سلام قولاً من
 رب رحيم

богословие	<i>хува</i>
адресант	<i>иннаху мин ал-амир ал-карим Рустам кади хаким Табасаран</i>
адресат	<i>ила кади ва кубара' ва 'урафа' Хурук.</i>
приветствие- благопожел.	<i>Салам қавлан мин рабб раҳим</i>

богословие	Он!
адресант	От благородного эмира Рустам-кади, правителя Табасарана
адресат	к кади, старейшинам и знающим людям Урахи.
приветствие- благопожелание	Мир словами милосердного господина ³⁴ .

Присутствие в обоих случаях одинаковой формулы богословия (*хува*) и отсутствие конечной формулы богослужбного назначения (*амин*) при внешней схожести графики письма позволяет уверенно говорить о том, что оба документа составил один и тот же письмоводитель. Интересно наблюдать, как меняется стиль обращения к адресату, в первом случае адресатом выступает известный правитель Казикумуха, и письмоводитель, как это и было принято, не жалест ярких эпитетов и высокопарных слов в его адрес; во втором случае — адресат — одно из самых многочисленных сельских обществ, соответственно и обращение — попроще и покороче.

В

من الخان العظم صورخي خان
سلام كثير بلا حساب الى قاضي و
حجاج و علماء و شبان و عسکر همدان

адресант	мин ал-хан ал-му'аззам Сурхай хан
приветствие	Салам касир билә ҳисаб
адресат	ила қадӣ ва худждадж ва 'улама' ва шуб- бан ва 'аскар Хид

адресант От могущественного хана Сурхай-хана
 приветствие- мир многочисленный без предела
 благопоже-
 лание
 адресат к кади, хаджиям, ученым, молодежи и войску
 Гидатля

Г

انه من الاخ الكريم عم خان الى
 اخيه المفخر امير الامراء الكرام
 36 الحاج احمد خان سلام كثير دائم

адресант *иннаху мин ал-ах ал-карим 'Умма хан*
 адресат *илā ахихи ал-муфаххам амир ал-умарā' ал-*
 кирам ал-хаджи Ахмад-хāн
 приветствие- *салам касир да'им*
 благопоже-
 лание

* * *

адресант От благородного брата Умма-хана
 адресат к прославленному брату, эмиру благородных
 эмиров, хаджи Ахмад-хану.
 приветствие- Мир многочисленный, вечный.
 благопоже-
 лание

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

السَّلَامُ عَلَيْكُمْ وَرَحْمَةُ اللَّهِ تَعَالَى وَ
 بَرَكَاتُهُ وَرِضْوَانُ اللَّهِ تَعَالَى وَغُفْرَانُهُ
 مِنْ قَضَاءِ وَعِلْمَاءِ وَحُجَّاجِ وَرُؤَسَاءِ
 وَكِبْرَاءِ وَصُلَحَاءِ أَنْصَلِكُ إِلَى أَمْرَاءِ
 وَعُرَفَاءِ وَكِبْرَاءِ وَشَيْوخِ وَشَبَابِ
 أَرْفَلِي وَخَاصَّةً إِلَى مُوسَاوَسٍ وَ
 مُحَمَّدِ بْنِ غَازِي خَانَ وَخَانَ مُحَمَّدِ حَفْظِهِمْ
 اللَّهُ تَعَالَى وَإِيَّانَا مِنْ فَتَنِ الْإِيرَانِ
 آمِينَ

богословие	хува ал-хадӣ
приветствие	ас-салам 'алайкум ва рахмат ул-лахи та'ала ва баракатаху ва ридван ул-лахи та'ала ва гуфранаху
адресант	мин кудат ва 'улама' ва худжджадж ва ру'аса' ва кубара' ва сулаха' Унсукул
адресат	ила умара' ва 'урафа' ва кубара' ва шуйух ва шуббан Арфили ва хассатан ила Мусавус ва

благопожелание *хафизахум аллаху та'ала ва айана мин фитан аддарин. Амин.*

* * *

богословие Он — ведущий по верному пути.
приветствие Мир вам и милость Аллаха всевышнего, благословение, довольство и прощение его.
адресант От кадиев, ученых, хаджиев, старшин, старейшин и праведников Унцукуля
адресат к правителям, знающим людям, старейшинам, шейхам и молодежи Эрпели, особенно, к Мусавусу, Мухаммаду б. Гази и Хан-Мухаммаду.
благопожелание Да сохранит Аллах всевышний и вас и нас от козней обоих миров. Амин.

II. Основная часть

II.1. Формула-связка. Переход от начального протокола (введения) условного и каждого индивидуального формуляра к основной части текста осуществляется через характерную для всех документов формулу *ва ба'да* «а затем»; возможны другие варианты, например: *амма ба'да* «а далее» и *ва ба'да залика* «а после того». Формула-связка

обычно выносится в отдельную строку, иногда примыкает к объявительно-декларативной или повествовательной статье.

II.2. Объявление-декларация. Присутствие данной статьи не обязательно. Имеет назначение вводного характера перед началом повествовательной статьи, выражена однозначной формулой в разных вариантах: *фа л-мурад минкум и'ламакум* «хотим оповестить вас»; *мурадуна минкум* «мы желаем от вас»; *фа л-мурад хаза л-рисала (кагиз)* «цель этого послания (письма)» и т. д. За этой формулой часто следует краткое пожелание здоровья, выделяемое вводным словом *аввалан* «во-первых», при переходе непосредственно к повествовательной статье ставится вводное слово *ва санийан* «во-вторых».

II.3. Повествование-изложение. Относительно самая большая по объему статья индивидуального формуляра, следует после обязательной вводной частицы *инна* «подлинно», «истинно». Пожалуй, и самая сложная для понимания и перевода часть документа, где чаще всего нарушаются нормы классического, литературного арабского языка,

здесь особенно «важно знать не только все значения того или иного слова, но и уметь определить, какое из них оно имеет в каждом конкретном случае»³⁸. В этой статье чаще, чем в других, наблюдается использование неарабских по происхождению слов и выражений, она отличается непохожестью, отсутствием четких трафаретных формул. Содержание её чаще лаконично, что характерно для большинства документов дагестанского происхождения.

Примеры ко второй — основной части:

A

... وبعده فالمراد اولا ان تكون في
 حفظ الله تعالى وثانيا انه قد وصل
 الينا كماغذك الشريف الرسول مع
 الشيخ وقرآنا مضمونه اللطيف
 وبين لنا ذلك السفير الكريم
 اقوالك من الاول الى الاخر فقبلناها
 بعين الرضى فانك اخى وتكون
 المفارقة بينى وبينك ما دمننا احيا
 وبين لنا ايضا امر الاجتماع فى
 فى مكان بسوى بعد النروز لامر ما
 وارسل اليك رسولا فى ذلك الوقت...

формула-
связка

...ва ба'д

объявление-
декларация

фа-л-мурад аввалан ан такун фи хифз ил-
лахи та'ала ва санийан иннаху

повествова-
ние-изло-
жение

кад васала илайна кагизака аш-шариф ал-
марсул ма'аш шайх ва куран мадмунаху ал-
латиф ва баййана ланā залика-с-сафир ал-
карим ақвалака мин ал-аввал или л-ахир
факабалнаха би-'айн ар-ради фа инника ахи
ва такун ал-муфарака байни ва байнака ма
думна ахйанан ва баййана ланā айдан амр ал-
иджтима' фи макан сави ба'да ан-наруз ли
амри ма ва арсалу илайка расулан фи зали-
ка л-вакт....

* * *

формула-
связка
объявление-
декларация
повествова-
ние-изло-
жение

...А затем.

Желание [мое] во-первых, чтобы вы пребы-
вали под защитой Аллаха всевышнего, а во-
вторых мы получили ваше почтенное письмо,
посланное со стариком, и красиво оформлен-
ный Коран. Передал нам ваш благородный
посланник ваши слова от начала до конца и
мы восприняли их с удовлетворением. Ты
мой брат и не будет между мной и тобой раз-
дора, пока мы живы. Объяснил он также
дело [по поводу] встречи в нейтральном
месте, и если [все будет хорошо] произойдет
наша встреча в нейтральном месте, вероят-
но, после новруза. Я пришлю к тебе послан-
ника к этому времени...

... و بعد فالمراد الأعلى والمقص
 الأكبر منكم ومن اجسانكم اعلام
 لكم بان قاضينا وقاض چرکی و
 قاض مرض و قاض منكم و محمد
 بن بغتر قد اصاحوا بين علي سلطان
 و بين اگولو صلحا موافقا للشري
 الشريف و الرسم العادي باعطائه
 له ثلثه كبش و تيسا واحدا و
 خمسة عباس⁴⁰

формула- связка	...ва ба'д
объявление- декларация	фа л-мурад ал-а'ла ва л-макас ал акбар мин- кум ва мин ихсаникум и'лам лакум би инна
повествова- ние-изло- жение	кадина ва кади Чиркай ва кади Мирда ва кади минкум ва Мухаммад бин Багтар кад аслаху байна 'Али Султан ва байна Акулав сулх мувафик ли ш-шар' аш-шариф ва р-рasm ал-'ади би и'tа'ихи лаху саласа кабш ва тайс вахид ва хамса 'аббас...

формула-связка ... А затем
 объявление-декларация повествовательное-изложение /Наше/ высшее желание известить вас, что наш кади, кади /сел./ Чиркей, кади Мирза, ваш кади и Мухаммад б. Багтар установили мир между Али-Султаном и Акулавом в соответствии с шариатом и адатом /по которым/ отдает Али-Султан Акулаву трех баранов, одного козла и пять аббасов...

III. Заключение.

III.1. Распоряжение-прошение. Представляет собой решение, принятое по существу изложенного в письме

дела. Обычно вводится после оборота *ла будда мин* «обязательно», «непременно». Эта же статья может носить характер и обращения, и просьбы, и призыва, и запрета, что не меняет её композиционного состава. С целью смыслового усиления санкционирующей статьи, чтобы подчеркнуть настоятельную необходимость исполнения решения изложенного в повествовательной статье, следует удвоение или даже

утроение вводного оборота: *ла будда ва ла будда ва ла будда мин* «обязательно, обязательно, обязательно». Вместо оборота *ла будда* может использоваться глагол в повелительном наклонении. Часто распорядительная статья индивидуального формуляра завершается следующим пояснением:

баки л-калам фи фамм хамил ас-салам «остальное передаст податель письма»⁴¹ или просто *баки алх*⁴².

III.2. Благопожелание-богословие. Обязательно присутствует как в условном, так и в индивидуальном формуляре. Обычно встречающаяся формула данной статьи:

ва с-салам «и мир», но нередко она принимает вид лигатур:

*ва с-салам 'ала ман атба'а л-худа*⁴³ «мир тому, кто следует прямому водительству»; арабские литеры *'айн мим*, т. е.

алайхи ас-салам «да будет над ним мир» и *ха каф*, т. е. *хайру*

л-калам ма қалла ва далла «лучшее слово короткое и указующее»⁴⁴. Часто имеет вид популярного среди мусульман

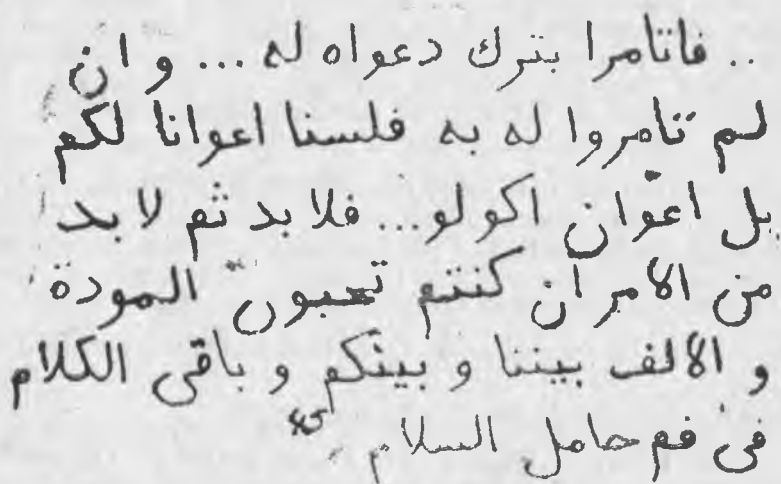
богословского изречения: *ла хавл ва ла кува илла би лахи* «нет силы и нет могущества кроме, как у Аллаха».

Возможно присутствие в рамках этой статьи сразу нескольких вышеназванных формул.

III.3. Дополнение-уточнение. Редкая статья для индивидуального формуляра. Вводится после слова *сумма* «затем» или лигатуры в виде арабской литеры *син*, т. е. *сахх* (здесь в значении «постскриптум») с последующей повествовательной и заключительно-благопожелательной частью. Обычно располагается на правой боковой части документа, как бы за «красной линией». Часто носит характер личного совета письмоводителя адресату по поводу возможного решения того или иного вопроса.

Примеры к III части — заключению:

А

.. فاتامرا بترك دعواه له ... وان
لم تامروا له به فلسنا اعوانا لكم
بل اعوان اكلولو... فلا بد ثم لا بد
من الامران كنتم تحبون المودة
والالف بيننا وبينكم و باقى الكلام
فى فم حامل السلام

распоряжение ... фа та'амару би тарк да'ваху лаху ... ва ин
лам та'амару лаху бихи фа ласна а'ванан
лакум бал а'ван Акулав ... фа ла будда сумма
ла будда мин ал-амр ин кунтум тухиббун ал-
мавадда ва л-ульф байнана ва байнакум ва
бақи л-калам фи фамм хамил ас-салам
благопоже- ва-с-алам
лание

распоряжение Прикажите ему /Али-Султану/ отдать то, что положено, а если вы не прикажете, то мы вам не помощники, а помощники Акулава ... Обязательно, обязательно /решите/ это дело, если хотите любви и согласия между ними и вами. Остальное передаст вам податель письма.

благопожелание И мир.

В данном случае для усиления санкционирующей части применены одновременно глагол в повелительном наклонении и вводный оборот. Статья дополнение-уточнение отсутствует.

Б

... والأرادہ الكبرى منكم ان لا
تثقوا الى افعالہ و افعال احمد خان
و محمد باک وغيرہم وان تكون
ثابتين على الوعد والخدمة لشاه
والا فتندمون... فتفكروا امر ولا
حول ولا قوة الا بالله العلي العظيم
ثم مراد منكم ان ترسلوا الى برشلي
نحو ثلثين رجلا رقباء وذلك خدمة
عظيمة منكم لشاه و الخان والسلام

прошение ... ва л-ирада л-кубра минкум ан ла тасику
ила аквалихи ва аквал Ахмад хан ва Мухам-

	мад бак ва гайрахим ва ан тақуну сабитин
	'ала л-ва'д ва л-хидма ли шах ва илла фа
	тандимуни ... фа тафаккару амр
богословие	ва ла хавл ва ла кува би лахи л-'или
	л-'азим
дополнение- уточнение	сумма мурад минкум ан тарсилу ила Баршли
	нахва саласин раджул рукаба' ва залика
	хидма 'азима минкум ли шах ва ли хан
благопоже- лание	ва с-салам

* * *

прошение	... Большая просьба к вам не верить его /Хасбулата/ речам и речам Ахмед-хана, Мухаммед-бека и других и быть верными договору и службе шаху, а если нет, то вы раскаетесь. Подумайте о деле...
богословие	Нет силы и могущества кроме, как у Аллаха всевышнего могущественного.
дополнение- уточнение	Затем. Хотим, чтобы вы послали в Баршлы примерно тридцать всадников. Это будет большой услугой от вас шаху и хану.
благопоже- лание	И мир.

Как видно из примера, в статью распоряжение-прошение введено выражение, носящее декларативный характер, подобное смещение статей из одной части индивидуального формуляра в другую довольно распространено в дагестанском письмоводстве. В обычно цельную статью благопожелание-богословие вклинивается статья дополнение-уточнение и формула благопожелания оказывается на последнем месте, что также не является исключением.

Ниже мы приводим перевод типичного для Северного Кавказа образца эпистолярного жанра в полном объёме, с делением его на части и статьи (Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, № 1506):

I. Введение.

- I.1. Богословие: Он — высшее божество.
I.2. Приветствие: Мир вам и милость Аллаха всевышнего, благословение и прощение его.
I.3. Адресант: От эмира побеждающего Умма-хана
I.4. Адресат: к жителям селения Цолода и особенно к их кади и старшинам.
I.2. Благопожелание: Да поведет вас Аллах прямым путем.

II. Основная часть.

- II.1. Формула-связка: А затем.
II.2. Объявление-декларация: Я хочу от вас
II.3. Повествование-изложение: чтобы вы удовлетворили моего казначея Османа, предоставив ему сульт, так чтобы он остался довольным.

III. Заключение.

- III.1. Распоряжение-просение: Дайте то, что он просит у вас, если даже это будет тяжелее горы Ухуд, и он сделает вам только хорошее. Не пренебрегайте его делом.
III.2. Богословие: Нет силы и нет могущества кроме, как у Аллаха всевышнего.

Знание основных статей условного формуляра, наиболее употребительных формул, языковых оборотов эпистолярных письменных памятников Дагестана дает возможность наряду с применением других методов, с максимальной точностью определить подлинность и характер местного происхождения документа. «...Учение о формулах является очень важным средством для выяснения подлинности документов, но знание его для историка этим не ограничивается: знание формул и трафаретных оборотов речи документов является совершенно необходимым для правильной интерпретации толкования документов и использования их для исторического исследования»⁴⁷. Исходя из анализа дошедших до нас писем, фиксируя в них устойчивое воплощение языковых и канцелярских норм того времени можно, с одной стороны, воссоздать эпистолярный стиль эпохи, а с другой—определить дату составления письменного документа⁴⁸; это явление тем более важно, что местные источники эпистолярного жанра, как правило, не датировались⁴⁹. Мы не делаем строгого деления по принципу официального и частного назначения, так как деловые и личные письма зачастую не имеют четкого различия, особенно, когда автор их должностное лицо,

так что одни и те же графаретные формулы присутствуют и в частном и в деловом документе.

Усиление деловой активности во всех сферах хозяйственной жизни Дагестана в XVIII и особенно в нач. XIX вв., развитие и усовершенствование государственного аппарата местных феодальных владений, расширение внешних торгово-экономических и политических связей в значительной мере стимулировали развитие делопроизводства канцелярии. Соответственно появляется необходимость увеличения числа пишущих, грамотных людей, т. е. письмоводителей, которые могли быстро и грамотно составить документ, необходимый для отправки нужному адресату. Активизация энергии писцов в быстро начертываемом письме документов открывала простор небывалому расцвету и разнообразию курсивных почерков, способствовала проникновению в письмо массы индивидуальных черт. Палеография, а именно почерковый стиль исследуемых документов вызывает особый интерес, в нем находит отражение принцип историзма, поступательного развития дагестанского общества в области культуры и просвещения. Изыскания в этой области тем более важны, что «история развития арабского письма в Дагестане совершенно не изучена»⁵⁰.

В документах канцелярского делопроизводства XVIII — нач. XIX вв. преобладает местная разновидность почерка насх, называемого в научной литературе **круглый насх**, **северокавказский насх**, **дагестанский насх**, и имеющего необычайное разнообразие графических форм. Этим почерком переписаны почти все рукописные книги дагестанского происхождения. Почерк **насхи** или просто **насх**, заслуживший широкую популярность среди переписчиков книг, выделился уже в конце VIII в. и получил распространение к концу следующего⁵¹.

В Дагестане появление первых надписей (эпиграфических), выполненных почерком насх, наблюдается в середине XII века. Переходным этапом к чистому насху, по мнению А. Р. Шихсаидова, можно считать XIV век⁵².

Следует все же различать насх книжной литературы и насх деловой и частной переписки. Если первый вид действительно можно отнести, с учетом местных особенностей, к «чистому насху», строгому, выполненному по всем канонам каллиграфии, где одни и те же письменные знаки имеют одинаковые начертания с тщательно выписанными разборчивыми формулами букв, то насх документов эпистолярного жанра имеет гораздо большую свободу в манере передачи письменных знаков⁵³. Его можно разделить на два подвида: **регуляризованный** (т. е. упорядоченный) курсив, очень подвижный, но с обязательным сохранением соразмерности составных элементов букв и **беглый курсив** — быстро выпи-

санное письмо с многочисленными индивидуальными чертами и поэтому трудное для дешифровки. Характер письма зависит от положения писемоводителя и степени его грамотности, письмо «неизбежно в какой-то степени отражает отношение пишущего к воспроизводимому тексту, а это в свою очередь определялось принадлежностью писца к той или иной социальной группе и его интеллектуальным и социальным развитием»⁵⁴.

Стремление к беглости письма вызвало поиск новых, более удобных для начертания форм, а также явилось причиной создания системы особых подстрочных и надстрочных знаков, которую «приходится считать одной из специфических особенностей кавказско-арабского письма»⁵⁵.

Сложность процесса арабского письма, отражающего как индивидуальность писца, так и характерные черты и эстетические вкусы его времени, ставит перед исследователями ряд проблем, связанных с отождествлением почерковых стилей писцов:

1. Необходимо установить характер и количество элементов графического изображения арабских литер, выделить из них наиболее присущие данному почерку и достаточные для доказательства конкретного отождествления.

2. Учитывая значительную вариационность почерка одного и того же лица, необходимо выявить наиболее существенные отклонения, «необычные, ненормальные формы, которые мы находим у данного писца»⁵⁶.

3. Не вызывает сомнения факт существования разных графических центров, где в течение длительной практики выработывался определенный, присущий данной школе письма почерк. Например, в южных районах Дагестана, где сильнее ощущалось влияние соседних регионов с собственными письменными традициями и школой письма, преобладает курсивный **наسخ** со значительными элементами почерка **насталик**. Отсюда вытекает необходимость изучения школ письма⁵⁷.

Решение выдвинутых выше проблем позволит по-новому, более широко взглянуть на историю становления и развития арабской письменной традиции в Дагестане, проследить её закономерные связи и степень влияния на неё соседних культур, в частности непосредственно арабской культуры, а это особенно важно и потому, что «многие типы средневековых ближневосточных документов (в том числе и эпистолярного жанра — Г. М.) сложились на арабской почве и лишь затем уже получили распространение у других народов»⁵⁸.

Документы эпистолярного жанра составляют лишь один, хотя на сегодняшний день самый большой раздел всего комплекса исторических материалов на арабском языке, и только по ним нельзя судить обо всех арабоязычных исторических источниках, к тому же они относительно бедны в

информативном отношении. Однако «для изучения тех особенностей и путей, по которым развивался арабский язык в условиях Кавказского нагорья, заслуживает внимания каждый арабский памятник, не взирая на его содержание»⁵⁹.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962, т. 1, с. 11.

² Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1960, т. 6, с. 571.

³ См.: ЦГА ДАССР, фонд «Кизлярский комендант».

⁴ См.: Рукоп. фонд Ин-та ист., яз. и лит.-ры Дагфилнала АН СССР (далее: ИИЯЛ).

⁵ *Казем-Бек А. М.* Мюридизм и Шамиль.— Русское слово, 1859, № 12, отд. 1, с. 182—242.

⁶ Garcin de Tassy. Extrait d'une lettre de S. E. Al. Kasem Beg. Journal Asiatique, 1860, ser. 5, t. 15, p. 269—271.

⁷ *Полиевктов М. А.* Из переписки северокавказских феодалов XVII в.— В кн.: Академику Н. Я. Марру: сб. ст. М.; Л., 1935, с. 745—755.

⁸ *Церетели Г. Г.* Письма Шамиля барону Николаи.— Вестник Госмузея Грузии. Тбилиси, 1936, т. 9, с. 103—120; *Он же.* Письмо Шамиля из Калуги.— Записки Ин-та востоковедения (далее: ИВ). АН СССР М.; Л., 1936, вып. 5, с. 97—114; *Он же.* Вновь найденные письма Шамиля.— Труды ИВ АН СССР, 1937, вып. 24, с. 95—112.

⁹ *Крачковский И. Ю.* Неизданное письмо Шамиля.— Избранные сочинения. М.; Л., 1960, т. 6, с. 551—558; *Он же.* Образчик арабского канцелярского стиля 80-х годов XIX века на Северном Кавказе.— Труды Института языкознания. Тбилиси, 1954, с. 241—249.

¹⁰ *Крачковский И. Ю., Генко А. Н.* Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии.— В кн.: Советское востоковедение. Л., 1945, т. 3, с. 36—58.

¹¹ *Маргвелашвили Т. С.* Из истории отношений Грузии и Дагестана по одному арабоязычному документу из Дагестана.— Труды Института языкознания. Сер. восточных языков. Тбилиси, 1957, т. 2, с. 95—104.

¹² *Канчавели Н. Г.* Арабоязычные документы дагестанского происхождения сороковых годов XIX столетия: Автореф. дис... канд. филол. наук. Тбилиси, 1971.

¹³ *Шарафудинова Р. Ш.* Арабские письма Шамиля из архива Б. А. Дорна.— Памятники письменности Востока (далее: ППВ): Ежегодник, 1970. М., 1974, с. 204—225; *Она же.* Арабский документ из архива академика Б. А. Дорна.— ППВ: Ежегодник, 1971. М., 1974, с. 182—170; *Она же.* Письма наиба Ташев-Хаджи к Шамилю.— ППВ: Ежегодник, 1972. М., 1977, с. 86—89.

¹⁴ *Айтберов Т. М.* К вопросу о *джизье* в Аварском пущальстве XVIII—XIX вв.— В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1975, с. 3—6; *Он же.* Дагестанские документы XV—XVIII веков.— ППВ: Ежегодник, 1975. М., 1982, с. 4—12; *Он же.* Эпистолярные и документальные материалы о классовой борьбе в Аварии, Казии-

кумухе и Табасаране в XVII веке.— В кн.: Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983, с. 148—161.

15 *Мирзамагомедов Г. М.* Из официальной переписки на арабском языке в Дагестане.— В кн.: Тезисы докладов конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. М., 1978, т. III, ч. I, с. 118; *Он же.* Из эпистолярного наследия народов Дагестана.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг. Махачкала, 1980, с. 48—49; *Он же.* Тарковские шамхалы и Акуша-Дарго.— В кн.: III конференция молодых ученых Дагфилиала АН СССР: Тез. докл. Махачкала, 1980, с. 35; *Он же.* Деловое письмо в Дагестане (внешнее описание).— В кн.: I конференция молодых ученых ИИЯЛ: Тез. докл. Махачкала, 1985, с. 28; *Он же.* Памятники эпистолярного жанра по истории Дагестана XVIII в.— В кн.: Материалы сессии ... 1980—1981 гг. Махачкала, 1982, с. 41—42.

16 *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1960, т. 6, с. 616.

17 *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979, с. 292—293.

18 *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956, с. 571.

19 *Пронштейн А. П., Лубский А. В.* Методологические проблемы источниковедения в современной советской литературе.— В кн.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тез. докл. III Всесоюзной конференции. Новороссийск, 1979, ч. I, с. 30.

20 *Крачковский И. Ю., Генко А. Н.* Указ. соч., с. 37.

21 *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, с. 91.

22 *Крачковский И. Ю., Генко А. Н.* Указ. соч., с. 58.

23 См.: Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 16, оп. 1, 2; 3, 4.

24 См. *Хацаб Л. О.* Образцы современной арабской письменности, СПб., 1908.

25 См. *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970, с. 26—27.

26 Отсутствие данной статьи в ряде случаев может объясниться тем, что верхние края документов часто обрезались.

27 *Ху* — сокращенная форма личного местоимения *хува* «он».

28 *Усманов А. М.* Указ. соч., с. 206.

29 Имеется в виду табасаранский кади, потомственный титул которого пишется через *дал*, а не через *дад*, т. е. *кади*, а не *кади*.

30 Это только в том случае, если письмо не частного, а официального назначения.

31 *Каштанов С. М.* Русские княжеские акты X—XIV вв.— Археографический ежегодник. 1974. М., 1975, с. 109.

32 Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, № 1333.

33 Там же, № 1113.

34 Имеется в виду трафаретная формула — приветствие: «Мир вам и милость Аллаха всевышнего, благословение и довольство его».

- 35 Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 16, оп. 1.
- 36 Там же, № 1464.
- 37 Рукоп. фонд ЛО ИВАН, А—17.
- 38 *Пронштейн А. П., Коваленко Ю. В., Введенская А. А.* История и лингвистика. Ростов-на-Дону, 1970, с. 90.
- 39 Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 16, оп. 1. № 1333.
- 40 Рукоп. фонд ЛО ИВАН, А—17.
- 41 Буквалью: «Остальные слова во рту несущего привет».
- 42 Лигатура *алх* — сокращение от *ила ахирихи* «и так далее».
- 43 Коран, сура 20, стих 49.
- 44 Эта своеобразная «поговорка» созвучна с той оценкой, которую дал акад. И. Ю. Крачковский существовавшему на Кавказе стилю письмоводства «..., отличающегося максимальной сжатостью и выразительностью, нередко с большой резкостью и силой, которая напоминает нам лучшие образцы классической арабской литературы». (См.: *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1960, т. 6, с. 616.
- 45 Рукоп. фонд ЛО ИВАН, А—17.
- 46 Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 16, оп. 1, № 1624.
- 47 *Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978, с. 219.
- 48 *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, с. 125.
- 49 О приемах датировки см.: *Мирзамагомедов Г. М.* Методы датировки письменных памятников Северного Кавказа.— В кн.:— V конференция ученых Дагфилнала АН СССР: Тез. докл. Махачкала, 1985, с. 76.
- 50 *Шихсаидов А. Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984, с. 337.
- 51 *Халидов А. Б.* Книжная культура.— В кн.: Очерки культуры арабской литературы V—XV вв. М., 1982, с. 291.
- 52 *Шихсаидов А. Р.* Указ. соч., с. 335, 341.
- 53 Степень каллиграфичности письма обуславливается функциональным значением: текст рукописной книги должен был выполнять свои функции на протяжении долгого времени, в то время как текст документа эпистолярного жанра носил характер недолговременного действия.
- 54 *Романов В. А.* Книжное готическое письмо во Франции в XIII—нач. XIV в. (По материалам рукописного собрания Государственной публичной библиотеки).— Средние века. М., 1966, вып. 29, с. 229.
- 55 *Крачковский И. Ю.* Указ. соч., с. 613 /подробно о системе подстрочных и надстрочных знаков см. Барабанов А. М. Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа.— В кн.: Советское востоковедение. М.; Л., 1945, т. 3, с. 183—214.
- 56 *Мажуга В. И.* Отождествление руки писца в палеографии и кодикологии.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, 1976, т. 7, с. 286.
- 57 *Синицина Н. В.* Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV—первой половины XVI вв. и его трудности.— В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. (Из работ по арабской палео-

графин см.: Arbry A. I. Specimens of Arabic and Persia paleography. London, 1931; The Encyclopedia of Islam. Leiden — London, 1913, v. 5, p. 381—391).

⁵⁸ Лебедев В. В., Васильева О. В. Арабские, тюркские и персидско-таджикские документы Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.— В кн.: Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984, с. 139.

⁵⁹ Церетели Г. Г. Письмо Шамиля барону Николаи ..., с. 103.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ В ДАГЕСТАНЕ
XVIII — НАЧАЛА XX вв.
(на языках народов Дагестана)**

Среди дореволюционного населения Дагестана имели распространение написанные на арабском и дагестанских языках медицинские трактаты, лечебники, фармакологические справочники.

В процессе поисковой работы в археографических экспедициях и командировках мне удалось обнаружить в личных библиотеках жителей, сфотографировать и собрать довольно значительное количество медицинских сочинений, написанных на ряде языков народов Дагестана. В них говорится о методах изготовления лекарств из средств растительного и животного происхождения, а также из минералов против самых различных болезней; сказано о дозировке и методах использования лекарств, даны описания факторов, способствующих укреплению здоровья человека и повышению его тонуса. В написанных на языках народов Дагестана медицинских сочинениях собрана, накопленная в течение веков дагестанским населением, а также извлеченная местными улемами-лекарями из произведений восточных авторов, богатейшая информация относительно лечения самых различных болезней, что оказало большое влияние на распространение медицинских знаний в Дагестане. Более того, медицинские сочинения XVIII—XIX вв. переписывались и позднее, по сей день они бережно хранятся в личных библиотеках многих жителей Дагестана; ими нередко пользуются народные врачеватели.

Среди лакского населения в нескольких списках был распространен написанный на лакском языке медицинский трактат под названием «Дамадан» или «Ханнал мурад». В личной библиотеке жителя г. Махачкалы Магомедраджаба Саламова хранятся два списка медицинского трактата на лакском языке. Один из них под названием «Китаб Дамадан-апанди» (список условно обозначим буквой «А») переписан в 1289/1872—73 г. Его объем — 200 страниц, формат — 11×17 см, по 9—12 строк на странице.

У второго списка (список «Б») не сохранились первые

листы. Он, как и первый, написан черными чернилами, четким и убористым почерком дагестанского насха. Названия многих лекарств написаны красными чернилами. Объем рукописи — 81 страница, формат — 11×18 см., по 13—17 строк на странице. В списке не указаны сведения о переписчике и дата переписки.

На 1—2 страницах списка «А» и на 80—81 страницах списка «Б» на лакском языке написано: «Эта книга — одна из лучших в медицине, называемая «Тухфат ал-муминин» — была переведена Дамаданом ал-Мухи с персидского на арабский язык, а с арабского переложена на лакский для пользования несведущему в арабском языке»¹.

В Рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (далее — ИИЯЛ) хранится переписанный неизвестным лицом в 1227/1812 г. третий список (список «В») того же трактата на лакском языке². Первые листы не сохранились, объем сохранившейся рукописи 62 страницы, формат — 11×18 см., по 10 строк на странице очень красивым каллиграфическим почерком дагестанского насха. Рукопись написана на синей фабричной бумаге каламом, черными чернилами, названия лекарств — синими и иногда черными чернилами. Предложения отделены друг от друга синими большими точками.

Четвертый список этого трактата (список «Г») сохранился в переписанном в 1205/1790—91 г. сборнике разных произведений. Объем сборника — 240 страниц, формат — 11×17,5 см. На 2—120 страницах сборника имеется медицинский трактат «Мухтасар фи-т-тиб» на арабском языке; на 122—136 страницах — медицинский справочник на лакском языке (по 19 строк на странице убористым каллиграфическим почерком). На следующих страницах сборника — разные тексты на арабском языке. Сведения о переписчике сборника отсутствуют.

Пятый и наиболее полный список медицинского справочника на лакском языке (список «Д») сохранился в объеме 294 страниц, формат — 11×18 см., по 8 строк на странице. Написан каламом, черными чернилами на фабричной бумаге, четким каллиграфическим почерком дагестанского насха. Предложения отделены друг от друга большими точками; названия многих лекарств надчеркнуты сверху черными чернилами; на полях рукописи содержатся дополнительные записи — названия лекарств, а также комментарии к лекарствам. Сведений о переписчике и дате переписки нет.

Один из списков — «Тухфат ал-муминин» на лакском языке частично издан старшим научным сотрудником ИИЯЛ А. Г. Гусейнаевым³.

На 1-й странице списка «Г» и на 1—4 страницах списка «Д» имеются, написанные на лакском языке, подробные,

содержащие ценные сведения предисловия, текст которых идентичен: «... по велению правителя Ширвана, государя Дагестана, покровителя ученых, поклонника науки, помощника веры, заступника бедноты, грозы угнетателей, искореняющего основы каджаров, возвышающего суннитов, владыки шашки и разума, сына Чарай-бега (список «Г») (Гарайбега — список «Д»), богатыря Сурхай-хана, Дамадан-апанди перевел с персидского на арабский язык лучшее медицинское произведение, называемое «Тухфат ал-муминин». Эта книга переведена на лакский язык, так как хан не владел арабским языком и другим будет от этого польза. Если в языке или в изложении содержания данной книги по моей оплошности допущена какая-либо неточность или ошибка, то прошу, не осуждая меня, исправлять их. Эту книгу я назвал «Ханнал мурад». 17-го числа месяца рабби ал-ахир, день пятница, тысяча сто сорок седьмого года, Хачмас-кала»⁴.

Таким образом, из текстов предисловий списка «Г» и «Д» ясно, что Дамадан ал-Мухи по велению Сурхай-хана в крепости Хачмас перевел с персидского на арабский язык медицинский трактат «Тухфат ал-муминин» и назвал его «Ханнал мурад» («Желание хана»). Но из предисловий не вполне ясно кто перевел сочинение с арабского на лакский язык. Ответить на этот вопрос помогает арабоязычная запись в конце списка «Д». В этом колофоне написано: «Закончил перевод книги «Тухфат ал-муминин» на лакский язык. Перевел на лакский язык ученый Дамадан-апанди ал-Мухи по велению Сурхай-хана».

Многие дагестановеды (Абдулла Омаров, М. Чаринов, М. А. Абдуллаев, С. М. Хайдаков, А. Г. Гусейнаев, Л. И. Лавров и др.) на основе известных им списков медицинского трактата на лакском языке и других сведений отмечали и отмечают, что сочинение «Тухфат ал-муминин» было переведено Дамаданом ал-Мухи на лакский язык и получило распространение среди лакцев по имени его переводчика, т. е. под названием «Дамадан» или «Ханнал мурад»⁵.

В литературе содержатся утверждения и другого характера. Р. Ш. Аликишиев, например, пишет, что Дамадан ал-Мухи «в 1714 году по заказу Сурхай-хана Казикумухского написал от руки на арабском языке медицинское сочинение «Ханнал мурад» («Ханское счастье» — название переведено неверно), переведенное впоследствии Гаджи Кунинским на лакский язык»⁶. Р. Ш. Аликишиев не указывает источника, из которого он почерпнул эти сведения.

По сведениям письменных источников, а также по воспоминаниям жителей селений Мухи и Мегеб (МемухИн, МохЮб), Дамадан ал-Мухи работал секретарем Сурхай-хана Казикумухского в Шемахи⁷. Когда Сурхай-хан захватил Хачмас, он одновременно захватил и большую библиотеку. Сурхай-

хан приказал Дамадану ал-Мухи беречь эту библиотеку от пожара и разрешил пользоваться её книгами. Дамадан выбрал из этой библиотеки наиболее важные и нужные книги, в том числе и медицинский трактат «Тухфат ал-муминин», написанный врачом Мухаммедом ад-Дайлами ал-Мазандарани на персидском языке. Затем Дамадан-апаиди ал-Мухи перевел его с персидского на арабский язык. Однако Сурхай-хан не владел арабским языком, поэтому это сочинение, по велению последнего, было переведено Дамаданом ал-Мухи с арабского на лакский язык в крепости Хачмас и названо «Ханшал мурад», в народе оно известно и по имени его переводчика, т. е. «Дамадан». Это сочинение распространилось во многих списках не только среди лакцев; одни из них более полные, другие — менее, ими пользовались дагестанские лекари.

На сегодня выявлен ряд рукописей медицинских сочинений, написанных на аварском языке. Одна из них найдена в 1983 г. в личной библиотеке жителя сел. Корода Гунибского района Магомеда Абдулкасимова. В рукописи отсутствуют сведения о переписчике и дата ее переписки. Объем рукописи — 63 страницы, формат — 11×18 см., по 16—19 строк на страницах. Текст написан на белой фабричной бумаге четким почерком дагестанского насха, черными чернилами, названия многих лекарств написаны красными чернилами и большого формата буквами. Очевидно рукопись написана во 2-й половине XIX в.

Второй лечебник найден старшим научным сотрудником ИИЯЛ М. А. Дибировым. По его сведениям, известный лекарь из Согратля Али Яганов (погиб в 1877 г.) составил лечебник на согратлинском диалекте аварского языка. Как сказано в колофоне данного трактата, житель селения Дженгутай Магомед Курбанович Магдиев 21 джумад ал-ула 1343 г. (27 декабрь 1924 г.) переписал часть текста лечебника Али Яганова. Таким образом, обнаруженная М. А. Дибировым рукопись является кратким извлечением лечебника, составленного Али Ягановым.

Третья рукопись на аварском языке найдена в 1982 г. в личной библиотеке жителя сел. Кахиб Гитинмагомеда Расулова. Лечебник является частью сборника, который переписан в 1251/1834 г. (320 листов, 17×26 см.). 16 страниц лечебника написаны на согратлинском диалекте аварского языка; сведения о переписчике отсутствуют. По содержанию вторая и третья рукописи аналогичны.

В Рукописном фонде ИИЯЛ хранится, написанный в 1289/1872—73 г. жителем сел. Ухли (Левашинского района), Хаджиявом сборник разных произведений⁸. Объем рукописи — 250 страниц, формат — 11×18 см. На 2—96 страницах сборника имеется, написанный на кумыкском языке, ме-

дицинский трактат под названием «Хаза китабун кутиба фихи давау Лукман ал-хаким». А на 98—250 страницах — другой медицинский справочник, написанный на арабском и отчасти на аварском языках.

Старшим научным сотрудником ИИЯЛ М.-С. Дж. Саидовым обнаружен первый том двухтомного фармакологического справочника арабского ученого Ибн-Байтара из Малаги (умер в 1248 г.)⁹ «Джами ал-Муфрадат» на кумыкском языке^{9а}. В рукописи отсутствует предисловие, а также сведения об авторе, переводчике и переписчике, дата перевода и переписки. По мнению М.-С. Дж. Саидова, данное сочинение с арабского на кумыкский язык перевел в начале XIX в. Нурмагомед-кади из Хунзаха¹⁰. Сочинение объемом 402 листа, формат 22×33 см., по 21 строке на странице написано на синей фабричной бумаге черными чернилами, четким почерком дагестанского насха, названия лекарств — красными чернилами. На полях рукописи имеются записи названий лекарств и комментариев.

В этом своеобразном энциклопедическом фармакологическом и фармакогностическом справочнике названия лекарств и их описания даны в алфавитном порядке. Первый том целиком посвящен описанию лекарств, названия которых начинаются с «А» до «Ф». Рядом с арабскими названиями многих лекарств в скобках написаны их первоначальные названия (на ассирийском, греческом, индийском, итальянском, персидском, сирийском, тюркском и др. языках). Даны сведения о том, в какой стране растет данное лекарственное растение, описаны его лекарственные свойства, способ изготовления и применения при каких болезнях.

На даргинском языке на сегодняшний день мною выявлены и сфотографированы шесть списков медицинского справочника.

В личной библиотеке жителя сел. Урахи Сергокалинского района Багомедкади Меджидова (скончался в 1979 г.) в 1970 г., наряду с другими ценными рукописными и печатными книгами, мною были найдены и сфотографированы две рукописи медицинского справочника. Первая из них — «Книга лекарств Лукмана ал-хакима» (список «Е»). Ее объем — 112 страниц, формат — 16×25 см., по 14 строк на странице убористым каллиграфическим почерком дагестанского насха. Рукопись написана черными чернилами, названия многих лекарств надчеркнуты сверху черными линиями. На полях рукописи много маргиналий, т. е. дополнительных надписей — переводы названий лекарств, болезней и лекарственных средств, а также комментарии.

1—77 страницы списка «Е» написаны на губденском диалекте даргинского языка, следующие 78—112 страницы — на арабском и даргинском языках вперемежку. В рукопи-

си не указаны имена составителя и переписчика, а также дата составления медицинского сочинения. По мнению М. А. Абдуллаева, автором этого медицинского сочинения является живший во второй половине XVIII в. Юсуп-Гаджи из Губдена¹¹. На 74-й странице рукописи зафиксирована дата ее переписки: «Мой брат Алибулат ...Пусть эти записи принесут тебе пользу. 1249 год» (1833 г.).

Второй список медицинского трактата (список «Ж») сделан владельцем библиотеки Багомедкади Меджидовым (из сел. Урахи) в 1960-х годах с рукописи, написанной рукой Хамзата, сына Хамзата из Губдена, но не указаны сведения об авторе и дате ее написания. По содержанию список «Ж» является извлечением из списка «Е». Список «Ж» тоже написан на губденском диалекте даргинского языка. Его объём — 44 страницы по 11 строк убористым каллиграфическим почерком дагестанского насха. Названия многих лекарств надчеркнуты сверху черными линиями. Текст написан черными чернилами¹².

Третий список фармакологического справочника на даргинском языке (список «З») найден и сфотографирован мною в 1970 г. в личной библиотеке жителя селения Первомайское Каякентского района Абдуллаха, по происхождению мулебкинца (скончался в 1976 году). Список «З» переписан со списка «Е» владельцем библиотеки. Сравнительный анализ списков «Е» и «З» показывает, что в список «З» включен ряд рецептов, извлеченных Абдуллахом из других источников. Объём рукописи — 75 страниц, формат — 15×24 см., по 15—18 строк на странице. Текст справочника написан четким почерком дагестанского насха. Названия лекарств написаны более крупными буквами. В колофоне по-арабски сказано: «Переписал с рукописи губденца», но не указана дата переписки.

В 1977 г. в сел. Чираг (Агульский район) мною был найден небольшой (объём — 156 страниц, формат — 11×18 см.) рукописный сборник. На 1—30 страницах его написаны тексты песен на даргинском языке; на 31—156 страницах — текст медицинского трактата (список «И»), написанного на белой фабричной бумаге черными чернилами, четким почерком дагестанского насха. Названия лекарств надчеркнуты сверху черными линиями. На полях рукописи имеются дополнительные записи — рецепты и названия лекарств, лекарственных средств.

Список «И», как и списки «Е» и «З», состоит из двух частей: на его 32—147 страницах написан текст медицинского трактата под названием «Баб Лукман ал-Хаким». В колофоне (с. 147) этой части справочника по-арабски написано: «Закончил переписку Умар из Гинта для своего брата¹³ Хасану-Хаджи из Дейбука¹⁴. Год 1315» (1897 г.). На

последних 148—156 страницах рукописи — текст небольшого сборника лекарств для лечения ран (лекарства для хирурга). В конце этой части написано: «Закопчил переписку на крыше дома, после полудневной молитвы. Год 1324» (1896 г.)¹⁵.

Сравнительный анализ текстов списков «Е», «Ж», «З», «И», «К» и «Л» показывает их взаимосвязь и историю самого текста. Очевидно, что наш наиболее древний список (список «Е») не является первоначальным авторским текстом. Об этом кроме прочего свидетельствует тот факт, что хотя список «Е» сохранился полностью, но в нем не зафиксированы никакие сведения о его авторе. Очевидно список «Е» является промежуточным списком между автографом и текстами списков «Ж», «З» и «И», восходящими к списку «Е». Таким образом, с еще не обнаруженного нами первоначального авторского текста переписан список «Е», который послужил протографом для списков «Ж», «З» и «И», последние постепенно дополнялись почерпнутыми из других источников новыми сведениями, а списки «К» и «Л» являются краткими извлечениями из списка «И». Итак, с авторского текста снимались копии, а с них делались новые списки, дополнявшиеся новыми сведениями из других источников. Позже из них делали краткие извлечения (культурная «цепная реакция»).

На наш взгляд, копиями с авторского текста с последующими дополнениями из других медицинских трактатов пользовались профессиональные лекари-хакиды, а краткие извлечения из авторского и других текстов использовали грамотные люди, специально не занимавшиеся лечением людей. При этом, как свидетельствуют списки «Е» и «И», медицинские справочники переписывали не только для себя, но и для того, чтобы подарить близким и друзьям как ценнейший подарок. По сведениям покойного Багомедкади Меджидова из Урахи, списком «Е» пользовался искусный урахинский лекарь Таймаз¹⁶.

В личной библиотеке жителя селения Гельмец (Рутульский р-он) Нурудина Исрапилова хранится, написанная в середине XIX в. на азербайджанском языке еще нам неизвестным лицом, рукопись медицинского справочника (объем — 56 страниц, формат — 11×14 см.), которым пользовался местный лекарь Джабраил Нурудинов. Рукопись обнаружена и сфотографирована в 1985 г. А. Р. Шихсидовым и А. А. Исаевым.

Тексты обнаруженных нами медицинских сочинений на местных языках полностью огласованы, что облегчает процесс их чтения, особенно терминов и названий лекарств, лекарственных средств и болезней.

Наряду с рукописями до наших дней сохранились и изданные в начале XX века в Темир-Хан-Шуре на арабском и дагестанских языках несколько книг, посвященных вопросам

медицины, в том числе пропаганде элементарных ее знаний, гигиене человека, вреде употребления спиртных напитков.

В Темир-Хан-Шуре дважды (один раз в — в 1910 году, а другой раз — дата издания не указана) был издан составленный Абусуфьяном Акаевым из Нижнего Казанища на кумыкском языке небольшой (объем — 69 страниц, формат — 10×17 см.) медицинский справочник под названием «Гъазыр дарман» («Готовые лекарства») ¹⁷. Эта же книга в переводе на русский язык была переиздана в 20-х годах. В предисловии справочника (с. 2—4) А. Акаев на кумыкском языке писал: «Я в этой книге даю описания лекарств для наиболее часто встречающихся среди населения болезней. Для большинства лекарств в нашем (т. е. кумыкском — А. И.) языке нет названия; учитывая это и в целях облегчения покупки их в аптеках, названия большинства лекарств написал по-русски и по-кумыкски».

Книга состоит из двух частей. В первой (с. 5—35) на арабграфическом (аджам) и русском (кириллица) алфавитах написаны названия готовых (фабричных) лекарств, которые можно купить в аптеках. Здесь же даются описания (на кумыкском языке) болезней и методов применения готовых лекарств. Во второй части (с. 36—69) — описания болезней и методов изготовления лекарств, из средств растительного и животного происхождения, при кровотечении, ожоге, обморожении, спасении утонувшего, отравлении, при судорогах, солнечном ударе, укусе змей и бешеных животных, при потере сознания, при лечении различных ран, туберкулеза и т. д.

В 1912 г. в Темир-Хан-Шуре была издана, составленная на лакском языке Джамалутдином Шахбановым (Джандаров) из Хурукры, небольшая (объем — 45 страниц, формат — 12×16 см., по 11 строк на странице) книга под названием «Умм ал фасад» («Мать бедствий») ^{17а}. Книга состоит из нескольких тематических разделов, в которых довольно аргументированно сказано о губительном влиянии алкоголя на здоровье не только людей, употребляющих спиртные напитки, но и их детей (дети у таких родителей рождаются дебильными и аномальными, т. е. с физическими недостатками), о разлагающем влиянии алкоголизма на многие сферы семейно-бытовой, морально-этической, духовной жизни и деятельности людей. Алкоголизм рассматривается в этой книге как источник всех человеческих бедствий.

Борьбе с использованием спиртных напитков, а также объяснению основ гигиены человека посвящены специальные разделы и главы ряда книг, изданных на аварском, даргинском, кумыкском, лакском, арабском языках в типографии М.-М. Мавраева, в них же дан ряд рецептов лекарств против некоторых болезней.

В 1908 г. в типографии М.-М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре на арабском языке было выпущено третье издание (даты выпуска 1 и 2-го издания еще не ясны) небольшой (объем — 12 страниц, формат — 11×17 см., по 14 строк на странице) книги — «Сведения о сифилисе или о французской болезни, известной в медицинской науке под названием «венерическая болезнь». Книга издана с дозволения губернатора Дагестанской области комиссией по распространению медицинских знаний. На верхней части титульного листа по-арабски написано: «Русское медицинское общество по охране наследия Пирогова». На последней, 12-й странице сказано, что «данное сочинение, по указанию председателя областного суда Дагестанской области Кривенко, с русского на арабский язык перевел начальник вицхинского участка Казикумухского округа» Гасан Гузунов. Переписал для литографирования известный переписчик-каллиграфист Исмаил Абуисхак из Шулани.

В книге вкратце сказано о признаках и последствиях сифилиса, рекомендуется ряд профилактических мер и методы его лечения¹⁸.

В той же типографии в переводе с русского на арабский язык, сделанном начальником канцелярии губернатора Дагестанской области Бадави Саидовым, была издана (дата издания не указана) книга (объем — 37 страниц формат — 16×21 см.) врача Арцруни под названием «Мард ал-ваба» («Холера»). В книге даются краткие сведения о холере, ее проникновении на Кавказ, а также о мерах ее предупреждения и лечения.

Исследователь арабского средневековья английский исламовед У. Монтгомери Уотт в предисловии к русскому изданию своей книги «Влияние ислама на средневековую Европу» писал: «В период с 1100 почти до 1350 г. европейцы в культурном и интеллектуальном отношении уступали арабам, но не переставали учиться у них, переводя арабские сочинения на латынь. Особенно примечательно влияние арабов в области философии и медицины». Далее У. М. Уотт пишет: «...европейцы еще не отдают себе отчета, чем они обязаны мусульманской культуре. Порой мы преуменьшаем размеры и роль мусульманского влияния в нашем культурном наследии, а порой и вовсе забываем о нем. Наши добрые отношения с арабами и другими мусульманскими народами требуют, чтобы мы до конца осознали, в какой мере являемся их должниками — было бы ложной гордостью скрывать или отрицать этот факт»¹⁹.

Целая плеяда представителей естествознания и медицины средневекового Востока: Абу-Бакр Мухаммад б. Закария, Джабир ибн-Хайян, Абу Али ибн-Сина, Абу Юсуф Якуб б. Исхак ал-Кинди, Абу Абдаллах Мухаммад ибн Муса

ал-Хорезмы, Абу Райхан Беруни, Абу-л-Касим аз-Захрани, Ибн Байтар и другие, как отмечает член-корреспондент АМН СССР В. М. Карасик, «значительно раньше европейских ученых ознакомились с научным наследием древнего мира и, творчески его перерабатывая, своими исследованиями и наблюдениями способствовали развитию этих наук. Благодаря им Европа познакомилась с сохранными в арабских переводах трудами Аристотеля и многих других»²⁰.

Знаменитый труд Абу Али ибн Сины «Канон врачебной науки», объединивший в себе «фармакологический опыт медицины древнего Рима, Греции, Ирана, Индии, Средней Азии», а также представляющий собой «свод всех современных Ибн Сине медицинских знаний, в переводе на латинский язык служил учебником в европейских учебных заведениях в XII—XVII веках»²¹.

Одной из стран, активно втянутых в орбиту восточной культуры, являлся средневековый Дагестан, в который из стран Востока проникали произведения по различным отраслям средневековой науки, в том числе и произведения восточной медицины. По этим произведениям представители народов Дагестана знакомились с мировоззрением и научными достижениями ученых и мыслителей не только средневекового Востока, но и таких корифеев античного мира, как Аристотель, Платон, Гиппократ и др. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней и бережно хранящиеся в фонде восточных рукописей ИИЯЛ произведения (рукописные и печатные книги) восточных авторов.

Например, в этом фонде (ф. 14, № 1720) хранится, написанная на арабском языке рукопись фармакологического трактата арабского ученого Ибн Байтара из Малаги под названием «Захират ал-аттар» («Помощник фармаколога»). Сочинение в объеме 222 страниц, при формате 16×24 см. написано каламом на белой бумаге черными чернилами. В рукописи отсутствуют сведения о переписчике и дата ее переписки. Почерк не дагестанский и очень древний, текст не огласован, во многих случаях не проставлены над- и подбуквенные знаки (точки).

Весь текст сочинения изложен по развернутой и очень продуманной прямоугольной схеме. В ее горизонтальных графах в алфавитном порядке красными чернилами написаны названия лекарственных средств (растительного и животного происхождения, а также минералы) и их физические свойства (запах, цвет, плотность и др.); а в вертикальных графах написаны название, назначение, вид, рецепт, состав лекарства, методы изготовления и применения лекарств, положительные и возможные побочные (отрицательные) действия лекарства на отдельные части человеческого тела и на все тело в целом.

В том же фонде (ф. 14, № 1472) хранится, написанная на арабском языке, объемистая (218 листов, формат — 17,5×21,5 см.) рукопись произведения восточного ученого-медика Абу ал-Хасан Али б. Абу ал-Хазим ал-Курши «Китаб ат-тиб» («Медицинская книга»). В рукописи отсутствуют сведения о переписчике и дата ее переписки. Весь текст трактата написан черными чернилами, четким почерком дагестанского насха; названия многих лекарств надчеркнуты сверху красными линиями. На 1—133 листах рукописи названия многих лекарств, лекарственных средств и болезней переведены на кумыкский язык, переводы написаны на полях и между строк красными чернилами; после многих кумыкских слов написано «аджам», т. е. не арабский.

О знакомстве представителей народов Дагестана с произведениями средневековых и античных авторов свидетельствуют, написанные на языках народов Дагестана, фармакологические и фармакогностические произведения.

В списке «Е», например, упомянуты имена великого мыслителя и ученого-энциклопедиста средневекового Востока Абу Али ибн-Сины, великого древнегреческого ученого мыслителя и общепризнанного «отца медицины» Гиппократ и других, а также процитированы рецепты лекарств из их произведений.

Вместе с тем, составитель списка «Е» не приводит названия использованных им медицинских сочинений и лишь изредка упоминает имена древних ученых-медиков. Вместо указания имен авторов и названий использованных сочинений он зачастую ограничивается простой пометкой: «крупные хакиды сказали», «хакиды на практике проверили» и т. д.

В списке «Е» многократно использованы такие, растущие в странах Востока, растения, как: райхан — базилик, сандал — сандаловое дерево, зафцрап — шафран, тарфа — тамариск, хитми — алтей²² и многие другие; арабские названия болезней: балгам, бавасир, сагиран, сагравн, барас, сагра, савда и др.; названия животных, которых нет в Дагестане: верблюд, слон, однорогий козел, лев, гривастый волк и т. д.

Говоря о лекарственных средствах, его составитель указывает место или название страны, где они растут: *тамр Хинди* (с. 12, 16, 28 и т. п.) «финики индийские»²³; *джавз Хинди* (с. 23, 31) «кокосовый орех из Индии»²⁴; *джавз ат-тиб Хинди* (с. 43) «лечебный орех из Индии»; *армалан къаркъа* (с. 21) «армянский камень»²⁵; *самгу араби* (с. 19, 47, 48) — «арабская камедь»²⁶; *айфун Мисри* (с. 53) «опий (опиум) египетский»²⁷ и др.

Список «Е» состоит из двух частей. В первой части (с. 1—76) дано описание 616 рецептов лекарств от самых различных болезней. На 39, 40, 41, 51, 65 и других страни-

цах указано, что лекарство «проверено многими хакимами», «испытано на практике», *муджарибил саби* «проверено на практике».

Многие лекарства предназначены для лечения какой-либо одной болезни. К ним относятся такие простые, состоящие из одного лекарственного средства рецепты, как: «если соколиной желчью смазать большой глаз, то он выздоровеет» (с. 3); «если на опухшее место положить растолченный базилик, то опухоль пройдет» (с. 3) и др.

В трактате большинство рецептов лекарств составлены из двух и более лекарственных средств: «если растолченную и прокипяченную смесь льняного масла, чеснока, черного перца, мастики (мустак)²⁸ и михика²⁹ положить в больное ухо, то оно перестанет болеть» (с. 16). Другой сложный рецепт: «взять по одному мискалу³⁰ галли фишашкового (*сари азувай*)⁸¹, кресс-салата (*хаббу ар-Раишад*)³², акации камедоносной (*каруза*)³⁸, черного перца (*базар иссиут* — по-даргински), имбиря (*занджабил*)³⁴ и мироблани (*черное галли*)⁸⁵, смешать и растолочь их, затем смешать все это с медом и если употреблять по три дирхема³⁶ этой смеси перед сном и утром натошак, то прекратится ревматизм и полезна для многих болезней. Проверено на практике» (с. 63).

Медицинские справочники были предназначены для оказания практической помощи лекарям. Поэтому в них большое внимание уделяется описанию методов изготовления того или иного лекарства. «Взять пажитник сенной (*хулба*)³⁷, скипятить его в воде, затем воду вылить, налить свежую воду и снова скипятить и снова вылить воду, так 4—5 раз повторить, на шестой раз в кипяченую воду добавить кресс-салат (*хаббу ар-Раишад*) и сахар, скипятить все вместе. Если после этого выпить эту настойку, то камни в моченспускательном канале раздробятся в порошок и выйдут с мочой» (с. 9—10). Другой рецепт: «Опилки сандалового дерева залить уксусом и водой, через сутки в эту смесь добавить сахар. Если выпить этот раствор, то прекратятся боли в сердце и аритмичное биеение сердца нормализуется» (с. 24). «Если снять верхний черный слой коры дикой яблони, то под ним имеется белый слой (*луб*). Надо кипятить этот луб, затем его настоей смешать с медом. Если выпить это лекарство, то прекратятся боли в сердце» (с. 81).

Действие и лечебный эффект лекарства в значительной степени определяются дозой принимаемого лекарства и временем его использования, состоянием здоровья больного, его возрастом и другими факторами.

При описании методов изготовления и приемов употребления многих лекарств, их составные части в списке «Е» и в других медицинских трактатах дозированы в единицах

измерения веса и объёма: дирхем, мишкал (мискал), вакия³⁸, ратал³⁹, шинжа⁴⁰, кош⁴¹, па хъаргацад⁴². Например: «Растолочь один дирхем окиси свинца (*мурдасандж*)⁴³, смешать в него 3 дирхема оливкового масла (*зайтун*)⁴⁴ и скипятить его. Затем скипятить по два дирхема камеда колючего дерева (*анзарут*)⁴⁵ и ладана (*кундур*)⁴⁶. Все это смешать. Если этой мазью мазать, любая рана заживет и обрастет свежее мясо. Рецепт проверен на практике» (с. 10).

Во многих местах трактата конкретизировано когда употреблять то или иное лекарство: после еды, до еды, натощак, перед сном; а также указано сколько лекарства выпить человеку со слабым или сильным здоровьем, взрослому или малолетнему больному. Например: «Миробланы (*черные галли*) полезны тем, кто болеет желчной (*савда*) болезнью. Человеку со слабым здоровьем дам 3 дирхема миробланы, а с крепким — 5 дирхем» (с. 21). «Если перед сном на больной и покрасневший глаз закапать несколько капель сока индийских фиников (*тамр Хинди*)⁴⁶ и намочить им веки, то к утру глаз перестанет болеть» (с. 16). «Если при вставании или поднятии головы происходит потемнение в глазах или головокружение, то надо каждый день утром натощак пить морскую воду с сахаром» (с. 18).

Однако не во всех рецептах лекарств конкретизированы методы их изготовления и применения. Во многих случаях одно и то же лекарство без дозировки и конкретизации рекомендуется использовать для многих болезней. «Если покусать толкно шижира с сахаром, то прекратится грудная болезнь, улучшится мозг ребенка, успиются больные суставы» (с. 5). «Если прожевать чебрец (*ташкли* — по даргински), то прекратится боль в зубах, умрут черви в зубах; чебрец является лекарством и для больных суставов, против глистов и от укуса бешеных собак» (с. 22—23). «Если поесть или натереть мумнё, то прекратится боль в суставах; мумнё является лекарством и для больной печени, живота, опухолей, а также мочегонным средством» (с. 15).

Многие упомянутые в нашем трактате лекарственные средства растительного и животного происхождения не растут и не встречаются в Дагестане. Поэтому было очень важно знать о замене одних лекарственных средств другими. В списке «Е» приведено по 10 и более рецептов лекарств для лечения той или иной болезни. Например: «Если намочить глаз петушиной кровью, то снимется с него бельмо» (с. 39). «Если мазать глаз козлиной желчью, то с глаза снимется бельмо» (с. 41); «Если смазать больной глаз смесью медвежьей желчи и сока фенхеля (*разийанадж*)⁴⁸, то пройдет с него темнота и человек станет видеть» (с. 38—39); «Корень мудуха⁴⁹ высушить, растолочь, а затем просеять через шелковую ткань и в этот порошок добавить

желчь вороны. Если на ночь положить эту мазь на глаз, то снимется с него белая пленка» (бельмо) (с. 64). «Если смазать глаз человеческой желчью, то снимется с него белая пленка» (с. 64); «Если на глаз капнуть немного нашатыря (*нишатур*), то снимется с него белая пленочка» (с. 64).

На 1—65 страницах списка «Е» рецепты лекарств расположены без определенной последовательности. Эту часть трактата можно назвать разделом лекарств при лечении самых разных болезней, то есть фармакологическим справочником. На 66—67 страницах расположение другое. Эту часть можно назвать лечебником: здесь сперва дается название болезни (болезнь головы, глаз, ушей, зубов, сердца, груди, живота, печени, селезенки, желтуха, камень в мочеиспускательном канале, укусы змей и многие другие), затем перечисляются рецепты лекарств при каждой болезни в отдельности. Такое расположение помогает легче находить нужное лекарство, тогда как в первом разделе (фармакологии) для этого приходится просмотреть весь материал.

В списке «Е» большое внимание уделено лекарствам от головной, сердечной, грудной, глазной, ушной, мочекаменной и других болезней, разработано для каждого из них довольно большое количество рецептов лекарств. При этом для каждой разновидности болезни рекомендуется определенное лекарство. В частности, автор трактата различает такие виды головной боли: боли во всей голове, боли в затылочной части головы, боли в лобной части, боли в височных частях головы; при этом указывает причину головной боли: жара, простуда, давление крови, ушиб или сотрясение головного мозга, травма или деформация черепа и др. При каждом виде головной боли автор трактата рекомендует и лекарство и метод лечения: «Если головная боль идет с затылочной части, причиной боли является то, что крови стало больше (т. е. повысилось кровяное давление — А. И.). В таком случае надо методом шелчка или *умеа*⁵⁰ произвести кровопускание, после чего понизится давление крови и прекратятся головные боли» (с. 53).

Автор списка «Е» знаком и с глазным давлением. Для снятия глазного давления он рекомендует «произвести кровопускание из вены, называемой *ирку ал-джибхат*, расположенной возле век глаз. После этого снимется глазное давление и покраснение глаза» (с. 54).

В списке «Е» содержится немало рецептов лекарств, предназначенных для усиления памяти и умственной способности человека. «Если поест ладан (*кундур*), прекратятся отхаркивающие кашли (*балгам*)⁵¹, очистятся легкие, усиливается умственная способность» (с. 11). «Если покушать сваренный мясной фарш с луком, то усиливается умственная способность» (с. 45). «Взять в равных долях черный

перец и имбирь (*занджабил*) и растолочь их, а затем в эту массу добавить сахар. Если утром натощак покушать по три дирхема этого лекарства, то пройдут кашли (*балгам*) и ревматизм, улучшится голос, усилится умственная способность. Действие лекарства проверено на практике» (с. 63).

В списке «Е» мы находим большое количество рецептов предназначенных для гигиены человека: чистота тела, половая жизнь, зачатие и рождение ребенка и т. д. «Если смешать сок подснежника (*жанай вава* — по-даргински) с уксусом и помыть им лицо, то кожа лица станет мягкой и гладкой, а цвет — румяный» (с. 48). «Если соком репы (*шалгам*)⁵² помыть голову и лицо, то волосы раньше времени не седеют» (с. 2).

В ряде мест трактата даны развернутые рекомендации по укреплению здоровья человека. «Для здоровья человека вредны чрезмерное употребление пищи и воды. Я разделяю свой желудок на три части: одна часть для пищи, другая — для воды, а третью — оставляю для воздуха. Новую пищу не употребляю пока употребленное не успело разложиться (перевариться)» (с. 13). На 9-й странице списка «З» сказано: «Каждому человеку необходимо предостерегаться от четырех вещей: 1) от чрезмерного употребления пищи; 2) от увлечения сном; 3) от увлечения половой жизнью; 4) от недосыпания. Большинство болезней связано с ними».

Описывая какой-нибудь рецепт, автор трактата иногда приводит интересные рассказы, связанные с вопросами укрепления здоровья человека. На 51-й странице списка «Е», например, рассказывается о поисках Зулкарнайном (Александр Македонский) лечебной воды (*мау-л-хайат*) для обеспечения своего бессмертия, но он не находит ее. Тогда он обращается к легендарному Лукману ал-Хакиму с просьбой дать ему лекарство, чтобы он никогда не болел. Последний отвечает ему: «Я дам тебе одну смесь, она поможет тебе от всех болезней, кроме смертельной. Вот состав этой мази: взять по одному мискалу галли фишашковых (*сари азувай*), абрикосовых косточек (*бурчун* — по-даргински), имбиря (*занджабил*) и черного мироблана, растолочь их, а затем смешать их с медом. Если покушать по три дирхема этой смеси перед сном и утром натощак, она поможет всем болезням».

Другой рассказ: «Однажды персидский шах собрал четырех врачей: один из Ирака, другой — из Индии, третий — из арабских стран, четвертый — из Рима. Шах сказал всем: «Назовите лекарство, от употребления которого человек не заболест». Врач из Ирака сказал: «Человек не заболест, если он натощак будет пить кипяченую воду». Врач из Рима сказал: «Человек не заболест, если он натощак покушает кресс-салат». Врач из Индии сказал: «Человек не заболест,

если он натошак покушает три штуки черного мироблана». Врач из Аравии ничего не сказал. Оказывается он знал больше всех. Тогда шах спросил у него: «Почему ты не отвечаешь?» Он ответил: «Эй шах! Выпитая утром натошак теплая вода размягчает пищу в желудке. Если натошак поест кресс-салат, он пошевелит сагиран. Если натошак покушать черный мироблан, то он расшевелит желчь. Далее, человек не будет болеть, если он употребляет пищу, когда он проголодался и чрезмерно много пищи не употребляет» (с. 14—15).

Автор нашей рукописи, будучи сыном своего времени, хотя и редко, но дает рекомендации применять в качестве лекарства против той или иной болезни амулеты, талисманы и читать отдельные суры Корана.

В составе многих лекарств упомянуты, как обладающие целебными свойствами, драгоценные камни и цветные металлы: янтарь (с. 55), армянский камень (с. 22), камень исбагы (с. 57), слоновая кость (*магьи* — по-даргински) (с. 5), сурьма (с. 54, 57), алмаз (с. 20), магнит (с. 5), олово (с. 55), золото (с. 55) и др.

На 75—104 страницах списка «Е» на даргинском языке (губденский диалект) даны 16 рецептов, остальные — на арабском языке. Эта часть трактата предназначена в основном для лекаря-хирурга. В ней даны рецепты и методы лечения различных ран и опухолей. Для лечения открытых ран, переломов и опухолей рекомендуются различные повязки (жировые, мучные, соляные), обвертывание овечьей или козьиной шкурой, а также лекарственные растения. Приведем несколько примеров: «Если рана на теле (т. е. на мышце), то ее обрабатываю горячим топленным маслом, если это не поможет, тогда использую различные лекарственные растения (с. 75). «Если повреждена кость, то для нее сделаю повязку из кипяченого топленного или оливкового масла (*зайгун*)⁵³ или нефти (*нан*)⁵⁴» (с. 75). «Если сделать из ячменной муки на винном уксусе повязку и положить ее на опухшие груди женщины, то опухоль пройдет» (с. 31).

На 75—77 страницах списка «Е» рассказывается о методах лечения повреждений внутренних частей кости, при травме черепной кости, сотрясении головного мозга.

Мастерством дагестанских лекарей-хирургов восхищались Н. И. Пирогов⁵⁵ и другие очевидцы. Однако таких искусных лекарей-хирургов в Дагестане было очень мало. К их числу относятся Магома из аула Квантлада, Хусейн-Магома из Эрпели, Магома из Кудали⁵⁶, Цахай Чанкуев из аула Шара, Майндур из Ободы⁵⁷, Муртазаали-хаджи Магомедов из Бутри, Рафи-хаджи из Шангода, Таймаз из Урахи и другие. Следует отметить, что Муртазаали-хаджи Магомедов из Бутри, как хирург, работал ассистентом

Н. И. Пирогова под Салтами, и Н. И. Пирогов в знак благодарности за оказанную помощь и признание его хирургического мастерства подарил ему набор хирургических инструментов⁵⁸.

На 105-й странице списка «Е» имеется написанное в стихах на губденском диалекте даргинского языка завещание переписчика названному сыну Алибулату (на 75 странице этого же списка он называет его братом). Из содержания трактата и из этого стихотворения-завещания ясно видно, что его составитель и переписчик были врачами, усвоившими арабскую грамоту и язык, освоившие произведения восточной медицины, хорошо знакомые с анатомией человека, прекрасно понимавшие роль и значение медицинской науки и занимавшиеся лечением больных, а его переписчик завещает своему названному сыну Алибулату любить профессию врача, овладевать секретами медицинской науки, изготавливать лекарства для больных и пропагандировать медицинские знания среди населения.

Содержание списка «Е» помогает нам ознакомиться и с моральным обликом его автора. На 35, 41-й страницах даны описания рецептов разных смесей, от употребления которых человек теряет сознание или умирает. А в конце этих рецептов написано: *Аллагъла нягІна бакІаб гъиш дарман барибиллис* «Божье проклятие тому кто изготовит это лекарство»⁵⁹.

Таким образом, сохранившиеся до наших дней во многих списках медицинские сочинения являются ценнейшими первоисточниками по выяснению проблемы распространения в Дагестане естественно-научных знаний. Они свидетельствуют о наличии в Дагестане людей, ознакомившихся и усвоивших достижения восточной медицины, успешно занимавшихся изготовлением лекарств и лечением разных болезней и пропагандировавших среди населения медицинские знания. Своей практической деятельностью они внесли ценный вклад в зарождение и развитие в Дагестане медицинской науки. С другой стороны, распространившиеся во многих списках среди населения Дагестана медицинские сочинения являются ценнейшими памятниками письменной культуры его народов на их родных языках.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выражаю признательность И. Х. Абдуллаеву за перевод предисловия с лакского на русский язык.

² Рукописный фонд Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР (далее — РФ ИИЯЛ), ф. 14, № 189.

³ Ханнал мурад (парчри) — Альманах «Дусшиву» («Дружба»), 1980, № 1, с. 74—80.

⁴ Выражаю искреннюю признательность А. Г. Гусейнаеву и А. А. Магдиеву за перевод текста предисловия с лакского на русский язык.

⁵ *Омиров Абдулла*. Воспоминания муталима.— ССКГ. Тифлис, 1869, вып. 2, разд. VI, с. 53; *Чаринов М.* Краткий очерк истории лакской литературы.— РФ ИИЯЛ, ф. 8, оп. 1, д. 38, л. 43; *Абдуллаев М. А.* Мыслители Дагестана XIX и начала XX вв. Махачкала, 1963, с. 30; *Хайдаков С. М.* Старокумухский диалект (по материалам рукописного произведения «Ханнал мурад» («Желание хана»).— Иберийско-кавказское языковедение. Тбилиси, 1964, вып. 14, с. 341; *Гусейнаев А. Г.* *Члмуд синатру* («Лики времени»). Махачкала, 1978, с. 7, 11; *Лавров Л. И.* Этнография Кавказа. Л., 1982, с. 134—135.

⁶ *Аликишиев Р. Ш.* Очерки по истории здравоохранения Дагестана. М.: Медгиз, 1958, с. 21.

⁷ Сурхай-хан в 1721 г. участвовал во взятии дагестанцами Шемахи, а в 1728—1734 гг. правил в Шемахе. (См.: *Айтберов Т. М.* «Родословная Сурхая б. Гарая Казикумухского» как источник по истории Дагестана XV—XVIII вв. — В кн.: Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984, с. 7).

⁸ РФ ИИЯЛ, ф. 14, № 494.

⁹ *Уот У. Монггомери*. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976, с. 61.

^{9а} Хранится в РФ ИИЯЛ, ф. 14, № 2627.

¹⁰ В связи с этим следует отметить, что Али Каяев по этому поводу писал: «Нурмагомед из Хунзаха перевел с персидского на кумыкский язык очень известный труд по медицине «Тухфат ал-муминин». — РФ ИИЯЛ, ф. 25, оп. 1, д. 1, л. 7.

¹¹ *Абдуллаев М.* *Губдилан Юсуп ХIяжи*. — *Ленинна Байрахъ*, 1982, 6 января. Он же. Редкая находка.— Советская Россия, 1982, 4 марта.

¹² Список «Ж» был обнаружен и А. Р. Шихсандовым в 1961 г. (См.: *Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсандов А. Р.* Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей.— Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1963, т. 11, с. 185).

¹³ Очевидно здесь речь идет не о кровнородственном брате.

¹⁴ Гнига — селение, расположенное на территории современного Акушинского района, Дейбук — на территории современного Дахадаевского района.

¹⁵ Списки «А», «Б», «В», «Г», «Д», «Е», «Ж», «И», «К», «Л» и три справочника на аварском языке сфотографированы мною, фотоснимки хранятся в моем архиве.

¹⁶ О лекаре Таймазе из Урахи см.: *Далгат А.* В огне революции. Махачкала, 1960, с. 29—30.

¹⁷ Фотокопии книги хранятся в моем архиве.

^{17а} «Умм ал-фасад» перенздан в транслитерации на современный алфавит лакского языка старшим научным сотрудником ИИЯЛ И. Х. Абдуллаевым в 1985 г. в альманахе «Дусшиву» (№ 4, с. 77—89) и в 1986 г. в лакской районной газете «Хяхха барг» (14 марта, № 32).

¹⁸ Выражаю признательность младшему научному сотруднику сектора востоковедения ИИЯЛ М. М. Абдулкеримову за оказанную мне помощь в деле ознакомления с этим и другими написанными на арабском языке текстами.

¹⁹ Уотт У. Монтомери. Указ. соч., с. 17, 19.

²⁰ Карисик В. М. «Канон врачебной науки» и системы лекарственной терапии в старой медицине: Приложение.— В кн.: Ибн-Сина. Канон врачебной науки. Ташкент, 1956, кн. 2, с. 687.

²¹ Болтаев М. И. Абу Али ибн-Сина — великий мыслитель, учебный-энциклопедист средневекового Востока. Ташкент, 1980, с. 162.

²² Абу Али ибн-Сина. Канон врачебной науки (далее — Ибн Сина). 1958, кн. 2, с. 570, 527, 239, 298, 637.

²³ Там же, с. 174; Абу Райхан Беруни. Избранные произведения (далее — Беруни). Ташкент, 1973, т. IV, с. 321.

²⁴ Ибн-Сина, с. 621.

²⁵ Армилан къаркъа — по-даргински означает «армянский камень».

²⁶ Ибн-Сина, с. 530.

²⁷ Там же, с. 95.

²⁸ Там же, с. 384.

²⁹ Русское название этого растения нам еще не известно.

³⁰ Мискал — мусульманская мера веса, равная 4, 6 гр. (См.: Хини В. Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. М., 1970, с. 16).

³¹ Беруни, с. 629.

³² Арабско-русский словарь. /Сост. Баранов Х. К. М., 1958, с. 189.

³³ Ибн-Сина, с. 568.

³⁴ Там же, с. 226; Беруни, с. 502—503.

³⁵ Ибн-Сина, с. 212.

³⁶ Дирхем равен 2, 975 гр. (См.: Буниятов З. М. Абу-л-Касим аз-Зах равн. Трактат о хирургии и инструментах: Перевод с арабского М., 1983, с. 260).

³⁷ Беруни, с. 394; Ибн-Сина, с. 277.

³⁸ Вакийи (ваки) равен 300 гр. (См.: Материалы по метрологии народов Дагестана.— В кн. Вопросы истории Дагестана. (Досоветский период). Махачкала, 1974, вып. 1, с. 170).

³⁹ Ратал равен 6 гилавки; 1 гилавка равна 400 гр. (См.: Там же, с. 168—174).

⁴⁰ Шинжа — на даргинском и кумыкском языках означает «кружка».

⁴¹ Кош — даргинское слово, означает «горсть».

⁴² Ца хъаргацад — даргинское выражение, означающее «как одну горошину», употребляется в качестве единицы измерения объема.

⁴³ Ибн-Сина, с. 392; Беруни, с. 807.

⁴⁴ Ибн-Сина, с. 322; Беруни, с. 511.

⁴⁵ Ибн-Сина, с. 69; Беруни, с. 236.

⁴⁶ Ибн-Сина, с. 322; Беруни, с. 772.

⁴⁷ Ибн-Сина, с. 611; Беруни, с. 321.

⁴⁸ Ибн-Сина, с. 668; Беруни, с. 469.

⁴⁹ Мудух — русское название этого растения нам не известно.

⁵⁰ Кровопускание методом щелчка производилось так: лезвие ножа клали на определенную вену, затем делали резкий щелчок пальцем по ножу, в результате прорезалась часть вены и кровь выходила. При кровопускании методом *умеа* (даргинское слово *умегI* означает «рог») на слегка поврежденную поверхность определенной вены прикладывался рог со специальным отверстием и через него высасывалась кровь. Эти оба метода кровопускания широко применялись в Дагестане специализировавшимися в этом хакимами-кровопускателями (даргинцы их называли *хIи дихъянги*), они знали при какой болезни из какой вены и сколько крови надо выпустить и что сделать после этой операции.

⁵¹ Арабско-русский словарь, с. 103.

⁵² *Ибн-Сина*, с. 601; *Беруни*, с. 789.

⁵³ *Ибн-Сина*, с. 249; *Беруни*, с. 511—516.

⁵⁴ В даргинском языке слово *нап* означает «нефть» или «керосин»; в данном случае имеется в виду, очевидно, «нефть».

⁵⁵ *Пирогов Н. И.* Отчет о путешествии по Кавказу. Б. г.: Медгиз, 1952.

⁵⁶ Дневник полковника *Руновского*, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге с 1859 по 1862 год.— В кн.: «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею». Тифлис, 1904, т. 12, с. 1463—1466.

⁵⁷ *Аликишиев Р. Ш.* Указ. соч., с. 28.

⁵⁸ Подаренный *Н. И. Пироговым* дагестанскому лекарю деревянный ящик с 36 хирургическими инструментами хранится в историко-архитектурном музее Дагестана. (См.: *Хасаншин Х. Г.* Дагестан помнит их. Махачкала, 1984, с. 21—22).

⁵⁹ Лечебные свойства лекарств, отмеченных в данной статье и имеющих в медицинских трактатах, написанных на языках народов Дагестана, современной медицинской наукой еще *не проверены*.

СОЧИНЕНИЕ АБДАРРАХМАНА ИЗ КАЗИКУМУХА «ХУЛАСАТ АТ-ТАФСІЛ»

В изучении истории народов Кавказа, в частности Дагестана, значительную роль играет литература на арабском языке. Академик И. Ю. Крачковский писал об исключительно важном значении арабских источников, относящихся к истории Кавказа XVIII—XIX веков: «Их основное преимущество в том, что они являются источниками не со стороны, а возникли в той самой среде, которой посвящены»¹.

Среди всех произведений арабоязычной литературы особое место занимают сочинения, посвященные движению горцев Северо-Восточного Кавказа в середине XIX в.² Наиболее известны воспоминания и хроника Абдаррахмана, сочинение Мухаммада Тахира ал-Карахи и «Сказание очевидца о Шамиле» Хаджи-Али.³

Эти произведения отличаются друг от друга не только характером изложения событий, но и хронологическими рамками. Так, «Сказание очевидца о Шамиле» и Хроника Мухаммада Тахира ал-Карахи посвящены в основном периоду борьбы под руководством Шамиля, а сочинение Абдаррахмана — периоду пленения Шамиля и его пребывания в России. Обстоятельства наложили отпечаток на идеологическую направленность произведения Абдаррахмана, который старался приспособиться к новым условиям. Вместе с Шамилем Абдаррахман пребывал в Калуге, где и составил свой исторический труд «Хуласат ат-тафсил».

«Хуласат ат-тафсил» известен нам по двум спискам.

Один из них хранится в рукописном фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (шифр: А 710). Заслуга открытия рукописи принадлежит академику И. Ю. Крачковскому, который посвятил ей обстоятельную статью.⁴

Краткое описание сочинения дано в «Каталоге арабских рукописей», составленном А. И. Михайловой.⁵ Рукопись представляет собой тетрадь в 122 листа, размером 11—17 см. Каждая страница имеет по 11 строк, за исключением стр. 1а

в 12 строк. Весь текст написан черными чернилами, четким насхом с особенностями, типичными для рукописей, происходящих из Дагестана. Автор начал записывать свои воспоминания около 1279/1862 г. и закончил их в 1281/1864—5 г. Впоследствии автор внес в свои записки небольшие вставки-комментарии и дополнения; последней датой в приписках является 1300/1883 г. На полях рукописи встречаются отметки карандашом, сделанные рукой И. Ю. Крачковского.

Из записки В. В. Бартольда, процитированной И. Ю. Крачковским, известно, что «рукопись пожертвована для Азиатского музея Академии наук Евгением Густавовичем Вейденбаумом, членом совета наместника его величества на Кавказе... Рукопись по заглавному листу есть автограф автора»⁶.

Во время пребывания в составе экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР летом 1970 г. нам удалось познакомиться с другим списком сочинения Абдаррахмана, хранящимся у жителя сел. Кули Кулинского района Али Абдуллаева. Рукопись имеет 216 страниц, по 11 строк на каждой. Почерк — насх, черные чернила. Переписчик — К.р.б, сын Мухаммада Амина ал-Викли, то есть из селения Викли.

Рукопись Ленинградского отделения Института востоковедения озаглавлена: «Резюме подробного изложения о делах Шамиля» («Хуласат ат-тафсил ан ахвали Шамуил»)

автора сейида 'Абдаррахмана, сына Джамаладдина ал-Хусайни ал-Гази Гумуки ад Дагестани — в Калуге. Год 1281/1864—5».

Начало рукописи обычно для произведений арабской литературы — сохраняются все части введения: басмала, хамдала, таслийа. Конец сочинения отсутствует. Последняя страница рукописи (л. 122б) имеет в нижнем углу слово 'ала. Это означает, что рукопись неполная и что следующая страница должна была начинаться с этого слова.

После краткого введения и традиционного «а затем» следует изложение причин, побудивших автора к написанию данного сочинения, среди которых немалое место отводится просьбе А. Руновского дать обстоятельную характеристику событий в Дагестане: «Попросил меня... Руновский.., чтобы я написал ему небольшой рассказ о шамилевских событиях в последние дни... вместе с тем, что я прибавлю к нему относительно императорских благодеяний...» (л. 1б—2а). По-

следняя фраза весьма примечательна. Она указывает на истинный характер поручения, которое А. Руновский дал Абдаррахману, то есть сочинение должно было включить и прославление «благодетелей» императора. Критическое отношение к соответствующим высказываниям Абдаррахмана становится поэтому весьма необходимым.

Общее содержание «Хуласат ат-тафсил»:

Введение (л. 16).

Описание последних действий Шамиля на Кавказе (л. 36—47б).

Описание пребывания в Темир-Хан-Шуре, Чугуеве, Петербурге (л. 53б—54б).

Рассказ об осмотре бумажной фабрики (л. 60б).

Рассказ об осмотре сахарного завода (л. 62б).

Описание железной дороги из Москвы в Санкт-Петербург (л. 77а—80а).

Парад в Красном Селе (л. 83а).

Пребывание в Петергофе и описание фонтанов (л. 89а).

Поездка в Кронштадт (л. 95б).

Посещение «кузницы» Адмиралтейства (л. 98б), стеклянного завода (л. 99б), Монетного двора (л. 99б), зоологического сада (л. 102а), обсерватории (л. 112б—113а).

Аудиенция у Александра II (л. 106—107а).

Возвращение в Калугу (л. 107а).

Письма Джамаладина Шамилю и сыну (лл. 115—119а).

Заключение

Послание наместника Кавказа (л. 122б).

Рукопись начинается кратким описанием военных событий, предшествовавших укреплению войск в Гунибе. События изложены отрывочно, с многочисленными отступлениями автора, и их ход можно проследить лишь по отдельным кратким высказываниям. Главное внимание уделено обороне Гуниба, переговорам, пленению Шамиля и доставке его в Петербург.

Лишь несколько раз в начале сочинения дано более или менее обстоятельное описание местностей и важнейших фактов. Таково описание укреплений на горе Килал (л. 5а): «...Он (т. е. Шамиль) поднялся на гору Килал, т. е. селение, основанное у подножия этой горы. Она была укреплена, окружена стеной — в течение нескольких лет ее обносили с этой целью укреплениями из больших камней, однако войска Шамиля укрепили эту гору вторично в последние дни так, что эта стена по своей прочности стала наподобие стены Исандара Зу-л-карнайна». Впоследствии Шамиль вынужден был покинуть укрепление на горе Килал, и это также отмечено в тексте (л. 9а—9б): «...И он приказал асхабам спуститься с вершины только что упомянутой горы Килал с

пошей, которую они могут взять из вещей. Солдаты, которых он содержал, двинулись с ними, толкая груз с драгоценностями казны, исключая орудия, которые находились там. Эти орудия остались на горе. Шамиль приказал наibu Кади Ичичалинскому раздробить их, взорвав порохом, опасаясь, что они попадут к неприятелю. И было сделано так, как мы слышали об этом от авторитетных лиц».

В описании Килала весьма важно упоминание о русских солдатах, перебежавших к Шамилю и служивших у него: «...И сопровождали его мухажиды Чирка и солдаты, которые были при нем в течение нескольких лет, перешедшие со стороны русских как пленники или же как перебежчики» (л. 5а).

Дается также описание Гуниба как наиболее предпочтительного пункта для организации обороны (л. 20а): «Вполне вероятно, что Гуниб считается самым укрепленным местом среди кавказских владений, более того, на всей земле, во всех населенных областях, даже при [наличии] малых сил и неукрепленности убежищ и домов».

Автор неоднократно акцентирует внимание на исключительно неблагоприятных условиях, в которых находился отряд Шамиля перед отходом в Гуниб, неустойчивость внутривнутриполитического положения имамата в 50-х годах XIX в. подчеркивается упоминанием тех, кто стал отходить от движения: «...Когда Шамиль увидел ослабление решимости к сопротивлению..., потому что каждая личность из категории горских племен, несмотря на различие их языков, будь он правителем или простым, бедным или знатным, отправлялись к ним (русским), отказываясь от дела, которое было им поручено со стороны первого имама Дагестана... (л. 4а).

Не забывает Абдаррахман сообщать и о таком немаловажном факторе, как государственная казна имамата, о средствах, собранных Кибид-Магомой и о мерах, предпринятых для их охраны: «...И говорят, сумма, которую собрал Кибид-Магома из вещей имама — это восемь тысяч рублей, не считая украшений, одежды, оружия и книг» (л. 27а); «...И он (Кибид-Магома) ревностно охранял это имущество (букв.: сел на это имущество, подобно страусу на яйцах), боясь прикосновения других рук и пыли»... (л. 26а).

Первая часть сочинения лишена, в отличие от второй, различных этнографических или бытовых деталей, однако в одном случае Абдаррахман отказывается от этого принципа, посвятив несколько строк описанию процесса производства соли в дагестанском селении (л. 9б—10а): «...Той ночью мы спали у моста Конхидатля, а это селение, в котором имеется соляная вода (букв. вода соли), и они (жители Конхидатля) делают соль из [этого] речного песка, то есть песка, находящегося на берегу реки... Они несут соляную

воду в свои дома в бурдюках на спинах мулов, а также песок, который насыпают в большие котлы, и разводят под ними огонь до тех пор, пока вода не испарится при сильном кипении и не превратится таким образом в соль».

К особенностям сочинения относится стремление автора к конкретизации, подробному описанию событий, к попытке уловить, как ему кажется, наиболее важное, охарактеризовать особо тщательно всякого рода новинки.

Автор стремится быть обстоятельным во всем. Железная дорога, которую он увидел впервые, настолько удивила его, что он дает ее схематический чертеж с объяснением: «[В длину] в центре — это изображение дороги, а линии, которые начерчены поперек — это обтесанные отрезки (шпалы), а две линии вдоль дороги — это железные линии (рельсы), на которых установлена железная повозка, а на ней четырехугольные дома над обеими протянутыми полосами (рельсами) по обеим сторонам дороги. Подлинно, я не могу здесь дать изображение этих домов, которые летают поверх дороги с большой скоростью подобно быстрой молнии, потому что я не умею хорошо рисовать» (л. 78а—79б).

Так же подробно описание телеграфа (л. 76а): «В 1277 г. (хиджры) поступил высочайший фирман по телеграфу из Петербурга, в котором царь приглашал его (Шамиля) к себе. А телеграф — это полый железный провод, протянутый от одного города к другому, поверх высоких столбов, установленных вдоль дороги. Например, такие провода проведены от Москвы в разные стороны — на восток, на запад, на север и на юг, и от Петербурга в Москву, Варшаву, Харьков, Одессу и во многие другие большие города для того, чтобы узнать в скорейшее время посредством телеграфа о том, что происходит хорошего или плохого (в мире) и о важных делах. И я думаю, что такие провода дойдут скоро и до наших краев».

Большое впечатление произвели на автора Петропавловская крепость и Монетный двор. Он описывает производственные процессы, связанные с чеканкой монет: «Затем мы отправились на Монетный двор, он находится в крепости Петербурга, которая называется Петропавловская крепость, укрепленной большими каменными стенами, а вокруг нее — глубокая гладкая вода, по которой ходят корабли. В центре крепости — превосходная высокая церковь, превышающая сто локтей в высоту... На Монетном дворе (работает) большое количество искусных мастеров и среди них те, которые кладут в огонь плитки чистого серебра, и когда они покраснеют, помещают их между двумя большими железными катками (валами), которые вращаются подобно колесу и прессуют эти плиты, и раскатывают их до определенной величины. Затем они эти плиты после раскатывания разрезают

на вес аббаса (20 коп.) или шести шахи, или двух шахи (10 коп.), или полтинника с помощью других железных валов, чтобы отчеканить на плитах подобно тому, как кузнец продырявливает подковы для лошадей при помощи железного орудия. После этого другие рабочие их шлифуют, остальные лудят их с обеих сторон, потому что сначала их чеканят черными при помощи этих двух валиков. Потом взвешивают их на многих весах, которые расположены одни над другими или в три этажа — верхний, нижний и средний. И монеты, отчеканенные указанным образом, одинаковые по весу, падают со средних весов подобно тому, как падают зерна пшеницы на мельнице из желоба. А остальные, более тяжелые или легкие — падают с верхних и нижних. И то, что падает с них, собирает служащий и возвращает мастерам, чтобы отчеканить их вторично до тех пор, пока они не станут одинакового веса и размера».

Особое впечатление на Шамиля произвел осмотр Кронштадтской крепости и военных кораблей: «Когда мы туда прибыли, нас доставили на большие корабли, которые стояли там в семь рядов и которые были снабжены большими орудиями. Эти орудия расположены одно над другим по (всем) четырем сторонам (корабля), чтобы было удобно стрелять в противника при любом его положении. Нам сказали, что количество орудий на одном корабле более ста, но мы точно не знаем их количество. В России мы не видели других орудий, подобных им по толщине и длине. У нас тогда были (также) большие орудия в Дагестане, но они уступали (этим) по величине» (л. 96а).

Описанию Калуги, ее достопримечательностей также посвящен подробный рассказ. Детально описан дворец, в котором был поселен Шамиль (л. 56а—56б).

Сочинение Абдаррахмана не имеет, как правило, глав. Завершение одной мысли и переход к другой передается обычно словами *интаха* «конечно», или *сумма* «затем». Так, описание железной дороги автор завершает словами: «Закончен рассказ о железной дороге и о том, что с ней связано». Или же после описания парка в Петергофе: «Закончен рассказ о парке и о том, что с ним связано». В редких случаях автор дает название главы. В этом отношении труд Абдаррахмана отличается от исторического сочинения Мухаммада Тахира ал-Карахи, где каждая глава имеет свое название, отмеченное словом *баб* «глава».

Сочинение Абдаррахмана написано, как и почти все другие дагестанские исторические тексты, в прозе, иногда — рифмованной, при этом автор употребляет специальный знак, как бы отделяя строки стиха. Следует подчеркнуть, что изложение в форме рифмованной прозы встречается, в

основном, во вступительной части произведения, и потому во второй половине его этот знак почти не встречается. Как отметил И. Ю. Крачковский, автор «...переполнен традиционным арабским материалом, он цитирует стихи, пословицы, приводит исторические рассказы... Свои собственные стихи он сочиняет по всякому поводу и без особого труда, приводя и короткие отрывки, и образцы больших пьес *касыд*»⁷.

Особое место в произведении Абдаррахмана занимают заимствования из русского языка, вполне объяснимые новыми условиями, в которых оказался автор. Основные заимствования — это термины военно-административного, социального характера или русские собственные имена.

Наиболее часто употребляемые термины:

1. Бадишах (л. 2а, 2б, 53б, 54б, 55а, 55б, 76а и т. д.) — это слово соответствует русскому «император» и только в двух случаях оно передается как *фадишах*: *мина-л-кусури-л-фадишахнийфа* (л. 54б); *ал-фадишах ал-а'зам* (л. 80б).

2. Слово император передается также в русском звучании *импиратур* (л. 2б). Однако такое написание встречается редко.

3. Гинарал — генерал (л. 80б, 82а, 114б и т. д.). Это единственная форма написания русского слова «генерал». В форме *йанарал*, как у Мухаммада Тахира ал-Карахи⁸, у Абдаррахмана оно не встречается.

4. Фулкувник (л. 80а) — полковник. Неизменно пишется в этой форме.

5. Атуган (л. 80б) — адъютант. В этой довольно точной форме слово встречается и у Мухаммада Тахира ал-Карахи.

6. Гусарский фулк ва улан — гусарский полк и уланы. У Мухаммада Тахира ал-Карахи — точно в такой же форме.

7. Словосочетание «помощник министра» передается по-арабски буквальным переводом (л. 80б, 82а) — *муни вазир ал-падишах*.

8. Великий князь обозначается следующим образом: *ал-амир ал-а'зим* (л. 89б).

9. В звании генерал-фельдмаршал первое слово передано как сардар, а второе — с попыткой изобразить его точно — филдмаршал (л. 80б). Таким образом, словосочетание генерал-фельдмаршал князь Барятинский у Абдаррахмана выглядит так: ас-сардар филдмаршал князь Барятинский.

10. Русское слово «князь» передано двояко: княз (л. 107а) и княз (л. 80б). В последней форме слово встречается и у Мухаммада Тахира ал-Карахи.

11. Генерал-от-инфантерии. Этот чин передается словами гинарал атанфантар (л. 114б) — более точно, чем у ал-Карахи (йанарал артинфаттир).

Абдаррахман старается точно передать личные имена: Никола́й, Миха́йл, Мари́я, Бугу́слауски (Богуславский), Ру́нуски (Руновский), Кунста́ни Никола́ич, Арбили́янүф (Орбеллиани). Своеобразно написано имя Петр — Фийүтр (л. 89а), Петр Великий (Фийүтр ал-кабир).

В Калуге Абдаррахман узнал много новых терминов, которые он старается воспроизвести (л. 72б и др.): дууарански сабра́ни (дворянское собрание), дууаранни (дворянин), мужик (мужик), мишанин (мещанин), гараф (граф).

Местные, дагестанские термины и звания, встречающиеся в тексте: раис (глава), хаким (правитель), сафир (посол), амин (смотритель), эмир (правитель), сардар (наместник), катиб (секретарь), ахл ал-маджлис (члены совета), микфал (ружье).

Географические названия, как дагестанские, так и русские, встречаются в тексте нередко. Русские названия написаны с огласовкой. Чаще всего встречается слово Петербург в форме Фитирбург. Это слово впоследствии передается без огласовки. Более или менее точно переданы названия городов:

كَالُوْكَ	Калуга (л. 546 и др.)
خَرْكُوْف	Харьков (л. 54а и др.)
وَرَشَقُوْ	Варшава (л. 76а),
مَسْكُوْ	Москва (л.76а)
پِيْتَرْكُوْف	Петергоф (л. 89а)
تَرْسْكِي سِيْلُ	Царское село (л. 85а)
چُوْكَيْف	Чугуево

Названия дагестанских и чеченских населенных пунктов переданы традиционно, так, как почти у всех дагестанских авторов:

غازِيْ غَمُوْق	Гази Гумук (Казикумух, л. 2а)
الْكَرَاوِي	Гимринский (л. 2а)
تَمِيْرْخَانْ شُوْرَه	Темир-Хан-Шура (л. 536)
دَاغِسْتَان	Дагестан (л. 1а и др.)
الْكَرَاتِي	Каратинский (л. 536)
الْجِيْرْكَاوِي	Чиркеевский (л.536)

القيدس	Кибудинский (л. 16)
قرية أرغنه	селение Аргуна (л. 96а)
قلعة زطنخ	крепость Цатанух (л. 96а)
قلعة زرن	крепость Зирани (л. 96б)
قرية كَرطه	селение Карата (л. 96б)
في قلعتي عرب و يُونغ	...в крепостях 'Ириб и Чох.

Во «Введении» к «Хронике Мухаммеда Тахира ал-Карахи» А. М. Барабанов отметил интересное обстоятельство, наблюдавшееся в Дагестане при употреблении арабского языка: «...народы Дагестана, пользуясь при письме арабским языком, неизбежно должны были ощущать трудности не только в области передачи фонетических особенностей своих языков, а также и в области морфологии и синтаксиса. Возникла вполне закономерная потребность в дополнительных к арабской грамматике средствах передачи звуков и мысли. Особенно острая потребность в дополнительных средствах фонетической передачи ощущалась при написании местных географических названий и собственных имен. Кроме того, арабская лексика постепенно пополнялась новыми словами и терминами, заимствованными из других языков, в частности из аварского и русского»⁹.

При написании дагестанских, русских и других названий Абдаррахман прибегает к различным литерам, взятым из так называемой аджамской системы письма. Наиболее часто употребляются знаки для обозначения букв «н» и «ч», отсутствующих в арабском языке. Например:

بادشاه	падишах
ایمپراطور	император
الچرکاو	Чиркеевский
چکیف	Чугуево
چوخ	Чох
الچونی	Чохский

В статье «Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа» М. А. Барабанов установил паличье в арабских текстах своеобразных значков, расположенных под и над строчками в неравномерном количестве. Эти пояснительные значки относятся не к отдельным буквам и словам, а к группам слов, и указывают связи подлежащего со сказуемым, имени с его местоименным суффиксом и указательным местоимением, глагола с предлогом». ¹⁰

А. М. Барабанов распределил эти значки по их функциям на четыре группы. Абдаррахман также употребляет пояснительные значки, и все они, в основном, относятся к первой группе по классификации А. М. Барабанова. Примеры употребления значков:

انّ ذلك الرجل المنصوب عنده وهو
الكفطان افلون رُونوٲسكى... سمعتُ
وَقَدْ وُثِنَ فِي قَصْرِ الْبَادشَاهِ بَيْنَ
ذَهَبِنَا اِلَى بِلْدَةِ فِتْرُبُرْغِ يَقُولُ لَمْ
الْبَادشَاهِ...

«Этот человек, назначенный при нем (то есть при Шамиле) — капитан Афлун Руновский..., и я слышал — а он и мы во дворце императора — что, когда мы отъехали в город Петербург, ему сказал император...»

В этом предложении слова «Руновский», «он», «ему» отдалены друг от друга, но отмечены специальным значком, тем самым подчеркивается, что и личное местоимение «он», и притяжательное местоимение «ему» относятся к имени Руновский.

Другой значок устанавливает связь имени и глагола:

فلكونيك بغسلا وسيلي الذي يحاور و يترجم
بلسان العرب و الفرس و الانكليز و الافرنج
و الترك و سائر اللسن و كان ح اتوتانا
لديجرت غنارال معين وزير الپادشاه الذي
و لى على امور عمار الدولة الروسية كافة
و كان رجلا له من العقل و الطرافة و الامانة
القدح المعلى و من ثم جعلوه ترجمانا...

«Богуславский говорит на арабском, персидском, турецком, английском, французском и других языках и переводит с них. Тогда он был адъютантом у дежурного генерала, помощника того царского министра, который управлял всеми военными делами русского государства. Богуславский был таким человеком, у которого ума, проницательности и верности — полная через край чаша. Впоследствии его (неоднократно) назначали переводчиком...»¹¹.

В этом предложении оба глагола *кана*, отмеченные специальным знаком, относятся к имени полковника Богуславского, стоящему далеко от глаголов. Также в слове *джа'алу* глагол *джа'алу* («назначили») имеет непосредственное отношение к имени Богуславского, так как слитное местоимение отмечено этим же знаком.

Иногда пояснительные значки относятся к словам, кото-

рые отделены друг от друга значительным по объему текстом, и тогда только пояснительный значок дает возможность понять смысл текста:

فقال اهل مجليته لو ارسلت الى السردار
رجالا منا معتبرين لاختبار حال السردار
يكون حسنا فاتفقوا كلهم على ارسال
اثنين من خيار اصحاب الامام يونس
الچركاوى رفقيره الى الروس في اخل كح مع
ولده جمال الدين و النائب دبير ابن انكج
الاوارى ويحسن في مثل تلك الواقعة
ما انشده بعض الشعراء ... فانطلقا اليه

Здесь к слову «сардар» относится слово «плайхи», отделенное от первого шестью строками текста.

К одному и тому же имени, повторенному несколько раз, могут быть применены различные значки, если слитное местоимение также повторено неоднократно (текст см. на сл. стр.). В этом тексте слово имам встречается два раза, но отмечено различными значками. Соответственно этому местоимение «хува», находящееся в слитном состоянии, в первом случае сопровождается одним значком, а во втором — другим.

Характеризуя арабскую литературу на Кавказе, И. Ю. Крачковский писал: «...эта местная, провинциальная арабская литература на Северном Кавказе приобрела общее и широкое значение — не только исторического источника, не только литературоведческого материала, но и живого человеческого документа, настоятельно требующего к себе внимания современности. Изучение ее — первоочередной долг русских и вообще ученых разных национальностей нашего Союза».¹²

بعد ما وُضِلَ الامام الى غناب وَجَدَ الشَّابَّ
 الفطن مرتضى العركي وهو الذي كان رَأيَسًا
 لمهاجري الامام واصحابه في دَرْغِه وقد صاحِبُهُ
 في اَجَلٍ كُفَّ كان بهِ الوَقْعَةُ العُظْمَى بينه
 وبين كِرابِّ غنارال وبيهِ دفع ابنه
 جمال الدين في ايدي الرُّوس امانةً الى ان
 رجع آخرا اليه مبدلاً بعيالٍ جُويواز كنان

Среди памятников арабоязычной дагестанской литературы сочинение Абдаррахмана занимает особое место. Оно дает обстоятельный материал, связанный с жизнью Шамиля, особенно после его пленения в 1859 г. Абдаррахман был ближайшим соратником и родственником Шамиля и лучше, чем кто-либо другой, знал обстоятельства его жизни в Калуге. Немалый интерес представляет также описание отдельных сторон жизни и быта в России.

Хроника занимает особое место еще и потому, что она написана человеком, который «значительно руссифицировался во время долголетнего пребывания в Калуге» (И. Ю. Крачковский). В этом отношении «Хуласат ат-тафсил» близок к другому сочинению, «хронике» Гаджи Али¹⁵. Кстати, Мухаммад Тахир ал-Карахи, автор исторического труда, отличающегося от сочинения Абдаррахмана по своей направленности, включил в свою рукопись часть записей Абдаррахмана — это показывает, что «Хуласат ат-тафсил» хорошо знали в Дагестане.

Как указывал И. Ю. Крачковский, сочинение Абдаррахмана по своей литературной родословной «...принадлежит к типичным образцам поздней «арабской» литературы, показывая всю ее устойчивость не только в языке»¹⁴. При изучении подобного рода сочинений представляется возможность проследить развитие жанра исторического повествования, процесс становления его различных форм.

Исторические сочинения Абдаррахмана, Гаджи Али, Мухаммада Тахира ал-Карахи и ряд других выделяют именно XIX век как особый этап в развитии дагестанской литературы на арабском языке, когда на смену отдельным хронографам, историческим записям, историческим текстам небольшого объема пришли крупные исторические сочинения, освещающие наиболее важные проблемы эпохи.

Около 40 лет назад был поставлен вопрос об издании серии памятников арабской письменности на Кавказе и включении в эту серию сочинения Абдаррахмана. «Нужно положить начало опубликованию этих памятников, и записки Абдаррахмана имеют право на одно из первых мест в этой серии».¹⁵ Эту задачу, поставленную академиком И. Ю. Крачковским, еще предстоит осуществить.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крачковский И. Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле.— В кн.: Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1960, т. 6, с. 560.

² История Дагестана. М., 1968, т. 2; Гаджиев В. Г. Движение горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1965; Он же. К вопросу об освобождении феодально-зависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы горских народов Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в. — Ученые записки института ист., яз. и лит-ры Дагфиллиала АН СССР (далее: ИИЯЛ). Махачкала, 1959, т. 5; Он же. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

³ Здесь речь идет о двух сочинениях Абдаррахмана. Его «Воспоминания» (автограф) хранятся в Рукописном фонде ИИЯЛ. Об этом сочинении и его авторе см.: Гаджиев В. Г. Абдурахман и его воспоминания.— В кн.: Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976, с. 126—162. Имеется перевод «Воспоминаний», осуществленный М.-С. Саидовым /Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1923. Наша же статья посвящена другому сочинению Абдаррахмана «Хуласат ат-тафсил»; «Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи». /Пер. с арабс. А. М. Барабанова. М.; Л., 1941; Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. /Пер. с арабс. — В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873, вып. 7.

⁴ Крачковский И. Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле.

⁵ Каталог арабских рукописей. Вып. III. История. /Сост. А. И. Михайлова. М., 1965, с. 143—145.

⁶ Крачковский И. Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле, с. 560—561.

⁷ Там же, с. 567—568.

⁸ Крачковский И. Ю. Новые рукописи истории Шамиля.— В кн.: Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1960, т. 6, с. 600.

⁹ «Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи»: Арабский текст, подготовленный А. М. Барабановым. М.; Л., 1946, с. 19.

¹⁰ Барбанов А. М. Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа. — Советское востоковедение, 1945, т. 3, с. 183—184.

¹¹ Перевод А. М. Барбанова взят нами из «Хроники Мухаммеда Тахира ал-Карахи».

¹² Крачковский И. Ю. Арабская письменность на Кавказе, с. 622.

¹³ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле.

¹⁴ Крачковский И. Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле, с. 567.

¹⁵ Там же, с. 570.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

«АЛ-ХИКАЙА АЛ-МАДИЙА» — ПАМЯТНИК ДАГЕСТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Нельзя представить себе полной картины изучения истории средневекового Дагестана без уяснения значительного вклада Али Каяева — ученого, краеведа, неутомимого собирателя исторических материалов. Его работа «Ал-хикайа ал-мадийа» «История прошлого» — краткий очерк истории Дагестана VII—XIX вв. на лакском языке. Изданная в 1910 году в типографии М.-М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре¹, она находится в отношении источниковой базы и методологии в том же ряду, что и «Асари Дагестан» Гасана Алкадари. Но её особая ценность в том, что эта первая печатная книга на одном из дагестанских языков, в которой в легкой, доступной форме излагались основные события истории Дагестана.

Историческому повествованию автор предваряет нечто вроде введения, в котором он пытается дать определение истории и подчеркнуть значение её изучения для просвещения народа: «История — это наука, рассказывающая о жизни людей прошлого. Знание её обогащает ум, пробуждает людей ото сна и разъясняет им, кто они и откуда»². Ссылаясь на пример современных ему просвещенных государств, А. А. Каяев подчеркивает, что преподавание детям истории как отечественной, так и всемирной, является важным компонентом их воспитания.

Автор сетует одновременно на то, что естественный для каждого народа интерес к природе и прошлой жизни удовлетворяется в Дагестане массой не имеющих основы небылиц. Разоблачение их он рассматривает как одну из задач своей книги, поэтому около трети её посвящено опровержению нелепых вымыслов (о таинственных явлениях и превращениях, о чудесах в жизни пророка и т. д.), с помощью которых реакционное духовенство влияло на умы людей. В рамках данной статьи нет, однако, возможности подробно говорить о них, ибо объектом её является та часть «Ал-хикайа ал-мадийа», в которой речь идет о подлинной истории Дагестана.

Следует прежде всего отметить, что А. А. Каяев нахо-

дился в плену упрощенного взгляда на историю и её задачи. Круг интересующих его вопросов ограничен. Он пишет лишь о событиях политической жизни — войнах, победах и поражениях, дипломатической деятельности, смене правителей и борьбе их за власть. Все, что выходит за эти рамки — экономика, жизнь трудящихся масс и прочие важные стороны исторического процесса, остается либо в стороне, либо о них упоминается вскользь.

Повествование об истории Дагестана А. А. Каяев начинает со времени появления здесь арабов. Он не называет источники, которыми пользовался, хотя и говорит, что разные авторы называют разных халифов, при которых начались арабские походы на Дагестан. Но, при сопоставлении с работой Г. Алкадари становится очевидной идентичность источниковой базы каяевской книги с «Асари Дагестан». Однако в книге А. А. Каяева имеются значительные выкладки из истории халифата и его взаимоотношений с франкским государством Каролингов.

Высказывая, вслед за Г. Алкадари, догадки относительно широко распространенной в Дагестане версии о внедрении здесь ислама Абу Муслимом, А. А. Каяев выражает сомнения в том, что приписываемая Абу Муслиму могила в Хуизахе действительно его. Во-первых, пишет он, «согласно источникам, Маслама (допускается, что под Абу Муслимом подразумевается именно он—М. М.) завоевавший Дагестан, вернулся в Сирию и умер там. И, во-вторых, на халате и ножнах меча Абу Муслима, хранящихся в Хуизахе, имеются строки, прославляющие халифа Али, что совершенно невероятно, ибо для Омейядов, пославших войска в Дагестан, не было личности, более ненавистой чем, Али»³ А. А. Каяев напоминает, в этой связи, что, начиная с Муавии и до Омара II (с. 661 по 717 гг.) с минбаров всех мечетей государства каждую пятницу официально проклинался Али. Поэтому, родной брат омейядского халифа Хишама, Маслама (если даже признать за ним широко распространенное у арабов второе имя Абу ..., — Отец (такого-то), а в данном случае — Абу Муслим) никак не мог быть владельцем атрибутов, с прославляющими своего лютого врага надписями.⁴

Опровергая вариант об Абу Муслиме, автор тем не менее излагает связанные именно с ним версии, о якобы «добровольном» принятии ислама лакцами, об их последующей активной борьбе за его распространение среди соседей и о присвоении им за это почетного прозвища газиев — «воителей за ислам». Данный вопрос критически изучен и получил соответствующее научное освещение в советской историографии⁵, и на нем здесь останавливаться надобности нет. Вместе с тем, в «Ал хикайа ал-мадийа» имеются два

положения, на которые, как нам представляется, историкам нужно обратить внимание с целью дальнейших изысканий.

Первое, А. А. Каяев пишет о подчинении Кумуха до появления здесь арабов хунзахскому правителю. Это, конечно, может быть свидетельством его знакомства с трудом арабского автора X в. Ибн-Руста (согласно которому власть княжества Сарир, столицей которого был Хунзах простиралась на Гумик)⁶. Но в то же время, А. А. Каяев пишет о Хунзахе, о *Яртта ар* — «Аварской поляне», находящейся недалеко от Кумуха, связывая это с тем периодом. Деталей этих у Ибн-Русты не имеется.

И второе сообщение — о пребывании Абу Муслима до его «приглашения» к лакцам, в сел. Рича. Не связано ли это как-то (независимо от мифического или реального Абу Муслима) с известным по арабским надписям названием Рича — *Баб ал-кист*⁷ «Врата справедливости» и его специфической ролью при исламизации внутреннего Дагестана?

А. А. Каяев часто отвлекается от исторической канвы для назидательных, с его точки зрения, обращений к читателю. В частности, он с большой горечью пишет о таких распространяющихся в некоторых слоях народа пороках, как пьянство, стяжательство, корыстолюбие, разобщенность, эгоизм и т. п. которые, как догадывается сегодняшней читатель, были наверняка связаны с проникновением в горы элементов капиталистических отношений и морали. Он глубоко осуждает там же всевозможных шейхствующих ханжей, торгашей, недоучек, людей, «готовых за рубль пользы для себя нанести обществу ущерб на сто рублей».⁸

В вопросе о деятельности арабов в Дагестане, назначении правителей, строительстве мечетей, конкретных лицах, игравших здесь определенную роль, повествование А. А. Каяева в целом соответствует тому, что содержится в «Асари Дагестан».

Описания драматических событий в Закавказье и Дагестане в период становления сефевидского Ирана и османо-иранского военного соперничества за обладание этим краем в «Ал хикайа ал-маднийя» также заимствованы у предшественника. Лишь в иных местах, по отдельным вопросам А. А. Каяев высказывает собственные взгляды. Например, отмечая, что шах Аббас способствовал усилению враждебных отношений между шиитами и суннитами, автор пишет, что «цари и шахи думали о вере, мусульманстве лишь в интересах укрепления своей власти. Простой люд не мог знать, что правители привлекали на свою сторону и алимов»⁹.

Листая страницы книги А. А. Каяева следует, видимо, отметить одну ошибку, к которой он прямо не причастен, ибо делит её со своими предшественниками, так же как, впрочем, и современная советская историография. Речь идет

о приписывании Чупан-шамхалу отцовства по отношению целого ряда лиц начала XVII века, а именно: Андия, Ил-дара, Гирая, Султан-мута — участников драматических событий того времени.

Между тем изыскания советских ученых ясно показывают, что по крайней мере двое из этих лиц являлись сыновьями Сурхай-шамхала, умершего в 1571—72 г.¹⁰ Впрочем, и у самого А. Бакиханова родоначальника вышеназванной точки зрения, мы встречаем сообщение о том, что шах Аббас II «поддержал и подкрепил эмира кумыхского Сурхай-мирзу, сына Эльдар-хана сына Сурхай-шамхала, назначил его шамхалом, признанным в этом звании и русским царем Михаилом Федоровичем»¹².

Остается не до конца выясненным место самого Чупан-шамхала в этой плеяде родственников. Он, как кажется, мог оказаться еще одним, старшим, сыном того же плодovitого «старого» Сурхай-шамхала. Кстати, в работе Т. М. Айтберова дается совершенно иная (1608—9), чем у Бакиханова (1574) и у Алкадари (1577), дата его смерти, последняя принята и в советской историографии.

Теперь можно перейти к той части книги А. А. Каяева, в которой мы вправе ждать от него несколько более подробной, чем у предшественников информации, а именно к тем страницам, где говорится об истории, связанной с Казикумухским ханством XVII—XIX вв.

Нужно отметить, что буквально первые же строки книги оставляют острое чувство неудовлетворенности состоянием изученности ряда вопросов истории народа. Имея в виду XVII столетие, А. А. Каяев пишет, что «в те времена в Кумухе ханов не было. Из числа симиров выбирался правитель куклавчи, который в присутствии ката (джамаата — М. М.), с помощью выборных старшин вершил суд»¹³. В «Ал-хикайа ал-маднийя» не сказано, однако, сколько времени продолжалась такая форма правления, кто из правителей Казикумуха был в должности куклавчи. Даже известный Чолак-Сурхай, который в современных исторических трудах упоминается и под этим титулом, у А. А. Каяева назван «первым ханом, которого поставил народ, рассорившийся с куклавчи и, которому он отдал свои права»¹⁴. Г. Алкадари более определенно называет время правления халклавчиев (у него так — М. М.) — с 1639 г. (года смерти Сурхай-мирзы, первого шамхала, окончательно покинувшего Кумух) до первых лет правления Чолак-Сурхая»¹⁵.

Загадок много. Если все правители Казикумуха с 1639 года назывались куклавчи, то почему ни в одном достоверном историческом источнике ни один из них с этим титулом не упоминается? Мало того, сам же А. А. Каяев в собранных «Материалах по истории лаков», хранящихся в Рукописном

фонде Института истории, языка и литературы Дагфиллиала АН СССР (далее: ИИЯЛ), приводит четверостишие, в котором Али-бек, дед Чолак-Сурхая, назван ханом Али-беком. Другой правитель Казикумуха конца XVI века, имя которого зафиксировано на эпиграфическом памятнике, назван «хан Уцуми»¹⁶; попутно нужно, видимо, обратить внимание и на то, что титул хан тогда писался перед именем собственным.

И еще. Совершенно не ясна этимология самого термина *куклавчи*. Специалисты, как нам кажется, пошли по наиболее легкому пути, ухватившись за удобную форму *халклавчи*, предложенную редакцией «Сборника сведений о кавказских горцах» и поддержанную Г. Алкадари. Они считают, что термин создан из двух лакских слов: *халк* и *лавай*. При этом не было учтено, что получается в общем-то необычное для языка сочетание — *халклавайчи*.

События последующих лет А. А. Каяев излагает идентично Г. Алкадари. Лишь в драму антинадировской борьбы дополнительно введен герой эпической песни — сын Сурхай-хана Муртазали, и факт поражения шаха в Андалале изложен чуть подробнее.

Во всех смутах XVIII века фигурируют одни лишь ханы, хотя их коварству, вероломству и злодеяниям автор дает вполне заслуженную оценку. Вместе с тем А. А. Каяев подчеркивает большую роль, которую сыграла Россия в прекращении междоусобиц, имевших место в политической жизни края того периода.

Судя по некоторым данным, после нашествия Надир-шаха в Казикумухском ханском доме произошел какой-то разлад. А. А. Каяев, вслед за Г. Алкадари сообщает, что Сурхай-хан отстранился от власти и до самой смерти проживал в сел. Катрухе. Хотя старость и усталость последнего сбрасывать со счетов нельзя, все же ряд моментов вызывает сомнение в добровольности его поступка. Во-первых, сразу после ухода Надира загадочно умирает герой войны Муртазали, официальную версию смерти которого — гангрена руки от чрезмерной работы саблей — считать серьезной нельзя. Во-вторых, сын Муртазали Илдарбек бежит к Фата-Али-хану Кубинскому, сражается против собственного дяди Мухаммад-хана и гибнет от рук своих же соплеменников. И, в третьих, Сурхай-хана и Муртазали похоронили не на шамхальском кладбище, а отдельно, во дворе мечети. Мухаммад-хан же со своими потомками похоронены на новом уже «ханском» кладбище. Не говорит ли все это о какой-то, не зафиксированной в текстах, драме в этой семье. Тем более, что в среде представителей правящих домов кровавые развязки в борьбе за власть были обычным явлением.

Отрицательно, вслед за Г. Алкадари, относится

А. А. Каяев к личности и движению шейха Мансура. Последний назван агентом, присланным из Турции, для привлечения дагестанцев к войне против России¹⁷. В данной связи отметим, что советскими историографами установлено, что шейх Мансур, иначе Ушурма, был уроженцем Чечни, хотя его движением в своих корыстных интересах и пользовалась Турция¹⁸. Одновременно в работе приводится выдержка из письма Умма-хана Аварского, в котором последний в деликатной форме, но категорически отказывается присоединиться к Мансуру¹⁹. В книге же Н. А. Смирнова, правда без ссылки на источник, говорится о письме Умма-хана к Мансуру, в котором тот якобы выражал готовность выступить в Чечню²⁰.

В «Ал-хикайа ал-мадийа» приведен известный факт об участии отряда лакцев во главе с сыном Сурхая II Халид-беком в 1803 г. в разгроме джаро-белоканскими аварцами войск генерала Тулякова. При этом автор цитирует бытовавшее в народе четверостишие, связанное с этим событием: «Разверни же, Халид, златоверхий байрак, на тебя ведь смотрят лакские бойцы»²¹.

Вообще А. А. Каяев каждый более или менее примечательный факт из истории, нашедший отражение в устном народном творчестве, сопровождает соответствующими выдержками. Например, отношение к постоянным бесплодным походам Сурхай-хана II в Кубу, Шеки и Ширван, автор выразил народным четверостишием, в котором сетует, что эти походы отняли у молодежи последние силы.

Из повествования об обороне Курахской крепости от войск генерала Хатунцева 15 декабря 1811 г. мы узнаем, что ханское войско формировалось по территориально-общинному принципу. «Бой в Курахе, — пишет А. А. Каяев, — дало в основном Маччайское войско»²². И в данном случае приводится один из вариантов народной песни о героической гибели защитников крепости во главе с Чупаном Хайхиским, сыном его Чавтарой и Акаем Вираттинским.

В книге приведен еще один довольно интересный факт: «имеется, — говорит автор, — написанный в 1813 году Суигур-кади документ, который гласит, что хан и народ договорились взыскивать *дият* за убийство в размере 25 туманов, а в виде штрафа резать быка за обнажение кинжала, покупку водки, виноградного вина и ростовщичество»²³. Тут обращают на себя внимание два любопытных обстоятельства. Первое, решение принимают хан и народ, а не хан единолично или хотя бы со своим близким окружением. (Значит, не так уж безгранична была его власть, как можно предположить при той кажущейся легкости, с которой он бросает измученный народ на чуждые его интересам военные авантюры). И, второе, установленный вышеуказанным доку-

ментом размер *дията*, оказывается, сохранился до начала XX века и имел ощутимые отрицательные последствия. «Сколько может такое продолжаться? — жалуется А. А. Каяев. Тогдашние 25 туманов стоили больше, чем нынешние 1000 рублей, это несомненно, ныне же есть мастера, которые своим ученикам в год платят 30 туманов. Не удивительно ли, когда, убив здорового мужчину, можно обойтись всего лишь 25 туманами? Надо бы всем влиятельным лакцам призадуматься и изменить такое положение дел. А то и русская администрация никаких строгих мер к убийцам не принимает. Высылку за кровь и даже ссылку в Сибирь лакец не ставит ни во что»²⁴. Одновременно автор осуждает и ставшие чрезмерными расходы при жешитьбе, которые чрезвычайно осложняют положение бедных людей.

В книге подробно рассказывается о походе войск генерала Мадатова в 1820 году в Кумух, бегстве Сурхай-хана II с семьей в Согратль и назначении на его место Аслан-хана. Вообще, трагическая фигура Сурхай-хана II, чьи непомерные политические амбиции резко контрастировали с силами, а главное, интересами его маленького народа, занимает в работе А. А. Каяева довольно много места. Пронесившись всю долгую свою жизнь по Дагестану и различным районам Закавказья, влезая из одной военной авантюры в другую, Сурхай-хан кончил тем, что, прожив в Иране пять лет в надежде на помощь бессильных Каджаров, умер в 1826 году в Согратле. Причем, как оказывается, смерть застала этого неугомонного старца в момент приготовления к поездке с той же целью в Турцию.

Как видно, до конца жизни Сурхай-хан II так и не понял, что причина его неудач кроется не только в огромной военной мощи России. Не поняли это и его потомки, эмигрировавшие в Турцию. А. А. Каяев передает выражение одного из внуков Сурхай-хана II, который, удивленный размахом антицарской борьбы горцев в период Шамилля, якобы воскликнул: «Что же стало с Дагестаном? Ведь мы, держа в одной руке шашку, а в другой горсти золота, не могли поднять его людей на такую войну!»²⁵ Откуда было понять потомку незадачливого хана, что для народа интересы его собственной свободы и непомерные аппетиты правителей, далеко не одно и то же.

Представляет интерес и версия в книге «А. А. Каяева о зловещей роли Аслан-хана в истреблении Хамзат-беком аварских ханов. Якобы оскорбленный отказом ханши Бахубике отдать за его сына дочь, Аслан-хан подговорил Хамзата на такой шаг. Это вполне вероятно, если принять во внимание характер их отношений. Во всяком случае, известен факт, когда на заре своей деятельности Хамзат-бек, арестованный генералом Стрекаловым в Закаталах и отправ-

ленный в Тифлис, вследствие содействия Аслан-хапа был отпущен на свободу»²⁶.

В заключительной части «Ал-хикайа ал-маднийя» дается краткое описание движения мюридизма. В целом сообщаются хорошо известные историкам факты. Можно здесь просто отметить лишь случай спасения неким кумухцем из рода Цахаровых жизни главнокомандующего, князя Воронцова во время неудачной экспедиции в Чечню в 1845 г. Как пишет А. А. Каяев; «в знак благодарности князь Воронцов усыновил своего спасителя и воздал ему большие почести в Тифлисе»²⁷.

Буквально один абзац посвятил А. А. Каяев восстанию 1877 г., о котором говорится как о результате неразумных действий и пренебрежения советами сведущих людей, что привело к тяжелым для народа последствиям. О причинах восстания и его ходе ничего не сказано.

Подводя итоги, нужно отметить, что книга А. А. Каяева «Ал-хикайа ал-маднийя» не представляет собой научного исследования. Цель её — популярное, рассчитанное на рядового читателя изложение событий прошлого, ибо автор убежден в необходимости и полезности для народа знаний о своем историческом прошлом. Пересказывая события и факты, он пытается помочь читателю извлечь из них уроки, хотя сводит их в основном к поучениям морального характера.

Для А. А. Каяева это был первый опыт обращения к историческому труду, но на этом останавливаться он не собирался. Об этом говорит, во-первых, он сам в книге и, во-вторых, собранный им и хранящийся в Рукописном фонде ИИЯЛ большой и ценный материал по истории лаков в Дагестане. Судя по этим материалам А. А. Каяев уже вел поиски определенных факторов, влияющих на развитие исторических событий.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Али сын Абдулхамида. Ал-хикайа ал-маднийя би-лисан. Темир-Хан-Шура, 1328/1910.

² Там же, с. 2.

³ Там же, с. 38.

⁴ Там же, с. 38—39.

⁵ Саидов М.-С. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане.— Уч. записки ИИЯЛ. Махачкала, 1957, т. 2, с. 42—513; Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969.

⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 218—219.

⁷ Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 179.

- 8 *Каяев А.* Указ. соч., с. 40.
- 9 Там же, с. 61.
- 10 *Айтберов Т. М.* Родословная Сурхая б. Гарая Казикумухского как источник по истории Дагестана XV—XVIII вв.— В кн.: Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984, с. 9.
- 11 *Шихсаидов А. Р.* Эпиграфические памятники Дагестана, М., 1984, с. 305.
- 11 *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, с. 46.
- 12 *Бакиханов А.-К.-А.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, с. 99.
- 13 *Каяев А.* Указ. соч., с. 61—62.
- 14 Там же, с. 62.
- 15 *Алкадари Гасан Эфенди.* Асари Дагестан.— В кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Махачкала, 1929, вып. 46, с. 62—63.
- 16 *Шихсаидов А. Р.* Эпиграфические памятники Дагестана, с. 287—288; *Айтберов Т. М.* Указ. соч., с. 9.
- 17 *Каяев А.* Указ. соч., с. 92.
- 18 *Смирнов Н. А.* Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, с. 153.
- 19 *Каяев А.* Указ. соч., с. 93.
- 20 *Смирнов Н. А.* Указ. соч., с. 139.
- 21 *Каяев А.* Указ. соч., с. 93—94.
- 22 Там же, с. 98; *Маччайми* — общество из группы сел к востоку от Кумуха.
- 23 Там же, с. 100.
- 24 Там же, с. 100—101.
- 35 Там же, с. 106.
- 26 *Бушуев С. К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля, М., 1939, с. 79.
- 27 *Каяев А.* Указ. соч., с. 110.

ИЗ ИСТОРИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПЕЧАТНОЙ КНИГИ В ДАГЕСТАНЕ (конец XIX — начало XX вв.)

В дагестанской исторической и филологической литературе долгое время продолжались споры относительно времени появления письменности и первой печатной книги на местных языках. По ошибочному мнению отдельных авторов письменность у народов Дагестана и книги на родных языках появились только при Советской власти. Зарождение и пути становления печати на языках народов Дагестана освещены в работах Дж. Коркмасова, Г. Г. Гамзатова, Г. Ш. Каймаразова, М.-С. Сандова, А. А. Исаева, Д. Н. Ахмедова, М. Д. Бутаева, А. А. Алихановой, С.-М. Х. Акбиева и др.¹

До революции аварцы, даргинцы, лезгины, кумыки и лакцы пользовались письменностью, основанной на арабской графике и приспособленной к фонетическим особенностям местных языков. Во многом несовершенная, эта письменность тем не менее являлась средством общения для известных слоев населения. Благодаря ей было создано значительное культурное наследие, представлявшее собой совокупность литературных памятников, периодики, официальной и частной переписки. Однако подлинное совершенствование письменности на научной демократической основе, а также распространение её среди всего населения Дагестана стало возможным только после Великой Октябрьской социалистической революции².

Появление книгопечатания составляет важнейшую веху в мировой истории, в развитии духовной культуры человечества. В 1983 г. Институт истории, языка и литературы создал справочник «Печать Дагестана»³, который содержит сведения по истории книгоиздательского дела, письменности* и печати народов Дагестана. И предлагаемая статья

* Своеобразной формой записи у животноводческих народов Дагестана были знаки на ярлыгах, т. е. на чабанских палках (*иргъакъ тлякъ*). Вопрос об этой форме письма ждет своего исследователя. * Чабанские записи — это крестики и знаки, служившие своеобразными буквами и числами. Они отражали не только численность, но и состав стада. По этим знакам определяли количество овец, коз, маток, производителей, ягнят и др.

посвящена этой актуальной теме, имеющей важное значение для изучения прогрессивных последствий вхождения Дагестана в состав России. В ней имеются отдельные сведения о первопечатниках в Дагестане. Статья является некоторым дополнением к тому, что было опубликовано до сих пор о печатании и распространении книг в дореволюционном Дагестане.

До вхождения в состав России в Дагестане пользовались бумагой местного кустарного производства. Технология производства была сложной, долгой, поэтому бумага стоила очень дорого. Специально сеяли лен, чтобы из стебля делать порошок, который смешивали с пшеничной мукой и варили. Затем эта масса высыхала на гладкой доске под большим давлением, в результате получались листы. Эти листы затем сушили и гладили камнем или гладкой палочкой. По воспоминаниям М. Нурмагомедова в селении Игали до сих пор хранятся доски для производства бумаги. Книги, изданные на бумаге местного производства, хранятся в рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР.

Почти до конца XIX столетия потребность народов Дагестана в литературе удовлетворялась, главным образом, рукописями местного происхождения, а также поступавшими извне. Существовало немалое количество профессиональных переписчиков. Книги, в основном религиозного содержания, которые проникли в Дагестан из восточных стран, стоили очень дорого.

С присоединением к России связано появление в Дагестане типографий, книжных магазинов, читален, библиотек. Они сыграли важную роль в распространении передовой культуры русского народа среди народов Дагестана. В 1871 г. литографии имели 21-я пехотная дивизия, 81-й Апшеронский пехотный полк в Темир-Хан-Шуре, 82-й пехотный полк в Чирюрте, 83-й Самурский полк в Дешлагаре.

В 1873 г. в Дербенте открыл типографию Белявский. В 1876 г. разрешили открыть типографию чиновнику А. Н. Михайлову в Порт-Петровске, а в 1883 г. в Темир-Хан-Шуре. В типографиях Михайлова наряду с бланками и канцелярскими ведомостями для военного губернатора области, печатались и книги. В 1883 г. в Темир-Хан-Шуре появилась и типография мещанина В. Сорокина, в 1893 г. там же — еще одна, где печатались учебники министерства народного просвещения. С 1865 г. стала действовать литография Дагестанского конного полка в Хунзахе, затем появились типографии Мельниковой в Дербенте в 1895 г., Шкраба в Порт-Петровске в 1900 г., Зориной в Темир-Хан-Шуре в 1902 г.

Эти типо-литографии сыграли важную роль в распространении культуры русского народа в Дагестане. Они зна-

комили дагестанцев с искусством книгопечатания, изданием газет. Но в этих типографиях издавалась литература на русском языке, а литература из восточных стран распространялась первоначально только в рукописи, в последующем появилась и печатная.

В связи с экономическим и социальным развитием в Дагестане остро ощущается необходимость издания книг на местных языках. «В конце прошлого столетия, — писал профессор Чобан-заде, — среди кумыков появились читающие и пишущие на родном языке. Из них Магомед-Эфенди Османов (живший в Петербурге) в 1883 году издал сборник кумыкских и ногайских песен, объемом 174 страницы. Многие из них написаны М.-Э. Османовым»⁴. Он же написал книгу «Наставление учащимся» в Казани. Сборник кумыкских и ногайских песен, изданный Магомед-Эфенди Османовым в 1883 году в Петербурге является первой печатной книгой на кумыкском и ногайском языках⁵.

Вторым известным распространителем книг в Дагестане был Магомед-Гусейн Асадов (иранец по происхождению), он получал книги из Каира, Стамбула, Тегерана на арабском, турецком, персидском языках и впервые в Дагестане издавал в типографиях Михайлова; имел Асадов в Темир-Хан-Шуре и книжный магазин. О размахе его издательской деятельности свидетельствует обнаруженный нами каталог книг, имевшихся в его магазине.

В издании и распространении в Дагестане книг на местных языках огромную роль сыграли Абусуфьян Акаев (Арсланбсков) и Магомед-Мирза Мавраев.

А. Акаев родился в 1870 г. в И. Казанище Темир-Хан-Шуриинского округа в семье кадия. Учился в сельской духовной школе, у него рано определились большие способности. Как способного муталима Абусуфьяна послали в Уфу. Здесь он окончил медресе-алия — высшее училище, в котором на арабском и татарском языках преподавали религиозные и светские дисциплины. Он стал высокообразованным человеком для своего времени. А. Акаев знал несколько языков: кумыкский, аварский, татарский, русский, арабский, персидский, турецкий. Изучал по арабским книгам естествознание, астрономию, математику, медицину, историю и другие науки. Очень интересовался восточной поэзией, слагал прекрасные стихи на кумыкском, арабском, персидском языках. Абусуфьян занялся изданием книг, считая это важным средством приобщения народов Дагестана к русской и мировой культуре. «Когда я учился в сел. Тарки, — пишет Абусуфьян, — я видел книгу, изданную в Стамбуле. А в Казани я ознакомился с книгой, в которой говорилось о разгроме Надиршаха у сел. Согратль. В Казани я ознакомился также с книгой о творчестве Магомеда Кудутлинского. Когда я

читал эти книги мне стало обидно, что у нас не издаются книги. Я решил издавать книги и в Дагестане»⁶.

Издание книг на языках народов Дагестана связано, в основном, с появлением в Темир-Хан-Шуре типографии Магомеда-Мирзы Мавраева. Чтобы открыть типографию и заняться изданием книг, Акаев с Мавраевым учились в Крыму, в Бахчисарайской типографии Исмаила Гаспринского, где издавалась газета «Тарджуман» («Переводчик»). «Я долго стремился и искал пути, — писал М.-М. Мавраев, чтобы стать книгоиздателем»⁷.

В 1902 г. в Темир-Хан-Шуре М.-М. Мавраев открыл первую областную литографию. Для издательского дела были привлечены более 15 переписчиков, среди которых — Гасан Ибрагимов из Н. Казанища, Гази-Магомед — сын Магомеда-Али из сел. Уриб, Абдуллатип — сын Нурмагомеда из Какитли, Гаджи-Давуд — сын Магомеда из Урари, Исмаил — сын Абакара из Шулани, Асадулла — сын Магома из Амуши, Магомед — сын Абдул-Азиза из Хаджал-махи, Абусуфьян — сын Акая из Н. Казанище, Иса — сын Магомеда-мирзы из Кулла, Муртазаали — сын Магомеда из Шодрода, Молла Панах из Сумбатля, Мухаммад — сын Магомеда из Ашильга и другие.

Мавраев выписывал в большом количестве типографский арабский шрифт и особую плотную желтую бумагу, главным образом из Турции и Казани, имел склады для отпечатанного материала, специальный транспорт для перевозки книг по округам Дагестана и за его пределы.

Но в типографии Мавраева, как об этом свидетельствуют сохранившиеся каталоги, издавались книги не только религиозного и светского содержания, произведения классиков восточной и дагестанской литературы.

В типографии Мавраева было издано много книг на национальных языках на арабском шрифте (т. наз. *аджам*). Кроме этого, Акаев и Мавраев издавали книги для новометодного обучения (*усул ал-джадиду*) в мектебах и медресе. В результате, дети за несколько месяцев осваивали чтение и письмо, в то время как по старым методам для этого требовалось довольно продолжительное время. Книги, изданные в типографии Мавраева, намного облегчили и изучение дагестанцами арабского языка, его сложной грамматики.

Особенно велики заслуги Акаева в издании книг на кумыкском языке. Им были изданы произведения Йырчи Казака, М.-Э. Османова, Н. Батырмурзаева⁸.

Абусуфьян Акаев был и известным ученым, автором многочисленных собственных оригинальных книг. Огромная роль Абусуфьяна Акаева в издании и распространении книг в дореволюционном Дагестане высоко отмечена в статье профессора Азербайджанского государственного университе-

та Б. Чобан-заде «Кумыкский язык и литература». «В начале нашего столетия, — писал Чобан-заде, — в Темир-Хан-Шуре началось издание книг в основном литографическим способом. Самым крупным издателем был и поныне здравствует, пользуется огромным авторитетом, Абусуфьян из Нижнего Казанища. Количество изданных и подготовленных к печати книг Абусуфьяна доходит до 37»⁹.

Труды Абусуфьяна охватывают многие стороны жизни кумыкского народа. От «Книги об этике», в которой излагаются нормы поведения, до политического словаря, от словаря «Лестница языков» до перевода «Тахир и Зухра», от «Готовых лекарств» до «Арифметики» — таков диапазон тем Абусуфьяна Акаева.

В связи с изданием книг, в Дагестане появились специалисты — полиграфисты и книгоноши, которые ходили из аула в аул, распространяя литературу среди населения. В распространении книг важную роль сыграли магазин «Книга-почтой». Темир-Хан-Шура в начале XX столетия стала крупным центром распространения книг на Северном Кавказе. Книги, изданные в типографии Мавраева, распространялись в Чечне, Ингушетии, Осетии, Кабарде, Балкарнии, Карачае, Черкесии, Ногайских степях.

С появлением литографий и типографий в Дагестане стали открываться и другие книжные магазины: в Порт-Петровске: А. Михайловым (1876 г.) П. Файнберг (1901), Владиславским (1905 г.); В Дербенте: Исаем Рабиновичем (1899 г.), Мингвинет-Хуцесовым (1901 г.), Векиловым (1901 г.), Мельниковой (1902 г.); в Темир-Хан-Шуре: В. Сорокиным (1803 г.), М. Зоринной (1902 г.). В 1907 году было разрешено открыть магазины по продаже книг, допущенных цензурой, на арабском, татарском и русском языках — в Темир-Хан-Шуре М. М. Мавраеву, учебников и книг на русском, армянском, «татарском», еврейском языках — в Дербенте братьям Азаевым.

С открытием книжных магазинов в Дагестане наряду с арабской литературой стали распространяться книги на русском языке — произведения классиков русской и мировой литературы, научные книги, сыгравшие важную роль в распространении передовой культуры среди народов Дагестана.

Для изучения истории книгоиздательского дела в Дагестане и путей распространения книг большую ценность представляет опубликованный в 1914 году каталог книг, рассылавшийся Мавраевым. «В Темир-Хан-Шуре, — сказано в предисловии к каталогу, — имеются склады с книгами, изданными в нашей типографии и выписанными из Египта, Стамбула, Казани. Желая расширить сеть по распространению просвещения и науки среди населения посредством книжной торговли, обращаемся с просьбой вы-

писывать книги через магазин «Книга-почтой» из наших складов»¹⁰.

Каталог отражает издание 44 книг на аварском языке, в основном это книги религиозного содержания. Среди книг, переведенных с восточных языков на аварский — «Тахир и Зухра», «Анекдоты Молла Насреддина», «Лейла и Меджунун», словари на четырех, пяти, шести и семи языках.

На лакском языке было опубликовано 17 книг. Среди них «Пьянство — причина всех несчастий», «Рассказы о прошлом» Каяева, «Новая астрономия» и др. На кумыкском языке 44 книги, в их числе: «Бар-бар кала», перевод с татарского языка, «Джан Шах» — с турецкого, «Давуд булан Лайла», «Языкь Гьабийбат», «Гьарун булан Зубайда» Нухая Батырмурзаева, стихи Абдурахмана Какашуринского и др.¹¹ На даргинском языке 8 книг. Названы в каталоге 6 книг на чеченском языке.

Каталог содержит список книг Абусуфьяна (32 названия). Среди них: «Готовые лекарства», словарь «Лестница языков», «Арифметика», «Книга об этике», «Сборник стихов» и др.

По неполным данным, к 1914 году на языках народов Дагестана и Северного Кавказа в типографии Мавраева было издано свыше 150 книг.

Каталог отображает наличие в магазине «Книга-почтой» книг, изданных не только в Темир-Хан-Шуре, но и за пределами России — в Стамбуле, Каире, Тегеране. Темирханшуринская «Книга-почтой» в 1914 году предлагала читателям: «Граматику арабского языка», «Географию», «Историю», «Логикку», «Ораторское искусство», «Философию», «Геометрию», «Арифметику», «Медицину» и др. Среди предлагавшихся книг были и такие замечательные произведения классиков персидской поэзии, как «Бустан» Саади, Книга произведений Саади и Мовлеви, «Диван» Хафиза и др.

Нахибашев Ибнугьажар из Чоха, бывший работник типографии Мавраева, в 1913 г. в слободе Хасавюрт открыл типографию. В качестве переписчика пригласил Асадуллу из Гьамуши. Нахибашев издал несколько книг в типографии Михайлова в Порт-Петровске. В 1913 г. он издал на 1914 год первый календарь на кумыкском языке. В календаре опубликована поэма Магомеда Казанбиева из Хамаматюрта¹².

Книги, изданные в дореволюционном Дагестане способствовали приобщению наших народов к достижениям науки и культуры передовых народов мира.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коркмасов Д. Роль и значение печати в Дагестане. Махачкала, 1925; Гамзатов Г. Г. Формирование многонациональной литературной системы

в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978: *Қиймаразов Г. Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М.: Наука, 1971; *Саидов М.-С.* Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке: Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960; *Исаев А. А.* О формировании и развитии письменности народов Дагестана.— Социологический сборник. Махачкала, 1970, вып. 1; *Ахмедов Д. И.* Периодическая печать Дагестана. 1900—1940 гг. Махачкала: Дагкинигоиздат, 1963; *Бутаев М. Д.* Зеркало времени. Махачкала: Дагкинигоиздат, 1964; *Алиханови А. А.* Печать даргинцев до 1930 г. — Дружба (на даргинском языке), 1971, № 2; *Акбиев С.-М. Х.* Зарождение и развитие кумыкской старописьменной художественной книги: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1973.

² Коммунист, 1979, № 5, с. 59.

³ Печать Дагестана (справочник). Махачкала, 1983.

⁴ Известия Восточного факультета Азербайдж. госуниверситета им. В. И. Ленина. Баку, 1926, т. 1, с. 107.

⁵ *Османов М.-Э.* Ногайские и кумыкские тексты. СПб, 1883.

⁶ Сборник аджамских стихов. Темир-Хан-Шура, 1908, с. 5.

⁷ Предисловие к каталогу книг, предназначенных для реализации. Темир-Хан-Шура, 1908.

⁸ Маариф и маданият. Баку, 1925, № 3, с. 19 (на азерб. яз.).

⁹ Там же.

¹⁰ Список изданных книг хранится в личном архиве А. С. Гаджиева.

¹¹ Подсчитано нами на основании издававшихся в типографии Мавраева сообщений о напечатанных книгах.

¹² Календарь. Хасавюрт, 1913 (на кумык. яз.).

О СОСТАВЕ АРАБОЯЗЫЧНОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ В ДАГЕСТАНЕ¹

Изучение структуры рукописей, принципов их строения дает нам возможность наблюдать, какие области науки были затронуты творческими усилиями средневековых авторов как восточных, так и местных дагестанских.

Как известно, рукописи в средневековом Дагестане включали в себя несколько произведений одной и той же тематики. Например, в рукопись по грамматике арабского языка, входило несколько сочинений, чаще восточных авторов-филологов, либо по орфоэпии, либо по морфологии и синтаксису.

Сборные рукописи составлялись также из нескольких произведений по разной тематике, например, по логике и по богословию, астрономии и медицине, по мусульманской юриспруденции, этике, риторике и т. д.

Рассматривая степень грамотности, изучения и распространения восточных языков в Дагестане в XIX веке, академик И. Ю. Крачковский писал: «Ни в одной из неарабских стран местная литература, возникшая на арабском языке, не сохранила в такой мере полной жизненности до второй четверти XIX столетия»².

Для представления о структуре древних рукописей я выбрал одну сборную рукопись, находящуюся в Рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагфилнала АН СССР (ф. 14, № 1661). Она имеет довольно значительный объем и включает в себя более одиннадцати произведений различных авторов — ученых Дагестана и Ближнего Востока, расположенных вперемежку.

Рассматриваемая сборная рукопись содержит, в основном, научные трактаты средневековой логики как восточных, так и местных авторов, филологические трактаты дагестанских авторов.

Первое из этих сочинений по грамматике арабского языка под названием «Рисалат фи ан-нахв» (трактат о синтаксисе), принадлежит ученому из дагестанского селения Салта Юсуфу, имя автора приводится без инициалов. В начале рукописи автор говорит:

وبعد فيقول العبد الفقير الى الله الغفور
يوسف السلطى هذه مقدمة في النحو تسهل
للمبتدئين ضبط قواعد وتعين للمعتبين
في حفظ احكامه الفترها بعون الله تعالى لاعز
تلاميذ في المصليين لله واصدق اخواني المتحابين
في الله حاج اسماعيل المجر كسى نفعه تعالى بها
لسائر المبتدئين امين .

«А затем. Говорит бедный раб, нуждающийся в прощении Юсуф ас-Салти. Этот (трактат) — введение в синтаксис, избавляет начинающих от барахтаний в его методах и помогает поклоняющимся в освоении его правил. Я составил его... для самых лучших моих учеников, добывающих знание, и искренним братьям, как Исмаил Черкеси...».

Из вступления ясно, что у автора учились арабской грамматике люди не только из Дагестана, но и Черкесии, а можно предположить — и представители других народов Северного Кавказа.

Сразу же после этого вступления автор приступает к пояснению грамматики арабского языка. Метод её изложения очень легок и доходчив.

Трактат переписан средним насхом на плотной лощенной бумаге европейского фабричного производства, чёрными чернилами. Текст начинается со страниц 16 и 2а.

Переписчик в конце сочинения пишет:

قد تمت هذه الرسالة الصغيرة المنسوبة الى
العالم المتبحر يوسف السلطى بيد العبد الفقير
الذليل ذى الكسلان والنسيان صفوح القحى
بعون الله الملك الوهاب اللهم اغفر لهما ولا بورهما
امين اجمعين في سنة ١٢٨٧ .

«Завершена переписка этого маленького трактата, принадлежащего глубокому ученому Юсуфу из Салта, рукою раба бедного, низшего ленивого и забывчивого Сафарчи из Кахиба ... 1287 (1870)».

За первым трактатом следует произведение по логике, автор которого не указан. Однако не исключено, что оно принадлежит именно дагестанскому ученому, хотя произведения по логике, написанные местными авторами, составляют незначительное количество. Рукопись маленькая, всего на трех листах, в начале её автор после басмалы пишет:

«После того, как мы закончили упоминание шести слов, встречающихся в книге «Исагуджи», и объяснили их важность, нам захотелось также упомянуть и объяснить значение еще десяти слов».

В конце этой рукописи автор пишет:

«Стремись, о брат, к наукам, на самом деле наука является садом для души, а искусство науки и его польза плодами. Наука является пищей для души, как питание служит пищей для тела. И только наука оживляет душу и доставляет приятности для жизни...».

Третьим в данном сборнике идет сочинение известного дагестанского ученого из Урада под названием «Хашийат ат-Тасриф», то есть комментарии к известному труду средневекового восточного филолога Ибрахима ибн Абд-ал-Вахаб аз-Занджани по морфологии «ат-Тасриф ал-Иззи».

В начале рукописи автор говорит после басмалы и хамдалы:

«Говорит бедный Муртазаали ал-Уради; когда я видел в сокращенной морфологии места, где сбиваются с пути начинающие, я стремился снимать покрывало с них..., и я говорю: ты знай, что в «Усаме на Джами» слово — это является побудительным междометием; когда говорящий хочет начать свою речь междометием, то целесообразнее всего огласовать хамзу кясрой, употреблять также союз «анна».

А в конце рукописи автор пишет:

«Размышляй, о мой дорогой, над содержанием сочинения и не сомневайся в пользе этого дела, умножай взгляд на то, о чем говорится в нем. И я бедный в чтении «ал-Минах ал-маккيات» от лучших из преподавателей ал-Хаджидибир в 1262/1845 г.»

Рукопись переписана Сафарчей сыном Рамазана из Кахиба, который же говорит, что он переписал сочинение с оригинала автора, обучаясь в селении Урада в 1288/1871 г. у известного Ибрагим Хаджи Урадинского. Таким образом, мы получаем некоторые новые сведения путем изучения сборных рукописей.

Дагестанский автор одного из сочинений этой сборной рукописи Халил из с. Ангида представляет маленький трактат

тат, в котором дается разъяснение грамматических форм и членов предложений арабского языка. Трактат известен под названием «Тарифат» («Определения»); для лучшего представления о нем рассмотрим несколько начальных строк, не разбирая полностью содержащихся определений.

التعريف تغيير اللفظ دون المعنى، والتصنيف
تغيير اللفظ والمعنى، التصور حصول صورة
الشيء في الظهن، المقدمة هي يتوقف عليه الشروع
العرض ما يصدر الفعل عن الفاعل لاجله العيب
ما كان خاليا عن الفوائد، البصرة قوة في القلب
بمنزلة البصر في الرأس، النوى في اللغة القصد
وفي الاطلاق علم باصول تعرفها احوال او احوال الكلام
اعرابا وبناء.

«Искажение — это изменение формы слова, не меняя его смысла. Неправильное произношение — это изменение слова и смысла. Воображение — это получение образа вида в памяти. Введение — это то, на что падает начинание. Назначение цели в грамматике — это то, от чего исходит действие глагола. Напрасный — это бесполезный. Разум — это мощь в сердце вместо зрения в голове. Синтаксис — это немерение, а в обычном словоупотреблении наука, которая согласно правилам, объясняет обстоятельства окончаний слов по изменениям флексий слов и падежной формы».

Рукопись переписана крупным местным насхом на плотной лощеной бумаге европейского производства.

В конце сочинения переписчик пишет:

«Этими определениями принес нам пользу ученый Халил из Ангида, да помилует его Аллах, с. Тинди, 1281/1864 г.»

Сразу же после этих определений в рукописи содержится приложение — лексический словарь на 3-х листах, где даются соответствующие значения арабской терминологии на аварском языке. Анализ лексических значений словаря показывает, что они написаны на гидатлинском говоре аварского языка. Его можно представить отдельной статьей вместе с переводами значений этих терминов, так как этот словарный текст

изобилует непонятными для нас словами староаварского языка. В последующем сюда же включены выдержки из заключений и определений известного дагестанского ученого Магомеда, сына Мусы из селения Кудутль (умер в 1716 г.), и других.

Следующее сочинение под названием «Шарх адаб ал-бахс» «Комментарий литературы диспута» принадлежит ученому-логик Востока Мухаммаду ал-Ханафи ал-Тибризи. Переписано оно тем же переписчиком Сафарчой б. Рамазан в 1287/1870 г. В конце рукописи переписчик дает сведения, о том, что он переписал его и сверил со списком, написанным Хаджидибиром из Гунуха Карахского округа.

Затем идет супрокомментарий «Хашийа адаб ал-бахс» известного дагестанского ученого-теолога и суфиста Абдурахмана из Согратля, к вышеупомянутому логическому сочинению.

В начале книги после басмалы и хамдалы автор пишет:

اما بعد فهذه حواشي كالنجوم الطالعة عند شدة
الظلمات الليل تبين جملة المسائل المشككة بحيث
تصير على علم وانا اسئل الله تعالى ان يجعلها تحفة
للمتقين القاصدين مجرد اظهار الصواب وان يمنع
منها المكابرين العازمين رد النقائس والدرر
للزام الخصم بالانتهاج

«А затем. Этот супракомментарий подобно звездам, появившимся в глубоком ночном мраке,—совокупность трудных вопросов становится настолько ясной, что можно давать научное их толкование. И я прошу всевышнего делать его подарком богобоязненным, стремящимся всегда видеть истинную правду и оберегать его от лиц высокомерных, намеревающихся извращать его ценности и высокие идеалы, оспаривать его смысл, содержание».

Объем этого сочинения составляет 7 листов.

В конце автор пишет:

«И надежда на того, кто открыв сочинение и наткнувшись на недостатки, даст красивый ответ на каждое из своих возражений».

Переписчик пишет в колофоне:

«Освободился бедный, надеющийся в милости господи
доброто, Сафарча — сын Рамазана из Кахиба от переписки
этого супракомментария, который принадлежит искусному
ученому Абдурахману Согратлинскому, будучи у выдающегося
ученого Хусейна из Корода в медресе благословенном
«индийском» в день субботы во время полудня в благословенном
месяце зу-л-каада в 1287/1870 г.»

Малозвестный автор Багужалав (так написано в конце
рукописи) представляет сочинение по логике на 2-х листах.
Переписчик, кроме имени Багужалав не дает других сведений
об авторе. Мне же удалось узнать некоторые сведения о нем
от его односельчан-долгожителей с. Мачада, Советского райо-
на Хадиса Ибрагимова — 90 лет, Магомеда Муртаазалиева —
85 лет, Гаджи Ахайлова — 80 лет.

По их словам, автором этого маленького трактата по ло-
гике является Магомед сын Багужа, почему он и назван пере-
писчиком Багужалавом. Оказывается Багужа был очень попу-
лярным человеком в Гочатлинском обществе в XVIIII веке.
Особенно отличался он знаниями в области логики. А сын его,
Магомед, учился у отца, и был в последующем кадием в
с. Урада и Гента. Умер Багужалав в начале XIX века от
тифа. Возможно, что его перу принадлежит и ряд других со-
чинений.

После этого трактата в сборной рукописи находится еще 5
сочинений по логике, среди которых одно объемом 21 лист под
названием «Фатх ал-Кууд» принадлежит дагестанскому автору
Абдал-Кадиру — сыну Далгата из сел. Уриб. Другими
сведениями о нем мы пока не располагаем³. В конце трактата
переписчик дает колофон следующего содержания:

قد تمت الحاشية المستمان بفتح الكؤد للإمام المحقق
المدقق عبد القادر العري ابن طلحة من يد اضعف
الطلاب صفيح القحى ابن رمضان عند العالم النحرير ابراهيم
حجيبو العرادي عمراه الله عن عذاب النار غفر الله لهم ورحم
الله عليهم امين في سنة ١٢٨٥

«Завершил супракомментарий, называемый Фатх-ал-Кууд,
принадлежащий автору внимательного Абд-ал-Кадир ибн
Талхат рукой слабейшего искателя Сафарча из Кахиб ибн

Рамазан, будучи у выдающегося алима Ибрагим Хаджиява ал-Уради... 1285/1868 г.».

«После XII в. в широком обиходе философия была представлена главным образом трактатами по логике («Исагуджи») Пәрфрия, аш-Шамсийа ал-Абхари и других с многочисленными комментариями), диалектике или учению о диспуте, этике и теологии»¹.

На всех рукописях переписчик дает датировку. Они переписаны на плотной лощеной бумаге европейского фабричного производства. Почерк свой переписчик часто меняет (то крупный он, то мелкий), что не характерно для других переписчиков. Комментируемый текст надчеркнут киноварью красного цвета. Разукрашивание отдельных мест, букв, заглавий и подзаглавий выполнено тоже киноварью красного цвета. На полях часто встречаются глоссы и дополнительные пояснительные комментарии, имеются вставки. Переплет книги кожаный с орнаментальным тиснением на обеих сторонах.

Сборные рукописи, имеющиеся в рукописном фонде ИИЯЛ, занимают значительное место, по предварительным подсчетам это каждая четвертая или пятая книга. Произведений в каждой сборной рукописи насчитывается от двух до десяти, иногда и более, следовательно, предстоит еще большая работа по изучению, описанию, переводу, интерпретации богатой событиями истории средневекового письменного материала.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На материале арабоязычной сборной рукописи № 1661 из Рукоп. фонда Ин-та ист., яз. и лит-ры Дагфиллиала АН СССР (далее: ИИЯЛ).

² Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1960, т. 6, с. 609.

³ Отдельный список данного сочинения в Рукоп. фонде ИИЯЛ, ф. 14, № 444.

⁴ Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М.: Наука. 1982, с. 247.

АРХИВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТРЕХ АРАБСКИХ НАДПИСЯХ ИЗ КУМУХА

По сведениям, дошедшим до нас из глубины веков, в древности в Кумухе на трех камнях было высечено три надписи на арабском языке: первая о том, что кумухская пятничная мечеть построена по приказу Абу Муслима в 161 году мусульманского летосчисления (777—778 г.), вторая, гласящая о том, что святой Мандала скончался в 311 г. (923—924 г.) и третья о смерти сайид Ахмеда Ямани в 1451 году.

Камни со временем ветшали, разрушались, надписи на них стирались, становились невидимыми, по этой причине были реставрированы.

Лучшие дореволюционные знатоки дагестанской старины Гасан Алкадари и Али Каюев достоверность тех надписей сомнению не подвергали. В комментариях же к книге «Асари Дагестан» (Махачкала, 1929) её переводчик А. Гасанов признает, что на протяжении XIII в. в Дербенте и его окрестностях были построены мечети, но возможность их возведения в Ахтах, Кумухе и Хунзахе отрицает.

О трех¹ кумухских надписях идет речь и в «Эпиграфических памятниках Северного Кавказа» Л. И. Лаврова (М., 1966, ч. 1). Вопрос о том, были ли те надписи высечены на камнях в указанные на них годы у Л. И. Лаврова не возникает. Однако в том же томе своей книги он опубликовал только надписи, сохранившиеся в первоизданном виде, а подвергшиеся реставрации кумухские не затронул.

В монографии «Ислам в средневековом Дагестане (VIII—XV вв.)» (Махачкала, 1969) А. Р. Шихсаидов пишет: «В 1919 г. появилась статья В. Ф. Минорского и Клода Каэна с разбором сочинения из архива местного секретаря-курда Масуда ибн Намдара³⁵, автора начала XII в. Особый интерес представляют здесь два письма ширваншаха, одно — «к пограничной области Гумик», другое — «к жителям некоторых селений Лакз». Оба документа — важный источник по изучению процессов исламизации лаков. Они с очевидностью позволяют ставить под сомнение сведения местных хроник и преданий о принятии ислама лаками в VIII в.¹»

¹ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане, с. 13.

На 168—169 страницах цитируемой книги А. Р. Шихсаидова мы находим предложение, уточняющее ранее изложенное. Вот что он пишет там, ссылаясь на высказывания В. Ф. Минорского, Клода Каэна и Л. И. Лаврова относительно событий, о которых идет речь: «Возможно, что в VIII в. при участившихся походах арабов кумухцы и приняли ислам, но если судить по последующему положению, то они при первой же возможности вернулись к старым религиозным представлениям. Уже в 1064 г. гумыкские иеверные нападают на селения ал-Баба, убив при этом «много мусульман».

И далее, критикуя Л. И. Лаврова в свою очередь, А. Р. Шихсаидов пишет: «Л. И. Лавров считает крайностью утверждение, будто лакцы приняли ислам не раньше XI—XIII вв. Но правильнее считать, что ислам был занесен сюда вскоре после появления арабов в Дагестане, а окончательное его утверждение произошло в XI—XIII вв. Именно к этому времени относится старейшая в Лакии надпись. Показательно, что она найдена на периферии лакской территории, а не в Кумухе, который, очевидно, раньше принял новую религию. (Лавров Л. И. Эпиграфические памятники, с. 182)».

Не согласиться с этими доводами оснований нет. Однако А. Р. Шихсаидов предполагает, что названные надписи были сделаны не в указанное время, а значительно позднее. И в самом деле, как он справедливо отметил, Али Каяев, хоть и видел старую и воспроизведенную надпись собственными глазами, но не сообщает, куфическим ли почерком была первая из них оформлена или насхом.

По моим многочисленным наблюдениям, Али Каяев как ученый в своих суждениях считался только с фактами, исходил только из правды. Видимо, и в данном случае был он убежден в том, что надпись на кумухской мечети была сделана действительно в 161 году хиджры.

А. Р. Шихсаидов приводит еще один аргумент в подтверждение правоты своего суждения: во времена Мандалы годы цифрами не обозначали.

Существенно новое в изучение проблемы вносят, на наш взгляд, три другие надписи, переписанные в свое время со стен кумухских мечетей и обнаруженные нами только недавно в Тбилиси, в фонде Е. Г. Вейденбаума Института рукописей АН Грузинской ССР им. К. С. Кекелидзе. Хранятся они среди сведений о Мангышлаке, собранных генералом А. Комаровым и отправленных им 12 февраля 1873 года из Дербента в Тифлис в редакцию «Сборника сведений о кавказских горах» для публикации.

В сопроводительном письме к редактору сборника Николаю Ильичу Воронову А. Комаров писал: «При этом посылаю еще для личного Вашего сведения (Сб., вып. III, с. 31) три списка с надписей Ухнинской и Ханаджской мечетей в Казии-

кумухе. Из них Вы увидите, что есть основание показать, что казикумухцы обратились в мусульманство в 777 г. и что официально весьма трудно от горцев добыть какие-либо верные сведения. Упоминаемые в Вашей статье сведения были известны и мне; но почему я в своих статьях написал иначе, было бы излишне объяснять, потому что я не желаю заводить ни малейшей полемики², всегда стараюсь по возможности, добросовестно и тщательно исследовать лично какое-либо дело и излагать его на основании добытых этим путем фактов»³.

Для подтверждения справедливости этого суждения исследователя приведем найденные им и убедившие его материалы. Жаль только, что из-за выцветшего текста из фотокопии с него невозможно сделать клише, и мы вынуждены сами их в точности переписывать. Хотя цель наша — раскрытие сути первой, наидревнейшей надписи, мы, пользуясь случаем, публикуем и две другие надписи, поскольку и они не лишены интереса во многих отношениях. Арабский текст сопровождается переводом, сделанным Мирзой Сулейманом. Ошибки, допущенные последним в русской речи, не счел нужным исправить А. Комаров, сохраняем и мы.

بنى هذا الباب على بنى
لوجه الله وخوفا من عذابه سنة
سبع وستين ومائة واني مررت
سليمان بن عبد الحميد الغموقى نقلت
ذلك السطر من الحجر على جدار مسجد
جماعة ضناجية وانا قاضى محكمة
الناحية نوره نورحك ادعاجى
بن حاج عمر شاهد ومصديق لهذا
النقل بحروفه

Копия с надписи, имеющейся на стене табихлинской мечети с наружной стороны⁴.

«Сия ворота построил Али Омар оглы, надеясь на Бога и боясь его мучения, $\frac{167}{783}$ год.

Я, мирза Сулейман Абдул Гамид оглы Кумыхский, снял сей строк с камня стены мечети Ханадж.

Свидетелем тому был казикумыхский окружной казий прапорщик Аддагаджи Гаджи-Омар оглы»⁵.

قد جدد المسجد باعانة الجماعة في
زمان علي بن قتي و اترك بن اسراف
واحمد بن مح واستاد عمر بن مختار
وابراهيم بن عمر في ربيع الاولي سنة
تسع وسبعين وثمان مائة
واني مرزة سليمان نقلت ذينك من
الحجر على جدار مسجد جماعة ضناجية
وانا قاضي محكمة الناهية بورة بورصك
اد حاجي بن حاج عمر شاهد ومصداق
لهذا النقل بحروفه

«Сия мечеть возобновлена помощью общества. при Алие Кая оглы Атраке Исраф оглы, Уста-Омаре Хатри оглы и Ибрагиме Омар оглы, в месяце Рабиуль-ула $\frac{919}{1474}$ года.

Я мирза Сулейман снял сию надпись с камня мечети Ханадж.

Казыкумыкский окружной Казий прапорщик Адда-гаджи Гаджи-омар оглы был тому свидетелем»⁶.

«Нет мужа кроме Алия, нет сабли кроме Зюльфиягара, год

915

1509

Я, мирза Сулейман сын Абдул-гамида кумыкского снял эти (копию) два строка с камня стены (Уухал) ухалской мечети.

Тому был свидетель казыкумыкский окружной казий, прапорщик Адда-гаджи Гаджи-омар оглы»⁷.

Ни генерал А. Комаров, по чьей просьбе сняты списки с надписей, ни Мирза-Сулейман⁸, большой знаток премудростей

لا فتى الا على ولا سيف الا
ذو الفقار سنة خمس وعشى
وتسعمائة
وانى مرزة سليمان بن عبد الحميد
الغموقى نقلت ذينك السطرين من
حجر على جدار مسجد هخال وانا
قاضى محكمة الناصية بورة بورجهيك
ادعابى بن حاج عمر شاهد ومصداق
لهذا النقل بحروفه

арабистики, снявший красивым почерком эти надписи и переводивший их на русский язык, ни Адда-Гаджи, не уступавший Мирза-Сулейману в знаниях арабской филологии, ни словом не обмолвились о том, каким же письмом — кувиче-

ским или насхом — эти три надписи, вводимые нами в научный оборот впервые, высечены. Для них достоверность факта ясна.

Во-вторых, если годы в надписях на камне кумухской мечети и на могиле Мандалы обозначены цифрами, а так поступали не часто, возможно, что это один из редких случаев. И если непременно требуются надписи, в которых годы должны быть названы, то и это теперь уже налицо: сын Омара построил свои ворота с сто шестьдесят седьмом году — через каких-нибудь пять-шесть лет после возведения кумухской пятничной мечети! На наш взгляд, последняя надпись подтверждает современность первой, указанной на ней дате

Если вслед за А. Комаровым верить данным сообщениям, добытым и добросовестно им установленным, не могли мечети быть построены сразу, по принятии ислама, и для появления арабских имен отца Омара и сына Али нужно было определенное время. К тому же, мы не знаем, когда были построены ханаджская и другие мечети и о какой по счету их реставрации идет в надписях речь.

Следовательно, к концу VIII века ислам в Лакин свои позиции закрепить не успел, как утверждают ученые, но исповедовался хотя бы частью населения. Не исключена возможность и иной интерпретации и датировки надписей, поскольку мы не располагаем первоначальным материалом.

Ханаджская мечеть, построенная на стыке аулов Кумух и Хукал (Ухал-Табахлу), не сохранилась, как и Ухинская. К сожалению, не сохранились и упоминаемые нами надписи.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане, с. 13.

² Речь идет о статье Н. И. Воронова «Из путешествия по Дагестану», напечатанной в третьем выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» за 1870 г. А. Комаров убежден, что приводит веские доводы и материал, опровергающие, в частности, следующее место из статьи Н. И. Воронова: «С завоеванием Кумуха арабами имеют тесную связь все его достопримечательности. Из них главнейшая — его мечеть. Но едва ли хотя одна из них современна самому нашествию арабов на Дагестан, едва ли сохранилась и надпись 777 г. по Р. Х., гласящая о занятии Кумуха Абу Муслимом и о времени построения им мечети. Местный кадий, к сожалению, не мог указать нам этой надписи, а та самая мечеть, которая считается главной и самую древнюю, видимо, позднейшей постройкой».

Непонятно, почему Н. И. Воронову не показали эту надпись, когда её собственными глазами увидели в 1873 г. А. Комаров, в 1882 г. А. И. Ануцин. Последний, в частности, в «Отчете о поездке в Дагестан летом 1882 г.» писал: «Казн-Кумух большой аул, известный своими мечетями и базаром. Из мечетей — замечательна Кошмизид, большая мечеть ... Мечеть эту по-

стронл Магомет-хан, а увеличил и расширил Сурхай-хан. На южной стороне мечети есть арабская надпись, гласящая, что жители приняли ислам в 161 году гиджры». (См.: Известия Императорского Русского Географического Общества, 1884, т. XX, вып. 4, с. 438).

³ Институт рукописей АН Груз. ССР им. Какелидзе, фонд Ф. Е. Вейденбаума, ед. хр. $\frac{1675}{475}$, с. 2—3.

⁴ Написано рукой генерала А. Комарова. (См. фонд Ф. Е. Вейденбаума, с. 5).

⁹ Оглы — сын (*азерб. яз.*). В оригинале по-арабски буквально сказано «Я, судия Казикумухского окружного суда, прапорщик Аддагаджи сын Гаджилмара свидетельствую и подтверждаю, что все списано точно, буква в букву». Ин-т рукописей АН Груз. ССР, фонд Ф. Е. Вейденбаума,

ед. хр. $\frac{1675}{475}$, с. 6.

⁶ Там же, с. 4.

⁷ Там же.

⁸ Мирза-Сулейман — участник Кавказской войны 20—50-х годов XIX в. в войсках имама Шамиля. Позже отошел от этого, овладев русским языком, определился на службу в русской администрации письмоводителем кумухского окружного шариятского суда, наибом. Атенст и лакско-арабский язычный поэт. Близкий друг Гасана Алкадари, Абдуллы Омарова. Был всеми высокоуважаемым за глубокие и всесторонние знания. На основе современной ему русской и европейской астрономии составил календарь для Дагестана на 28 лет. Умер в Кумухе в 1905—1907 годах.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

МАТЕРИАЛЫ

МАТЕРИАЛЫ ПО ХРОНОЛОГИИ И ГЕНЕАЛОГИИ

В рекомендациях Всесоюзных «Бартольдовских чтений» 1984 г. указывается на необходимость всесторонней разработки вопросов «вспомогательных» исторических дисциплин, в частности — хронологии и генеалогии мусульманских династий.

Генеалогия и хронология — одна из важных, но слабо разработанных отраслей исторического источниковедения. Дагестанский материал в этой области почти не систематизирован и не изучен.

Материалы, которые мы публикуем ниже, представляют определенный интерес для изучения политической и социальной истории средневекового Дагестана, атрибуции письменных источников.

Материалы подготовлены А. Р. Шихсаидовым (генеалогия и хронология кайтагских уцмиев), Т. М. Айтберовым (генеалогия и хронология аварских правителей), Б. Г. Алиевым (акушинские кадни) и М. Р. Гасановым (табасаранские майсумы и кадни).

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

МАТЕРИАЛЫ ПО ХРОНОЛОГИИ КАЙТАКСКИХ УЦМИЕВ

Кайтак — одно из раннефеодальных государственных образований Дагестана. Арабским авторам он известен как Хайдак, иногда как Хамзин. Зафиксированное в X в. «царство» Джидан — это, как обратил внимание еще в 1828 г. Доссон, а в наше время убедительно доказал В. Ф. Минорский, ошибочная передача названия Хайдак.

Ниже мы приводим в хронологическом порядке известные нам сведения по хронологии кайтакских правителей.

Первое упоминание о правителях Кайтака относится ко второй половине XI в. **Пируз (Фируз) б. Сакнан (ас-Сакбан) ал-Хайдаки**. 457/1065, 461/1068 г. (*Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 28, 29, 76, 77).

Салифан, малик Джидана (Хайдака), 304/916 г. (*Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда, с. 66 (русск. пер.), с. 20 (араб. текст). Первое упоминание Салифана относится к 304/916 г., когда Салифан двинулся с хазарским войском в помощь Абд ал-Малику, правителю Дербента (ал-Баба). В «Истории Ширвана и Дербенда» он не назван правителем Хайдака (Кайтака), но мы принимаем во внимание сообщение ал-Масуди (см. ниже). Возможно, Салифан не имя собственное, а титул правителя.

Салифан, малик Джидана (Хайдака), 332/943 г. (*Masoudi Les Prairies d'or. Texte et traduction par V. de Meunard et P. de Courteille, t. II. Paris, 1863, p. 39; Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда, с. 202: Приложение III. Масуди о Кавказе). У ал-Масуди Салифан — это титул правителя Джидана, но еще Доссон доказал, что последнее слово — это неточное описание страны Хайдак (*D'Ohsson. Des Peuples du Caucase. Paris, 1928, p. 20*). Принимая во внимание, что Салифан это титул правителя, мы предполагаем, что под 916 и 943 гг. упоминаются разные лица.

Р. в. м., эмир Хайдака, рамадан 456/ август 1064 г. (*Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда, с. 75 (русск. пер.), с. 26, (араб. текст). Варианты имени — **Б. рум, З. м. з. м.** По мнению В. Ф. Минорского (с. 75), «возможно Пируз».

В конце XIII или же в начале XIV в. упоминается

Ах. с. б. р., сын **Хиздана** (вар.: **Хиздар**), *владелец* (сахиб)

Кал'акурайна (Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. Надпись X—XVII вв. /Тексты, пер., комм., введ. и прилож. Л. И. Лаврова. М., 1966, с. 112; *Шихсаидов А. Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984, с. 146, рис. 50. Б. А. Дорн считает, что речь идет о «владельце крепости или замка» (*Дорн Б. А.* Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб., 1894, с. 278), но Л. И. Лавров поместил имя **Ах. с. б. р.** в списке кайтакских правителей (Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 2. Надписи XVIII—XX вв. /Тексты, пер., комм., введ. и прилож. Л. И. Лаврова. М., 1968, с. 157).

В последней четверти XIV в., но не позднее 1385 г. мы уже встречаемся с термином *уцмий*. Это **Султан Мухаммад-хан-уцмий**, сын **Бек Киши-хана**. — АКАК. Тифлис, 1868, т. II, с. 1074. Султан Мухаммад-хан-уцмий скончался незадолго до похода Тимура на Азербайджан, имевшего место в 1386 г. А. Е. Криштопа отмечает, что уцмий Султан Мухаммад скончался в начале XIV в. (*Криштопа А. Е.* Политическое развитие Дагестана в XIII—XIV вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1981, с. 3, 9, 12).

До 1385 г. упоминается **Ильча**, сын **Султан Мухаммад-хан-уцмия** — АКАК, ч. II, с. 1074. Ильча вместе со своим братом Ахмад-багатуром правил после смерти отца не более года. При походе Тимура на Азербайджан в 1386 г. он находился уже при «султানে Кершасибе», т. е. ширваншахе Ибрахиме I Дербенди (1382—1417) — АКАК, т. II, с. 1075.

Примерно с 1385 г. упоминается **Бек-Киши-хан-уцмий**, сын **Султан Мухаммад-хан-уцмия** — АКАК, т. II, с. 1074—1075. В родословной кайтакских правителей, список которой датирован шабапом 1287 г. х. (октябрь или ноябрь 1870 г.), указывается, что Бек-Киши-хан (он же — Уллубий) имел сына по имени Амир-Шамхал, который стал уцмием после смерти отца; а после Амир-Шамхала будто уцмием стал его сын Султан Ахмад-бек (История происхождения рода уцмиев и кайтакских беков. — Рукописный фонд Института ист., яз. и литры Дагестанского филиала АН СССР (далее: ИИЯЛ), ф. 1, оп. 1, д. 286, л. 41 (на азерб. яз.), л. 61 (русск. пер.). Бек Киши-хан правил примерно с 1385 г., а Султан Ахмед стал уцмием примерно через 200 лет, после 1580 г., т. е. сын первого не мог быть отцом второго. Из-за неясности и неточности сведений имя Амир-Шамхала мы не вносим в список уцмиев. По мнению Р. М. Магомедова, во второй половине XVI в. попеременно правили Амир-Шамхал и Хасан Али (*Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—нач. XX вв. Махачкала, 1957, с. 203).

Афанасий Никитин называет в 1466 г. «Алильбека, князя Кайтачского», шурина ширваншаха (Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М., 1960, с. 28—29). По мнению Л. И. Лаврова, это Халил-бек (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 157).

1535 (возможно 1525) — год первого упоминания Шамхал Амира (Айтберов Т. М. Источники по социальной структуре Дагестана XIV—XVII вв. — Дисс. ... канд. истор. наук. Рукопись. Л., 1977 (со ссылкой на источники). В списках «Родословной» отцом Шамхала назван Уллубий, сын эмира Султан Мухаммада (АКАК, т. 2, с. 1072; Айтберов Т. М. Аноним, с. 64). В надписи из Шиназа упоминается Шахрух-Мирза

(Л. И. Лавров. — Шах-Рух) ал-Кайтаги, завоевавший Шемахи в 942/1535 г. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 81. В записи Малиджа, сына Рамазана из Рутула имеется дополнение о том, что в 942/1535—36 г. Шахрух

Мирза ал-Кайтаки занял престол (Баркуев К., Ахмедов М.-К.,

Шихсаидов А. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей. — Уч. записки Ин-та ист., яз. и лит-ры Дагфиллиала АН СССР. Сер. истор. Махачкала, 1963, с. 180, 181). Вполне возможно, что Амир-Шамхал и Шахрух Мирза ал-Кайтаки поддерживали друг друга. Шахрух Мирза ал-Кайтаки, по предположению Л. И. Лаврова, «возможно, до событий 1536 г. ... проживал в Кайтаге». Шахрух Мирза ал-Кайтаки — это ширваншах Шахрух, сын Фаррух-Иассара, правивший с 1535 (или 1536) по 1538 год (Dorn B. Beitrage zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. — I — Versuch einer Geschichte der Schirwanschache, S. 597). Халиллах и Бурхан-Али-Султан (или Бурхан-Мирза) также длительное время пребывали среди кайтаков (Dorn B. Beitrage, S. 600; Эфендиев Октай. Азербайджанское государство Сефевидов, Баку, 1981, с. 89).

В 1580 г. впервые упоминается Хасан Али-уцмий. (Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX века. Махачкала, 1957, с. 203. Источник не указан. По А. Бакиханову, Хасан-Али-уцмий отец Султан Ахмад-уцмийа.

Сыном Хасан-Али-уцмийа был Султан Ахмад-уцмий (Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, с. 88; Магомедов Р. М. Общественно-экономический строй..., с. 203—204; Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 157). Он правил после 1580 до 996/1588 г. У Л. И. Лаврова указан просто XVI в.

В 996/1588—1005/1596—97 г. правил Хан-Мухаммад, сын Султана Ахмад-уцмийа (Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с. 88; Эпиграфические памятники Северного Кавказа,

ч. I, с. 153). Хан-Мухаммаду приписывается основание селения Маджалис, впоследствии столицы Кайтагского уцмийства (*Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с. 88*).

В пределах примерно 1596 или 1597 и не позднее 1601 или 1607 встречается имя **Амир-Хамза-уцмия, сына Султан Ахмад-уцмия**. (История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков, л. 41 б (*на азерб. яз.*), л. 61 (*русск. пер.*). Хроника эта упоминает ракамы, выданные в 1003/1594—5 и 1016/1607 гг. шахом Аббасом II (1587—1629) на имя Амир-Хамзы (л. 41 б, 61). Как сообщает А. А. Рахмани, на основе сочинения Искендера Мюнши, в 1607 г., по завоеванию Дербента. «Аббас I уладил отношения с правителями Дагестана **Рустам-ханом Дагестани, Масум-ханом Табасарани, Уцмий-ханом Кайтаги, Али-ханом Захори**» (*Рахмани А. А. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, с. 111*). Одновременное упоминание **Рустам-хана Дагестани и Уцмий-хана Кайтаги** говорит, на наш взгляд, об отсутствии единства в династии уцмиев. Но первое место занимал, очевидно, Рустам-хан, названный Дагестанским. По А. Бакиханову, Аббас I «послал приличные подарки Рустем-хан-уцмию» (*Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с. 96*). А. С. Омаров и Р. Г. Маршаев датой смерти Амир-Хамзы, дяди будущего уцмия Рустам-хана, называют 1588 со ссылкой на данную хронику, но в хронике дата не отмечена (*Омаров А. М., Маршаев Р. Г. «Постановления» Рустам-хана как источник по истории Кайтака XVII в. — Уч. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1960, т. 7, с. 169*).

Мы располагаем некоторыми сведениями о **Рустам-хан-уцмие, сыне Мухаммад-хана — 1601 (?) — не ранее 1645 г.** (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 157 и биб-я). О. И. Лавров годами правления Рустам-хан-уцмия считает 1601—1638 гг. Первая дата подтверждена ссылкой на М. К. Ковалевского (*Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1980, т. 2, с. 234*), который указывает на источник — ... в конце хранящейся в Дербенте рукописи значится, что «после смерти отца своего Хан-Магомеда-уцмия он вступил во владение Кайтагом, что случилось в 1601 г., умер же он в начале 1631 г. Рустам-хан получил две грамоты от Шах-Аббаса персидского в 1609 и 1610 гг., а третью — от Шах-Сафия в 1629 г.»). Все же 1601 г. взят условно. По Р. М. Магомедову, Рустам-хан начал править примерно с 1600 г. (*Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй в Дагестане, с. 204*). Однако известно, что в 1606 или 1607 г. Рустам-хан был уже уцмием Кайтака (*Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с. 95/96, 98; Рахмани А. А. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, с. 111*). Bellan, Shah Abbas I. Paris. 1932, p. 164.

Мнение о том, что 1638 г. был последним годом правления

Рустам-хана, не подтверждается источниками. Рустем-хан-уцмий был смещен около 1645 г. Аббасом II (1642—1667). В 1645 г. уцмием уже был племянник Рустам-хана **Амир-хан-султан** (Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы /Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958, с. 182, 185 (№ 78); *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, с. 322 (со ссылкой на «Кумыкские дела», 1645 г., и на сборник документов и материалов «Русско-дагестанские отношения в XVII—первой четверти XVIII вв.»); История Дагестана. М., 1967, т. I, с. 273; *Умаханов М.-С.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1971; с. 178. О нем: *Путуридзе В. С.* Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. Тбилиси, 1961, вып. I, кн. I, с. 11; Русско-дагестанские отношения, с. 63—66; 169—171; *Айтберов Т. М.* Аноним, с. 64, 68, 69). В 1634 г. упоминается «брат» уцмья Рустам-хана Чучук (Русско-дагестанские отношения, с. 126). Годы правления Амир-хан-уцмья 1645 — не ранее 1659—60 гг.

Л. И. Лавров временем правления «Амир-хана сына (?) Рустам-хана считает 1645—1651 гг. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 157). Амир-хан был назначен Аббасом II (1642—1667) уцмием примерно в 1645 г (*Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией, с. 332; Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв., с. 182). Однако власть Амир-хана-уцмья распространялась только на Нижний Кайтак, в то время как Верхний Кайтак оставался в руках Рустам-хан-уцмья (*Умаханов М. С.* Взаимоотношения феодальных владений..., с. 180—181). В 40-х годах XVII в. уцмийский дом фактически разделился на две линии — Маджаллисскую и Янгикептскую, и каждый дом выдвигал на должность уцмья своего представителя (*Аббас-Кули-Ага Бакиханов.* Гюлистан-Ирам, с. 99). Иногда, в связи с внешними вторжениями Кайтак имел двух уцмиев. Так случилось в сер. 40-х годов XVII в., когда шахской грамотой был утвержден в уцмийском достоинстве Амир-хан, а Рустам-хан продолжал считать себя законным уцмием. Рустам-хан обосновался в Кала-Корейше, а Амир-хан в Башлы.

Согласно родословной кайтакских уцмиев, после смерти Рустам-хана, уцмием стал его старший сын **Амир-Хамза-бек** (История происхождения рода уцмиев и кайтакских беков, л. 41б, 61), т. е. родословная не признает «незаконного» уцмья Амир-хана.

Год смерти **Амир-хан-уцмья** точно не устанавливается. По Л. И. Лаврову, он правил до 1651 г., однако Амир-хан-султан оставался в Нижнем Кайтаке еще во время и после антиперсидского восстания народов Дагестана 1659—1660 гг.

Мухаммад Тахир Аббас Казвини в «Аббас-наме» рассказывает об активном участии **Уллубия, сына Рустам-хан-уцмий** в антииранском восстании 1659—1660 гг. и борьбе против Амирхан-Султана (Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв., с. 685—689). В 1665 г. Уллубий («Улу-бек-хан») правил еще в Кайтаке (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 157 — со ссылкой на турецкое издание Эвлия Челеби, т. 7, с. 796—797). В родословной кайтагских уцмиев он назван «Уллубий-мирза».

Когда в 1100/1688—89 г. Хусейн-хан, единственный оставшийся в живых потомок разгромленной маджалисской линии уцмиев, ставший кубинским ханом и сальянским ханом, подчинил Башлы, то уцмием в это время был **Али Султан (Аббас-Кули-Ага Бакиханов)**. Гюлистан-Ирам, с. 100—101). В памятных записях на полях рукописей иногда имя этого уцмий встречается. Так в сел. Усиша Акушинского района на полях рукописи «Ал-Хиси ал-хасин», принадлежащей Магомеду Галбецову имеется запись: «пришли рафизиты в Буршли во время Алу Султана в 1100 году», т. е. в 1688—1689 гг. Год его смерти 1696 отмечен в ССКГ, т. 2, с. 8 (*Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений...*, с. 202).

Согласно А. К. Бакиханову, Амир-Хамза был утвержден в звании уцмий шахом в 1107/1696 г. и правил Кайтаком более десяти лет (*Аббас-Кули-Ага Бакиханов*. Гюлистан-Ирам. Баку, с. 101). Родословная кайтагских уцмиев также сообщает об утверждении **Амир-Хамзы, сына Рустам-хана** уцмием от имени шаха Хусейна в 1107/1695—1696 г. (История происхождения уцмиев и кайтагских беков, л. 61). После этого он был свергнут **Ахмад-ханом, сыном Хусейн-хана**, представителем Маджалисской линии, назвавшим себя уцмием. Амир-Хамза бежал «в верхние магалы, и, спустя несколько лет, умер». Согласно хронографу, обнаруженному нами в сел. Кишша Дахадаевского района, Амир-Хамза уцмий умер в 1122/1710—1711 г. Через два года после смерти Амир-Хамзы, **Ахмад-хан, сын Уллубий-уцмий, сына Рустам-хана**, овладел Башлы и частью Кайтака. Ахмад-хан, сын Хусейн-хана удалился в Маджалис, где был убит одним из нукеров по указанию Ахмад-хана, сына Уллубия (*Аббас-Кули-Ага Бакиханов*. Гюлистан-Ирам, с. 101).

Согласно родословной (л. 62), Ахмад-хан был сыном не Уллубий-уцмий, а Амир-Хамзы, сына Рустам-хана. Р. М. Магомедов поддерживает эту точку зрения.

Ахмад-хан, сын Хусейн-хана (см. выше) до 1706 г. был уже уцмием и правил ранее 1711—12 г., сначала в Нижнем Кайтаке, в Башлы, затем — в Верхнем Кайтаке, в Маджалисе.

Ранее 1710—1712 гг. и в 1749 или 1750 г. встречается имя

Ахмад-хана, сына Уллубий-уцмия. Л. И. Лавров в таблице правителей Кайтака указывает: «1698—99—1735—Ахмад-хан» (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 157). Очевидно, это не годы правления, а годы, под которыми упоминается Ахмад-хан. Первая дата подтверждена Л. И. Лавровым со ссылкой на А. К. Бакиханова. У А.-К. Бакиханова написано: «После смерти Али-Султана кайтагского уцмия, вступил на его место Эмир-Гамза... Его сменил Ахмад-хан, сын Хусейн-хана, а затем Ахмад-хан, сын Уллубия». Это было, по А.-К. Бакиханову, в 1123/1711—1712 г. Эту дату мы условно принимаем за начало правления Ахмад-хана. Значит, дата 1698—1699 г. не обоснована. Более обстоятельно Л. И. Лавров пишет в примечаниях к надписи-эпитафии на могиле Ахмад-хана: «В документах его имя встречается в 1718—1735 гг. ... Из надписи узнаем год его смерти. Таким образом, правление Ахмад-хана приходится на время не позже 1718 и на 1737 г.» (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 133). Указанием на 1718 год мы обязаны сочинению А. И. Лопухина «Журнал путешествия через Дагестан, 1718 г.», где упоминается «уцмийский Агметь хан» (История, география, и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.: Архивные материалы /Под. ред. М. О. Косвена, Х. М. Хашаева. М., 1958, с. 15).

Выше уже указывалось, что в «Гюлистан-Ираме» первое упоминание Ахмед-хана отнесено примерно к 1712 г. (Это же и приблизительное время получения уцмийства). Родословная кайтакских уцмиев (л. 62) сообщает, что первый фирман от имени сефевидского шаха Хусейна I (1666—1694) Ахмад-хан получил в 1122 г. х., т. е. в 1710—1711 г. Таким образом, время между 1710 и 1712 гг. можно считать началом правления Ахмад-хана. Год 1735 также не является годом последнего упоминания. В родословной кайтакских уцмиев (л. 63) сообщается о фирмане турецкого султана Махмуда I (1730—1754) на имя Ахмад-хана-уцмия в 1156/1743—1744 г. и от имени афшара Ибрахима (1748) в 1162/1748 г.

1737 г. назван Л. И. Лавровым годом смерти Ахмад-хан-уцмия ошибочно. Причиной тому неточное чтение надписи. Л. И. Лавров издал (по прописи Б. А. Дорна) текст эпитафии на могиле Ахмад-хана следующим образом:

Сахиб хаза-л-кабр Ахмад-хан, аллази хана фи мулки. Санат хамсин ва миа ал-мухаррам. С соответствующим переводом: «Обладатель этой могилы Ахмад-хан, который имел успех в царстве. Дата: сто пятидесятый год, в мухарамме». (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 54). Однако прорисовка Б. А. Дорна дает возможность иного, более точного чтения. В 1972 г. во время пребывания в Кала-Корейше мы ознакомились с эпитафией на месте. В действительности текст надписи выглядит следующим образом:

Сахиб хаза-л-кабр Ахмад-хан аллази бикийа фи мулк хамсина сана ва мата фи-л-мухаррам ат-тарих 1163. «Хозяин этой могилы Ахмад-хан, который оставался в государстве (мулк) /в течение/ пятидесяти лет и умер в мухарамме 1163 г.».

Мухаррам 1163 г. х. падает на время от 11 декабря 1749 г. до 9 января 1750 г. Таким образом, датой смерти Ахмад-хана следует признать не 1737, а декабрь 1749 или начало января 1750 г. Поэтому Р. М. Магомедов был прав, когда писал, что в 1747 г. Ахмад-хан освободил Дербент от персидского гарнизона (*Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй...*, с. 238).

Указание надписи о том, что Ахмад-хан правил 50 лет, создает нам еще одну трудность: получается, что он начал править в 1700 г., что не совсем согласуется с приведенными выше данными. Не совсем ясным остается сообщение местной хроникой о завоевании Ардебилля «войсками уцмий Ахмед-хана в 1099/1687—1688 г.»

У П. Г. Буткова, в связи с событиями 1752 г. (*Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869, ч. 1, с. 239*), находим единственное упоминание «Усми Магомета». У Ахмад-хана был сын по имени Мухаммад-бек, может быть, о нем и идет речь. Согласно родословной кайтакских уцмиев (л. 64) после смерти Ахмад-хана уцмием стал не его сын Мухаммад-бек, а внук Амир-Хамза, сын Мухаммад-бека. Может быть, из-за «незаконности» занятия престола он не назван в надписи-эпитафии уцмием: «Скончался эмир знаменитый Амир-Хамза-усмий б. Хан Мухаммад б. Ахмад-хан-усмий» (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 91).

Л. И. Лавров (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 392) со ссылкой на П. Г. Буткова (*Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с. 392*) упоминает в связи с событиями 1752—53 г. «каракайтагского Казим-хана».

Далее мы можем назвать Амир-Хамза-уцмия, сына Хан-Мухаммада (Мухаммад-бека), сына Ахмад-хан-уцмия.

Согласно родословной уцмиев (л. 64) после смерти Ахмад-хана уцмием стал его внук Амир-Хамза, но сведения эти не согласуются с данными об «Усми Магомете» и «каракайтагском Казим-хане». У П. Г. Буткова имя Амир-Хамза упоминается, как это отметил Л. И. Лавров, под 1765 и 1774 годами (*Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869, ч. 1, с. 250; ч. 2, с. 13, 14*). Р. М. Магомедов считает, что Амир-Хамза в 1752 г. был уже уцмием (*Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана, с. 240*), но это основано, как нам кажется, на неточном толковании текста документа, приводимого П. Г. Бутковым. В этом

документе упоминается имя Амир-Хамзы, но сообщается о событиях, имевших место раньше, в 1752 году, когда из уцмийства часть жителей бежала в Эндери (*Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, ч. 1, с. 255*). Что касается времени смерти Амир-Хамзы, то Л. И. Лавров указывает на 1211/1806—1807 г. Это противоречит всем последующим данным, согласно которым до 1807 г. после Амир-Хамзы правило еще 6 уцмиев). Ссылаясь на рисунок Б. А. Дорна, Л. И. Лавров следующим образом читает текст на надмогильной плите из Кара-Корейша:

Тузуффийа ал-эмир аш-шахир эмир Хамза-усми б. Хан-Мухаммад б. Ахмад-хан-усми. Гафара [Аллах лахума]. 221.

«Скончался эмир знаменитый Амир-Хамза-усми б. Хан-Мухаммад б. Ахмад-хан-усмий Да простит [их Аллах]. 221».

Последняя дата была исправлена на 1122 год, что и соответствует 1806—1807 г. Однако было бы правильным предположить, что при снятии копии осталась незамеченной точка и вместо 1202 была зафиксирована цифра 122, легко воспринятая за 1221 г. 1202 год же соответствует 1787—1788 г. Правильность такого чтения подтверждается записью хронографа на арабском языке: «Эмир-Хамза-усми скончался в селении Берикая в ночь вторника 17 джумада ал-ахир (25 марта 1788) и похоронен в Калакорейше близ могилы его брата Султана в 1202 г.» (*Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980; с. 128*).

Г. Алкадари ошибочно указывает (без ссылки на источник), что Амир-Хамза-уцмий скончался в 1199/1785 г. (*Гасан-Эфенди Алкадари. Асари Дагестан. /Пер. Али Гасанова. Махачкала, 1929 г., с. 86*).

В памятной записи из сел. Кутиша, обнаруженной Т. М. Айтберовым, сообщается, что в 1217/1802—03 г. скончался «Мамма-усуми». Имя это упоминается также у С. Г. Гмелина, писавшего в 1774 г. о сыновьях (в действительности) уцмий Ахмед-хана Амир-Хамза, Дустер-хана и Султана. «Первый есть теперешний исмей... Теперешний исмей владеет далеко не всей областью своего отца, но должен был уступить большую её часть своим братьям и сыновьям сестер... Умершему брату исмея, Султану, достались селения Маджаллис, Подар, Тотлар и Гударах, которыми теперь также управляет исмей из-за несовершеннолетия Мама, сына своего брата» (*Лавров Л. И. Эпиграфические памятники, ч. 2, с. 138*). Упомянутый здесь Султан, родной брат кайтагского уцмий Амир-Хамзы, скончался около 1764 г. (*Лавров Л. И. Эпиграфические памятники, ч. 2, с. 62*). Его сын Мамма, назван в 1774 г. уцмием, но за малолетством (ему было более 10 лет) за него управлял его дядя Амир-Хамза. Стало быть, часть земель уцмийства находилась (в данном случае условно) во владении юного представителя Маджаллисской линии, также

названного уцмием. «Мамма-усуми», сыну Султана, умершему как указано выше, в 1217/1802—03 г., было уже около 40 лет. О его взаимоотношениях с Рустам-ханом, сыном Алибека, вторично ставшим уцмием (1801/1804), нам пока неизвестно.

После смерти Амир-Хамзы уцмием на правах старшего стал не его сын Али-бек, а брат **Устар-хан**, но он скончался через несколько дней после утверждения уцмием (Родословная кайтагских уцмиев, л. 65). У Л. И. Лаврова Устар-хан указан и под 1791 г. со ссылкой на «Асари Дагестан» Гасана Алкадари (с. 90). Мы останавливаемся на 1789 г. Таким образом **Устар-хан, сын Хан-Мухаммада** правил с 1788 или 1879 — примерно до 1789 г.

«**Усми Али-бек**» сын Амир-Хамзы неоднократно упоминался в 1795 г. в материалах, изданных П. Г. Бутковым (*Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа*, ч. 1, с. 83; ч. 2, с. 349; Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 158). Как сообщает обнаруженный нами хронограф из сел. Мекеги «скончался благородный эмир Али-бек уцмий в /месяце/ зу-л-када 1210 г. и в дни его смерти русские вошли в крепость Баб ал-абваб». Зу-л-када 1210 соответствует времени между 5 мая и 6 июня 1796 г. Как сообщает П. Г. Бутков, «28 числа (апреля 1796 г.) войска Зубова прибыли к речке Гамри-Озень, во владения уцмийа каракайтаского. Сей владелец лежал тогда на смертном одре и 13 или 14 мая умер, а сын его Мама-бек или Рустам ему наследовал» (*Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа*, ч. 2, с. 37). Так как Дербент был взят графом Зубовым 10 мая 1796 г. (*Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана*. М., 1965, с. 169), то к этому времени и можно отнести смерть Алибека. По Г. Алкадари, уцмий Али-бек скончался в 1209/1795 г. (*Гасан-Эфенди Алкадари. Асари Дагестан*, с. 91).

Ему наследовал, по всей вероятности, его сын **Рустам-хан** (май 1796 — лето 1800) (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 157—158 — со ссылкой на П. Г. Буткова, ч. 2, с. 375, 408, 454, 505; ч. 3, с. 323; Материалы по истории Дагестана и Чечни, т. 3, ч. 1. Махачкала, 1940, с. 52, 66, 70—73, 75—78, 82—82). Рустам-хан в 1796 г. был уже уцмием (*Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам*, с. 144; История Дагестана; ч. 1, с. 169). В 1799 г. уцмий Рустам был принят в подданство России (Материалы по истории Дагестана и Чечни, т. 3, ч. 1, с. 58).

В родословной кайтагских уцмиев имя уцмийа Рустам-хана не упомянуто. Там указано, что уцмием после Алибека стал его брат **Риза-бек**, а после него — другой брат — **Мама-бек**. (Там же, л. 66).

Последнее упоминание имени Рустама, сына Алибека Л. И. Лавров относит к 1800 г. (Эпиграфические памятники

Северного Кавказа, ч. 2, с. 158). Видимо, имеется в виду посольство к Павлу I от имени Рустам-хана в 1800 г. (*Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам*, с. 151). Однако, как сообщает П. Г. Бутков, «для поздравления императора Александра со вступлением на престол», т. е. в 1801 г. «присланы были ... посланцы», в том числе «уцмия Рустам-хана и правителя той области Радый-хана» (*Бутков П. Г. Материалы...*, ч. 2, с. 504—505). Рустам-кади был лишен уцмийского достоинства (*Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй...*, с. 243, со ссылкой на «прошение каракайтаского народа императору Александру I от 12 июля 1801 г. об утверждении вновь избранного уцмия Рази-хана» — *Материалы по истории Чечни и Дагестана*, т. 3, ч. 1, с. 72—73).

Правление **Амир-Ради-уцмия** (усуми), сына **Амир-Хамза-уцмия**, сына **Хан-Мухаммада** было недолгим (1800—1801) (*Эпиграфические памятники Северного Кавказа*, ч. 2, с. 157—158. По мнению Р. М. Магомедова, Ради-хан был назначен уцмием в 1801 г. (*Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй ...*, с. 243, 307). Ради-хан уцмий скончался, судя по надписи на могильном камне, в 1218/1803—1804 г. (*Эпиграфические памятники Северного Кавказа*, ч. 2, с. 89). Если учесть сообщение местной хроники о том, что Ради-хан скончался в месяце зу-л-хиджжа, то это падает на время между 13 марта и 11 апреля 1804 г.

В 1801 г. на коронации Александра I были послы как Рустам—уцмия, так и Ради—уцмия. (*Эпиграфические памятники Северного Кавказа*, ч. 2, с. 157). Последующие сообщения свидетельствуют о том, что **Рустам-уцмий** вскоре опять стал уцмием. По сообщению родословной кайтакских уцмиев (л. 66) после смерти Рази-хана уцмием стал сын Султан-бека и брат Амир-Хамзы **Мама-бек**.

В 1801—1804 г. уцмийство перешло (уже вторично) в руки **Рустам-хана**, сына **Али-бека** (*Эпиграфические памятники Северного Кавказа*, ч. 2, с. 158). Как пишет Х. О. Хашаев, Рустам-хан скончался в 1804 г. (*Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961*, с. 39). Дата эта не подтверждена ссылкой на источник. С. Броневский пишет: «По смерти коварного Уцмия Омр-Омзы наследовал Рустам-хан, умерший в 1802 г. (*Броневский С. Новейшие известия и исторические известия о Кавказе. М., ч. 2, 1823*, с. 312). А.-К. Бакиханов после сообщения о событиях «3 сентября 1219» (1805 г.) пишет, что «около этого времени умер Рустам-хан-уцмий» (*Аббас-Кули Бакиханов. Гюлистан-Ирам*, с. 153). Однако 1805 год написан ошибочно, ибо «3 сентября 1219 г.» соответствует 1804 г. (*Синхронистические таблицы хиджры и европейского летосчисления. М.; Л., 1961*, с. 250). Г. Алкадари считает, что Рустам-хан, сын Султана, сына Мухаммед-хана, сына Охмад-хана, умер в 1290/1805 г.

(а уцмием после него стал Али-хан сын Устар-хана (*Гасан-Эфенди Алкадари. Асарн Дагестан. с. 107*).

В 1804—1809 гг. уцмием был Али-хан, сын Устар-хана. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 158). В июле 1906 г. «Кирхляр-Кули-Масум и Магомед-кадий табасаранские и Али-хан усмий кайтагский, находились ... в провинции» России (*Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Прам, с. 157—158*). Как утверждает Х. О. Хашаев, Али-хан управлял Кайтагом до 1809 г. (*Хашаев Х. М. Общественный строй...*, с. 39). Ни у Л. И. Лаврова, ни у Х. О. Хашаева ссылка на источники не дается.

Другой сын Устар-хана, Адил-хан (1809—1819) наследовал Али-хану. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 158).

20 января 1820 г. Ермолов объявил об упразднении уцмийства, но в 1838 году генерал-лейтенант Фези восстановил уцмийство, поручив управление Верхним Кайтаком Джамав-беку сыну Адиль-хана (*Хашаев Х. М. Общественный строй...*, с. 39). Согласно хронике, обнаруженной нами в Цудахарской мечети, Адил-хан был убит в 1237/1821—1822 г. Джамав-бек с 1838 г. правил в Верхнем Кайтаке, а в 1843—1857 г. ему подчинился весь Кайтак (*Хашаев Х. М. Общественный строй...*, с. 39).

Последним правящим уцмием стал Ахмад-хан-бек, сын Джамав-бека (1856—1860).

В 1860 г. образована Дагестанская область, а в её составе Кайтаго-Табасаранский округ. 1865 г. — ликвидация ханской власти в Дагестане. (*Хашаев Х. М. Общественный строй...*, с. 67).

**МАТЕРИАЛЫ ПО ХРОНОЛОГИИ И ГЕНЕАЛОГИИ
ПРАВИТЕЛЕЙ АВАРИИ (VIII—XIX вв.)**

Авария — образование во главе с наследственными правителями, сидевшими в сел. Хунзах, которое еще в XVIII — нач. XIX вв. тюркоязычное население Северного Кавказа именовало *Авар* или *Авар-кент*¹. Границы Аварии никогда полностью не соответствовали территории распространения аварской речи, ибо понятие это было не этническим, а политическим: в VIII—IX вв. Авария под названием Сарир² занимала, судя по всему, бассейн четырех Койсу³; в XV в. и позднее её южная граница проходила примерно по среднему течению Аварского Койсу, не включая правобережье⁴; к началу XIX в. земли, подвластные правителям, обитавшим в Хунзахе, и их родичам располагались далеко к северу от Аварского Койсу — захватывая часть бассейна р. Аргун (в ЧИАССР), не затрагивая, однако, Койсубулинского общества⁵.

При написании этой работы было использовано много различных по происхождению источников. Однако по чисто объективным причинам почти не привлекался, например, османский материал, который, как мы полагаем, мог бы дать немало ценной информации, особенно по XVI—XVIII вв. Несомненно также и то, что дальнейшие разыскания в Дагестане — в государственных и частных архивах, на кладбищах и стенах зданий, содержащих плиты с надписями, — позволят внести ряд дополнений и поправок в хронологию и генеалогию правителей Аварии.

1. Абухуасро. Он правил «тушамн, хунзамн и всеми язычниками тех мест». [См.: *Летопись Картли* /Пер., введ., и прим. Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982, с. 40, 41]. Опираясь на достижения современной грузинской историографии, Абухуасро следует относить к 40-м годам VIII в. [См.: *Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д.* Грузинские земли в VII—IX вв. — В кн.: *Очерки истории СССР. III—IX вв.* М., 1958, с. 506].

2. Авар || Аваз. Ибн-Руста говорит, что правитель Сарира — Аварии «зывается Авар», однако, Гардизи пишет, что сарирского «царя называют Аваз». [См.: Ибн-Руста о Дагестане. — В кн.: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963, с. 220; *Бартольд В. В.* Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар. — В кн.: *Бар-*

тольдо В. В. Сочинения. М., 1973, т. 8, с. 40, 61]. Сведения эти относятся, по-видимому, ко второй половине IX в.

3. Бухт-Йишо I. В 292/905 г. правитель Сарира Бухт-Йишо «предательски захватил» дербентского эмира Мухаммада ибн-Хашима. [См.: *Минорский В. Ф. История...*, с. 65, 136].

4. Филан-шах. Масуди пишет, что правитель Сарира «зовется Филан-шах», а ниже добавляет, что Филан-шах это «имя всех царей Сарира». [См.: Масуди о Кавказе. — В кн.: *Минорский В. Ф. История...*, с. 202, 203]. Сопоставление с другими независимыми источниками, анализ самого Масуди и изучение традиции — правда относительно поздней — наименования детей в Дагестане наводят, однако, на мысль, что Филан-шах является не титулом, а именем собственным правителя Сарира 40—50-х годов X в.

5. Бухт-Йишо II. В 416/1025—26 г. дербентский эмир Мансур «женится на Сарийе, дочери Бухт-Йишо, владельца Сарира». [См.: *Минорский В. Ф. История...*, с. 70, 136].

6. Т-ку. Тестем дербентского равса Муфарриджа ибн-Музаффара был упомянутый под 457/1065 г. Т-ку, сын Ф-руджа (вар. К-рудж, К-рух), являвшийся правителем Сарира. [См.: *Минорский В. Ф. История...*, с. 77, 136].

Отметим, что в XVII в. в среде аварской знати встречалось имя Т-к [См.: *Айтберов Т. Материалы по истории Дагестана XV—XVII вв.* — В кн.: *Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с. 99*].

7. Суракат. Предпоследним правителем донсламской Аварии был Суракат (Суракът), сын Сиртана. Имеется его довольно длинная родословная, которая, однако, является источником недостоверным, по крайней мере отчасти. [См.: *Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи.* — В кн.: *Письменные памятники Востока: Ежегодник 1972, М., 1977, с. 104, 105, 108; Айтберов Т. М. О хронике «Тарих Дагестан».* — В кн.: *Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1978, 14; Маллачиханов Б. О прошлом Аварии. Махачкала, 1928, с. 4, 5; Айтберов Т. Осетинские имена у аварцев XIV—XVII вв.* — В кн.: *Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1984, вып. I, с. 51*]. Правление Сураката падает, видимо, на конец XI в.

Суракат — имя арабское. Принадлежность его правителю домусульманской Аварии свидетельствует о существовании

связей между аваро-христианской и арабо-мусульманской верхушкой дагестанского общества.

8. Байар. Сын Сураката по имени Байар правил Аварией вплоть до прибытия в Хунзах мусульманских завоевателей, что имело место, скорее всего, в конце XI — начале XII вв. [См.: *Шихсаидов А. Р.* Хроника..., с. 108; *Масуд ибн Палдар.* Сборник рассказов, писем и стихов /Пред. и указ. В. М. Бейлиса. М., 1970, с. 177—180, 187; Айтберов Т. М., Иванов Л. А. Новые арабские надписи XIII—XIV вв. из Дагестана. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока (далее: ПППИКНВ). М., 1981, ч. 2, вып. 15, с. 38—41; *Маллачиханов Б.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. — Уч. записки Ин-та ист., яз. и лит-ры Дагфилиала АН СССР (далее: ИИЯЛ). Сер. истор. Махачкала, 1965, т. 14, с. 194; *Абаев В. И.* Тюркские элементы в осетинской антропонимии. — В кн.: Теория и практика этимологических исследований. М., 1985, с. 24, 26].

9. Масум. «Тарих Дагестан» говорит, что первым мусульманским правителем Аварии стал один из завоевателей — корейшит Ма'сум-бек, потомок шейха Ахмеда. [См.: *Шихсаидов А. Р.* Хроника..., с. 108].

Отметим в связи со сказанным выше, что имена, состоящие из арабского слова или имени собственного и тюркского титула бек распространяются на Востоке лишь в XIV в. Поэтому наиболее вероятно, что названный первый мусульманский правитель Аварии превратился в «бека» лишь благодаря автору «Тарих Дагестана», то есть не ранее рубежа XVII—XVIII вв.

10. Амир-Ахмад. У Масум-бека, согласно «Тарих Дагестану», был сын Султан, у него сын Чупан, а уже у него Амир-Ахмад, который правил в Хунзахе. Он был убит «неверными» при истреблении мусульман в Хунзахе. [См.: *Шихсаидов А. Р.* Хроника, с. 110, 111; *Магомедов Р. М.* По аулам Дагестана. Махачкала, 1977, с. 44, 85]. Событие это имело место, как представляется, в пределах XII в. [См.: *Мухаммад ибн Наджиб Бакран,* Джихан-наме /Изд., введ. и указ. Ю. Е. Борщевского. М., 1960, с. 58; *Миклухо-Маклай Н. Д.* Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. — Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР (далее: ИВАН). М.; Л., 1954, т. 9, с. 205, 206]. По мнению же Б. Г. Маллачиханова, убийство Амир-Ахмада произошло в начале XIII в. [См.: *Маллачиханов Б.* К вопросу..., с. 194, 195].

11. Амир-Султан. Выходец из прежней доисламской династии Амир-Султан был, согласно «Тарих-Дагестану», сы-

ном Байар-Аббаса (сына Сураката), являющегося, судя по всему, потомком того Байара, которого изгнали из Хунзаха мусульмане. [См.: Шихсаидов А. Р. Хроника..., с. 110, 111]. Амир-Султан пришел к власти, по-видимому, не ранее XIII в. [См., однако, Маллачиханов Б. К вопросу..., с. 195].

Наличие мусульманского имени у «неверного» князя, воевавшего с мусульманами, сидевшими в центре Аварии, не следует считать чем-то странным. Как известно, подобные мусульманские имена были употребимы у христианской знати Кавказа начиная с IX в. в течение нескольких столетий.

12. Сиртан. Он был уже мусульманином и участвовал в разгроме Кумуха в 718/1318—19 г. [См.: Шихсаидов А. Р. Хроника..., с. 111, 112; Айтберов Т. Осетинские имена..., с. 51].

13. Андуник I. В 1485 г. этот Андуник (ГандуникI), носивший титул нуцала, передал власть своему племяннику, по случаю чего было составлено известное «Завещание». В одном из списков этого документа Андуник-нуцал I назван сыном Ибрахима. [См.: Айтберов Т. М. Материалы..., с. 83—88].

14. Булач. В 1485 г. этому Булачу, носившему титул нуцала и являвшемуся сыном брата Андуник-нуцала I была передана власть над Аварией. [См.: Айтберов Т. М. Материалы..., с. 83—85]. Согласно эпитафии Сурхай-хана Аварского (уб. в 1834 г.), отцом Булач-нуцала был Мухаммад-Мирза-нуцал, сын Дургу-нуцала, сына Сиртан-нуцала. [См.: Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1968, ч. 2, с. 98]. В эпитафии говорится также, что у Булач-нуцала был сын Умма-нуцал, ставший отцом Амир-Хамза-нуцала. [См.: Лавров Л. И. Указ соч., ч. 2, с. 98]. Эта эпитафия, однако, источник не совсем достоверный.

15. Андуник II. Он упоминается в качестве правителя Аварии в подлинных документах, надписях на камне и в «Родословной аварских нуцалов и удельных князей» под 954/1547—48 г. и 961/1553—54 г. [См.: Айтберов Т. М. Плита с орнаментом из Хунзаха. — В кн.: Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979, с. 188, 189; Он же. К вопросу о рабстве в Дагестане в XVI—XVII вв. — ПППИКНВ. М., 1977, вып. 12, с. 54; Он же. Источники по истории Аварии XVI—XVII вв. — В кн.: Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980, с. 184—186]. Умер Андуник-нуцал II в 1569 г. [См.: Айтберов Т. М. Источники..., с. 187, 191]. Известно, что у него был сын Ахмад, упоминаемый под 954/1547—48 г., а

также еще один сын Барти и родной брат Турурав, оба были убиты в 1570 г. [См.: *Айтберов Т. М.* Плита..., с. 189; *Он же.* Источники..., с. 184—186, 191, 192].

16. Тучалав. По сообщению турецкого автора XVI в. Али Челеби («Нусрат-наме»), в 1577—1578 гг. правителем Аварии был «Тоджа Лав Бурхан ад-Дин», которому Османский двор пожаловал лезгинские земли, лежащие вокруг Шалбуздага — «санджак Ахты и Ихир». [См.: *Эфендиев О.* Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в., Баку, 1981, с. 150, 156]. Зная дагестанскую ономастику и особенности передачи неарабских звуков арабскими буквами, не трудно догадаться, что вместо «Туджа Лав» читать следует «Тучалав». Что же касается «Бурхан ад-Дин» (в переводе с арабского на русский «Аргумент религии»), то это, скорее всего, почетный титул аварского правителя.

17. Кан-Булат. В 1589 г. скончался безымянный нуцал Аварии, который, по сообщению кахетинцев русским, являлся братом правителя Гумбста Кара-Кнши, сына Турурава — брата Андуник-нуцала II. После этого нуцалом намечали сделать сына покойного по имени Канбулук, но что из этого вышло — неизвестно. [См.: *Белокуров С.* Сношения России с Кавказом. М., 1889, с. 117, 118, 129, 132, 133; *Айтберов Т. М.* Источники..., с. 191—192; *Лавров Л. И.* Указ. соч., ч. 2, с. 169—171].

Имя Канбулук (Къан-булакъ «Кровавый родник»?) неизвестно тюркам послемонгольского времени, а тем более аварцам и другим дагестанцам. Поэтому мы считаем возможным исправить его на Кан-Булат (по-аварски — Гъанбулат), ибо последнее имя имеется у жителей горного Дагестана.

18. Мухаммад I. У князя Кушканти-Кихилава (*Кишканти-Килъилав*), сына князя Барти (уб. в 1570), сына Андуник-нуцала II, был сын Мухаммад-нуцал. Правил он, видимо, на рубеже XVI—XVII вв. У этого «подло убитого» Мухаммад-нуцала I был сын Барти-Кихилав. [См.: *Айтберов Т. М.* Источники..., с. 184—186, 192].

19. Шамхал. У князя Мухаммад-Шамхала, сына князя Турурава (уб. в 1570 г.) был сын Шамхал-нуцал (в устной речи, видимо, Шванхал-нуцал). Правил он, судя по «Родословной аварских нуцалов и удельных князей», на рубеже XVI—XVII вв. При этом, однако, не исключено, что Шамхал-нуцал умер в 1004/1595—96 г. [См.: *Айтберов Т. М.* Источники..., с. 185, 192; *Айтберов Т. М., Шихсаидов Л. Р.* Из дагестанских памятных записей. — В кн.: Восточные источ-

пикн..., с. 124]. *Л. И. Лавров* ошибочно полагал, что Шамхал-нуцал правил в начале XVIII в. [См.: *Лавров Л. И. Указ. соч., ч. 2, с. 171*].

20. Ибрахим. В сел. Хуштада Цумадинского района, на стене мечети имеется надпись: «Эта мечеть построена в тысяча девятом (1600—1601) году от хиджры Мухаммеда в правление (хилафа) Фатишах-Ибрахима». Обнаружена она, впервые прочтена и переведена А. Р. Шихсаидовым. [См.: *Шихсаидов А. Р. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969, с. 76*]. Как мне кажется, есть основания считать этого Патишах-Ибрахима тем самым правителем Аварии по имени Ибрахим, о борьбе с которым говорят предания сел. Карата. [См.: *Магомедов Р. М. Дагестана. Исторические этюды. Махачкала, 1971, с. 163, 164*].

21. Махди. В отписке терского воеводы от 1614 г. упоминается «уварский Махтей-князь», которого *Л. И. Лавров* отнёс, по-моему—обоснованно, к числу правителей Аварии. [См.: *Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958, с. 37; Лавров Л. И. Указ. соч., ч. 2, с. 169, 171*].

22. Умма I. Сын Шамхал-нуцала, Умма-нуцал (Гуммануцал) I умер в 1044/1634—35 г. [См.: *Айтберов Т. М. Источники..., с. 184—192*].

23. Амир-Хамза. У князя Барти-Кихилава (*Барти-Килъилав*), сына Мухаммад-нуцала I, был сын Амир-Хамзануцал, которого «подло» убили вместе с двумя его сыновьями (имя одного из них Барти) в 1646 г. [См.: *Айтберов Т. М. Источники..., с. 184—191*]. У этого Амир-Хамзануцала, впервые упомянутого в качестве правителя Аварии под 1051/1641—42 г. были, кроме сыновей, ещё три дочери: Ай-меседо, жена Али-хапа (Турлова?), Кихилай (*Килъилай*), Шамай, жена Али-бека (Турлова?). [См.: *Айтберов Т. М. Матернали..., с. 98—101; Айтберов Т. М., Оразов Г. М. Тюркизмы в аварском языке XVII в. — В кн.: Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982, с. 50—52*].

24. Мулдар-Мирза. По убеждению руководства Посольского приказа России, к 1650 г. правителем Аварии был Мулдар-Мирза. [См.: *Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями, от 1639 по 1770 г. СПб., 1861, с. 58; Лавров Л. И. Указ. соч., ч. 2, с. 169, 171*].

25. Дугри I. В эпитафии этого Дугри-нуцала (Дугъри-нуцал) указано, что он был сыном Умма-нуцала, а последний, как видно из «Родословной аварских нуцалов и удельных князей», являлся сыном Шамхал-нуцала. Дугри-нуцал I, впервые упоминаемый в качестве правителя Аварии под

1067/1656—57 г., скончался в 1078/1667—68 г. [См.: *Лавров Л. И.* Указ. соч., М., 1966, ч. I, с. 164, 165; *Айтберов Т. М.* К вопросу о рабстве..., с. 53; *Он же.* Материалы..., с. 99]. У Дугри-нуцала I, именовавшегося также и Дугри-ханом, был сын Мухаммад-нуцал || Мухаммад-хан, который стал его наследником. [См.: *Айтберов Т. М.* Источники..., с. 188, 189, 192; *Айтберов Т. М.* Эпистолярные и документальные материалы о классовой борьбе в Аварии, Казикумухе и Табасаране в XVII в. — В кн.: *Классовая борьба в до-революционном Дагестане.* Махачкала, 1983, с. 149].

26. Мухаммад II. Памятные записи и колофоны рукописей упоминают этого Мухаммад-нуцала I, в качестве правителя Аварии под 1080/1669—70 г. и 1099/1687—88 г., из чего можно заключить, что он унаследовал место отца. Известно, что у Мухаммад-нуцала II был сын Умма-хан. [См.: *Айтберов Т. М.* Источники..., с. 188, 189, 192].

27. Умма II. Он был сыном Мухаммад-нуцала II и имел сына Дугри-нуцала II. Правил этот Умма-нуцал II в конце XVII в., видимо, недолго, в промежутке между 1687/88 г. и 1699 г. [См.: *Айтберов Т. М.* Источники..., с. 188; *Рукоп. фонд ИИЯЛ*, ф. 14, № 1; *Лавров Л. И.* Указ. соч., ч. 2, с. 169, 171]. А. Бакиханов видел документы, выписанные на имя этого «Умма-хана» иранской канцелярией времени шаха Сулеймана (1666—1694). [См.: *Бакиханов А.* Гюлстан-Прам. Баку, 1926, с. 99].

28. Дугри II. Он дважды упомянут в тексте «Соглашения хунзахцев с людьми, пожелавшими переселиться на их земли, расположенные в местностях Нита, Накитль и Маллиданаха» от 1110/1699 г., как «их эмир Дугри-нусал-хан, сын Умма-нусала» и просто «их эмир Дугри-нусал». [См.: *Рукоп. фонд ИИЯЛ*, ф. 14, № 1; *Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР*, М., 1977, вып. I, с. 20—25; *Лавров Л. И.* Указ. соч., ч. 2, с. 169, 171].

29. Умма III. В приписке к тексту «Соглашения, заключенного между Хунзахом и Нита» от 1787 г. сказано, что в Аварии имело место убийство и «жалоба об этом дошла до Умма-хана-нуцал-хана в 1118 (1706—1707) году». [См.: *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX веков. Махачкала, 1957, с. 100]. Это сообщение, однако, требует дополнительных подтверждений, прежде чем его можно будет признать за полностью достоверное.

30. Мухаммад III. В 1120/1708—709 г. умер «брат Мухаммад-нуцала» по имени Умма-хан. В 1134/1721—22 г. «во время [правления] Мухаммад-нусала» Дагестан поразила чума, а на плоскость пришел аксар (>акъсар «белый царь»). т. е. Петр I. [См.: *Айтберов Т. М.* Источники..., с. 188—190].

31. Умма IV. В качестве правителя Аварии, «которого называют Авар-усмей или усмей над аvaraми; имя его Умухан» он впервые упомянут под 1727 и 1728 годами. [См.: Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. — В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. (далее: ИГЭД) /Под ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева. М., 1958, с. 113]. В письме на имя некоего Кулизана (*Кулизан*), написанном не ранее 1730 г., этот аварский правитель именует себя султаном хунзахцев (хунз) Умма-ханом. [См.: Рукоп.

фонд ИИЯЛ, ф. 15, № 1545]. В 1142/1729—30 г. «в селении Ках Умма-хан-нусал убил двух своих братьев — Ханкалава и Мухаммада», сына Турурава. В 1148/1735—36 г. «Умма-хан-нусал был убит». [См.: Айтберов Т. М. Источники..., с. 188—190]. Следовательно, вполне вероятно, что Умма-хан-нуцал IV был выходцем из правившей Гумбетом и Чечней фамилии Турловых, которая происходила от Турурава Глупца (уб. в 1570 г.) — брата Андуник-нуцала II.

32. Мухаммад IV. В 1143/1730—31 г. «у Умма-хана родился Мухаммад-нусал» [См.: Айтберов Т. М. Источники..., с. 188]. По хунзахским преданиям, этот Мухаммад-нуцал IV являлся сыном Умма-нуцала по прозвищу Старший (*Кидияв*) Булач, сына Дугру-нуцала. [См.: Магомедов Р. М. По аулам..., с. 62, 63; Материалы личного архива автора]. Опираясь на письменные источники и привлекая названные предания можно высказать, однако, предположение, что Мухаммад-нуцал IV был сыном князя Умма-хана, сына князя Булача, сына Дугри-нуцала II. Впрочем, не исключено и то, что Мухаммад-нуцал IV являлся сыном Умма-хан-нуцала IV. Дело в том, что в одном ряду памятных записей, сразу после сообщения о рождении Мухаммад-нуцала «у Умма-хана» говорится, что в 1145/1732 г. «у него родилась [дочь] Бахуч-мисуду», а в «Истории происхождения рода уцмиев и кайтагских беков», сказано, что женой уцмий Амир-Хамзы (ум. 1788 г.) была Пахуч-бика, дочь аварского нуцала; у Х. А. Омарова имеется подлинное письмо: «От Бахуч — жены Амир-Хамза-усуми... жителям Хузари», т. е. сел. Ицари. [См.: Айтберов Т. М. Источники..., с. 189; Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 286, с. 64].

В 1156/1743—44 г. Мухаммад-нуцал IV женился на Баху, дочери Хан-Мухаммада, сына кайтагского уцмий Ахмад-хана. Она родила ему четверых детей, трёх дочерей: Хистаман (*Хьистаман*), Ай-Миси, Бахтика и одного сына — буду-

щего нуцала Умма-хана V. [См.: Приложение I, III; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее: АКАК). Тифлис, 1868, т. II, с. 1082; Материалы личного архива автора]. Эта Баху умерла в 1181/1767—68 г. [См.: *Айтберов Т. М.* Источники..., с. 189]. Второй женой Мухаммад-нуцала IV была грузинка Марйам, которая родила ему двух сыновей: будущего нуцала Гебека и Сурхайя, который участвовал в боевом походе 1784 г., а умер в 1201/1786—87 г. [См.: *Айтберов Т. М.* Источники..., с. 189, 190; *Гамрекели В. П.* Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии: Документы и материалы. Тбилиси, 1980, вып. 1, с. 158].

Упомянутые выше дочери Мухаммад-нуцала IV вышли замуж за следующих лиц: Хистаман — за Али-Султана Мехтулинского, которому она родила Хасан-хана и Султан-Ахмад-хана, будущего правителя Аварии; Ай-Миси — за Шах-Мардана, сына Мухаммад-хана Казикумухского, которому она родила Аслан-Хусейн-хана, также управлявшего Аварией в свое время; известная в аварском фольклоре Бахтика — за Ибрахим-Халил-хана Карабахского (1759—1806), которому она (в Карабахе её называли Бике-ага, дочь Нуцал-хана Лезгинского) родила Ахмед-хана, Ханлар-агу и Султанет-бегум. [См.: Приложение II III; Родословие Ибрахим-хана и его детей. — АКАК, т. II, с. 695]. Кроме них, у Мухаммад-нуцала была еще дочь по имени Султан-зада, бывшая замужем за одним из членов фамилии табасаранских кадиев. [См.: *Айтберов Т. М.* Из эпиграфических находок 1982—1983 гг. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1982—1983 гг. Махачкала, 1984, с. 34]. Следует отметить, что в конце 70-х годов XVIII в. эта Султан-зада, «сестра омарханова» из политических соображений «помолвлена была за... царевича Вахтаंगा», сына грузинского царя Ираклия, «но не отдана в замужество по препятствиям магометанского духовенства». [См.: *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869, ч. I, с. 337].

У Мухаммад-нуцала IV был брат Мухаммад-Мирза, женатый на Фатиме, родственнице Хасай-Мусы Аксайского. Последняя родила этому Мухаммад-Мирзе дочь Кихилай (*Килъилай*). [См.: Приложение, II, III]. У Мухаммад-Мирзы был еще и сын по имени Махди, который скончался в 1180/1766—67 г. [См.: *Гайдарбеков М.* Хронология истории Дагестана — Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 236, т. 13, с. 253].

Другим братом Мухаммад-нуцала IV был Булач, вероятно, тот самый, который известен в аварском фольклоре как Младший (*Тинав*) Булач. [См. Приложение III].

Оба нуцальских брата — Мухаммад-Мирза и Булач были убиты одновременно в 1186/1772—73 г. [См.: *Айтберов Т. М., Шихсаидов А. Р.* Из дагестанских памятных записей, с. 126]. В 1774 г. был убит и сам Мухаммад-нуцал. [См.: *Лавров Л. И.* Указ. соч., ч. 2, с. 168].

33. Умма V. Он был сыном Мухаммад-нуцала IV от Баху, дочери Хан-Мухаммада Кайтагского. Год его рождения 1175/1761—62 г. [Материалы личного архива автора]. Год его смерти — 1801, дата — 22 марта. [См.: *Айтберов Т. М.* Источники..., с. 189, 190].

У Умма-хана V было три жены: Хистаман, из рода правителей Кайтага (была жива еще 1828 г.), от которой родилась Баху-меседо-бика, выданная замуж за Султан-Ахмада, сына Али-Султана Мехтулинского; Кихилай — дочь Мухаммад-Мирзы, брата Мухаммад-нуцала IV, от которой детей не было; Дарижа (была жива еще в 1807 г.), то есть Дареджан, дочь владельца крепости Вахани Евгена Абашидзе, родившая Умма-хану V девочку по имени Йахсай-Патимат (ум. в 1229/1813—14 г.). [См.: Приложение II, III; *Хрисанф.* Сведения об Аварском ханстве, 1828 г. — ИГЭД, с. 267; Краткая записка о мехтулинском ханском доме. — В кн.: *Феодальные отношения в Дагестане XIX — начало XX в.* Архивные материалы /Сост., предисл. и прим. Х.-М. Хашаева. М., 1969, с. 35; АКАК. Тифлис, 1866, т. 1, с. 289; АКАК. Тифлис, 1869, т. III, с. 343; *Лавров Л. И.* Указ. соч., ч. 2, с. 97; *Материалы личного архива автора*].

34. Гебек. Сын Мухаммад-нуцала IV от грузинки Марьям. Править он начал после смерти своего брата Умма-хана V, то есть с весны-лета 1801 г. Убили Гебека между 5 января — 4 февраля 1802 г. От женщины, именуемой в текстах Шук (Шукь), настоящее имя которой было якобы Лбба-бика, Гебек имел сына Сурхая (уб. в 1834 г.). [См.:

Записка о сношениях с аварскими ханами с 1800-го года по 1838 год. — ИГЭД, с. 353—359; *Лавров Л. И.* Указ. соч., т. 2, с. 98, 167, 168, 171; *Материалы личного архива автора*].

35. Султан-Ахмад. Он был сыном Али-Султана Мехтулинского от Хистаман, дочери Мухаммад-нуцала IV. Его первой женой была Баху-меседо-бика, дочь Умма-хана V, а второй — Кихилай, дочь Мухаммад-Мирзы, которая первым браком была за Умма-ханом V. Правил Султан-Ахмад с января — февраля 1802 г. и по август — сентябрь 1823 г. От Кихилай детей у него не было, а от Баху-меседо-бики Султан-Ахмад-хан имел четверых: дочь Умм-Султанат примерно 1811 г. рождения, известную в русской литературе как Селтанета, которая была выдана за Абу Муслима, сына Махди-шамха-

ла; сына и наследника Абу Султан-нуцал-хана примерно 1813 г. рождения; сына Умма-хана примерно 1816 г. рождения; сына Булача примерно 1822 г. рождения. [См.: Приложение II, III; *Хрисанф*. Сведения..., с. 267; *Скалон Ф. П.* Сведения об Аварском ханстве, 1829. — ИГЭД, с. 276, 277; *Краткая записка...*, с. 36, 39].

Следует здесь отметить, что в 1819 г. в противовес Султан-Ахмад-хану российская имперская администрация провозгласила ханом Аварии Сурхайя, сына покойного Гебек-нуцала. [См.: *Лавров Л. И.* Указ. соч., ч. 2, с. 167; *Записка о сношениях...*, с. 353—359]. Он, однако, в Хунзахе поселиться не смог, ибо там находился Султан-Ахмад-хан, пользовавшийся поддержкой хунзахцев. По мнению вышеназванной администрации, «некоторое влияние» Сурхайя в Аварии имело своей основой всего лишь предоставленную ему Россией «печать, за коею аварцы приходили для торговли и промысла к нам». [См. *Записка о сношениях...*, с. 355]. Пожалованные этому Сурхайю (одновременно с Абу Султан-нуцал-ханом) царским правительством в 1830 г. инвеститурные знаки и грамота с утверждением его «владельческим» ханом «в области Аварской» до него (в отличие от Абу Султан-нуцал-хана) так и не дошли, будучи «удержаны». [См.: *Материалы по истории Дагестана и Чечни* /Под ред. Р. Магомедова. Махачкала, 1940, с. 129, 136—138; *Записка о сношениях...*, с. 356, 357].

36. Абу Султан — сын Султан-Ахмад-хана и Баху-меседо-бика, дочери Умма-нуцала V. Именовавшийся правителем (вали) Аваристана Абу Султан-нуцал-ханом, он правил с 1823 г. вплоть до 1834 г., когда был убит вместе с братом Умма-ханом мюридами имама Хамзата [См.: *Лавров Л. И.* Указ. соч. М., 1980, ч. 3, с. 97; *Записка о сношениях...*, с. 359]. В этом же году были убиты мюридами Баху-меседо-бика, Кихилай, «все» ханские родственники, проживавшие в Хунзахе, кроме Булача, сына Султан-Ахмад-хана, которого вывезли в Гимры, где он вскоре и окончил свою жизнь; «в это же время умерщвлен и ничтожный» Сурхай, сын Гебек-нуцала. [См.: *Записка о сношениях...*, с. 359].

У Абу Султан-нуцал-хана было две жены. Первая — Хайбат, дочь Махди-шамхала (1797—1830), которая в конце 1834 г. родила от убитого мужа сына Султан-Ахмада, объявленного петербургским двором «законным наследником Аварии»; в начале 50-х годов XIX в. этот Султан-Ахмад умер. Второй женой выше указанного нуцала была простая крестьянка, от которой родился сын Мирза-бек (убит в 1854 г.), оставивший после себя сына Сурхайя. [См.: *Записка о сношениях...*, с. 359, 361; *Краткая записка...*, с. 39—42].

Во «время малолетства» Султан-Ахмада, сына Абу Сул-

тан-нуцал-хана, «согласно желанию самих аварцев», правителем Аварии в 1834 г. российской администрацией был временно назначен Аслан-Хусайн-хан Казикумухский, сын Ай-Миси, дочери Мухаммад-нуцала IV. Он правил Аварией до 1836 г., после чего его сменил сын по имени Нуцал-Ага, скончавшийся, однако, в августе того же 1836 г. Управление Аварией получил тогда младший брат Нуцал-Аги по имени Мухаммад-Мирза, который, впрочем, вскоре «решился для отстранения от себя ответственности пред правительством просить увольнения от звания правителя Аварии». По просьбе хунзахцев на его место в том же 1836 г. русскими был назначен Ахмад-хан Мехтулинский, сын Хасап-хана и внук Хистаман-бини, дочери Мухаммад-нуцала IV. Он находился на своей должности вплоть до 1843 г., когда его функции перешли к тройке: старшине Айтберу, беку Химмату (сыну Кара-Гиши) и кадню Мухаммаду. В ноябре того же 1843 г.

Авария перешла в руки Шамиля. В таком положении она пребывала до 1859 г. [См.: Записка о сношениях..., с. 360, 361; Краткая записка..., с. 39, 40; *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1961 с. 42].

37. Ибрахим II. Российская администрация назначила 4 августа 1859 года «ханом Аварии» Ибрахима, сына Ахмад-хана Мехтулинского. В 1864 г. он был, однако, отстранен от власти, а ханство Аварское преобразовано в Аварский округ. [См.: Краткая записка..., с. 42; *Хашаев Х.-М.* Указ. соч., с. 68].

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Güldenstädt J. A. Reise durch Russland und im Caucasischen Gebürge.* Spb., 1787, S. 485; *Klaproth J. Kaukasische Sprachen.* Berlin, 1814, S. 8, 10; Дагестан в русской литературе. /Сост., вступ. статья и комм. У. Далгат и Б. Кирдан. Махачкала, 1960, с. 83.

² Об этом см.: *Баргольд В. В.* Дагестан.— Сочинения. М., 1965, т. 3, с. 410.

³ *Абу Мухаммад Ахмад ибн Асим ал-Куфи.* Книга завоеваний. /Пер. З. М. Буниятова. Баку, 1981, с. 53—55; Ибн Руста о Дагестане..., с. 219—220.

⁴ *Айтберов Т. М.* Материалы, с. 84.

⁵ *Хрисанф.* Сведения, с. 265—274; Сведения о податных сселениях Аварского ханства и податях, которые жители платят хану.— В кн.: Феодальные отношения..., с. 262—266.

Здесь мы даем отдельные ранее неизвестные в широких научных кругах арабоязычные материалы, имеющие прямое отношение к изучаемому вопросу.

І. ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСИ

В Рукописном отделе Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина под номером 257 хранится рукописный сборник, написанный черными чернилами, каламом, почерком насх на листах российской бумаги второй половины XIX—XX вв. Датируется он, видимо, второй половиной XIX — нач. XX в. Сборник этот состоит из «Дербсиднаме» на арабском языке, ниже приводимых в переводе памятных записей и «Истории Абу Муслима».

Текст в переводе

Пришли войска (*'аскар*) Тахмаз-хана в Хайдак и полностью разрушили селения (*кария*) кайтагцев^а в 1155/1742—43 году, после чего их вождь (*сайид*) прибыл к Мухаммад-нусалу.

Обитатели дома (*байт*) Ахмад-хана-усуми бежали от них (иранцев — Т. А.) в Авар. Он вместе со своими детьми (*'аййил*) пробыл целый год возле эмира Авара.

Затем, в тысяча сто пятьдесят шестом (1743—1744) году от хиджры пророка Мухаммеда, Ахмад-хан-усуми^б выдал замуж за Мухаммад-нусала, сына покойного 'Умма-хана,

Баху — дочь своего покойного сына Хан-Мухаммада. В [том же] 1156 году Ахмад-хан-усуми^в вместе с обитателями своего дома возвратился на свое место в [Хайдак].

Затем, в тысяча сто пятьдесят седьмом (1744—1745) году после хиджры Мухаммеда Баху прочла Коран.

а) В тексте: «их».

б) В тексте: «он».

в) В тексте: «он».

II. РАЗЪЯСНЕНИЕ О СОБЫТИЯХ, ПРОИЗОШЕДШИХ В ВИЛАЙАТЕ АВАР

Эта арабоязычная записка, автором которой является довольно известный ученый начала XIX в. Хадис из сел. Андих (в нынешнем Советском районе ДАССР), доступна автору этих строк в одном списке, датированном 1973 г. Последний включен его переписчиком, проживающим в сел. Ботлих (ДАССР), Абдулмаликом Муртазаевым из сел. Мнарсо Ботлихского района ДАССР, в созданный им самим сборник различных по содержанию текстов на арабском и аварском языках (исторический материал представлен в нем, кроме «Разъяснения о событиях» еще и целым рядом памятных записей по истории Дагестана).

Текст в переводе

Это — разъяснение о событиях, произошедших в вилайате Авар.

Эмиром его и жителей Дагистана был 'Умма-хан, сын Нусал-хана. Он был эмиром щедрым, храбрым и искусным. Сына у него не было. Добродетели и достоинства его были неисчислимыми.

Он пошел было на священную войну с Курджистаном, но [это] ему не удалось. Он вернулся с дороги, осел в вилайате Чар и умер в 1215/1800—1801 году. Могила его там же.

После того его владением (*мулк*) и государством (*мамлака*) стал управлять его брат Кибик, который был рожден от невольницы (*джарийа*) по имени Марйам. Эмиром он пробыл в течение небольшого промежутка времени — около года, а затем в месяце рамадан 1216/1802 [года] его убила жена 'Умма-хана по имени Кихилай, которая была дочерью Мухаммад-Мирда, его дяди по линии отца.

В вилайат Авар пришел затем Султан-Ахмад, сын 'Али-Султана, и стал управлять его владением и государством с согласия Авара. Он стал истинным эмиром и женился на

Кихилай, а был он сыном сестры 'Умма-хана и мужем Бахубики. Тот рамадан был началом эпохи его [правления], а умер он в зу-л-хиджжа 1238/1823 [года]; на эмирство он претендовал еще и до Кибика.

Автор этой [записи] событий — Хадис ал-Хандихи.

Я записал эту историю в Булихе, 15-го джумада ал-ула 1393/1973 [года] по хиджре, когда был там кадием. Я, — записавший, — кадий округа (*нахийа*) Булих 'Абд ал-Малик, сын ученого Муртада ал-Ми'арси.

III. ПЕРЕЧЕНЬ РОДИЧЕЙ УММА-ХАНА АВАРСКОГО И ЕГО ПОТОМСТВА

Источник этот, составленный, возможно, известным ученым второй половины XIX в. Али из сел. Салта (в нынешнем Гунибском районе ДАССР) доступен мне в двух списках:

Первый (А) — включен в рукописный сборник исторических материалов, хранящийся в Рукоп. фонде ИИЯЛ (ф. 15, № 2646, л. 146—15а) и датируемый второй половиной XIX — нач. XX вв.

Второй (Б) — включен в рукописный сборник исторических материалов, хранящийся у ст. научного сотрудника Института ИЯЛ М.-С. Д. Саидова и датируемый второй половиной XIX — нач. XX вв.

Текст в переводе

'Умма-хан — сын Нусала, а Мухаммад-Мирза-хан и Булач его братья. У Нусала было три дочери: первая из них Айн-миси^а — жена Сурхай-хана ал-Кумуки^б; вторая Хиста-

а) Б — «Ай-миси».

б) Б — «ал-Гумуки».

ман-бика^а — жена 'Али-Султана, сидевшего в селении (карийа) Ухли; третья Бахтика — жена эмира [города] Шушу^б.

У 'Умма-хана была дочь, именуемая Баху-бика — жена эмира Султан-Ахмад-хана, сына эмира 'Алисултана ал-Ухли. 'Умма-хан скончался в Чарах^в и могила его [находится] в чарахской^г мечети.

У 'Али-Султан-хана^д ал-Ухли было два сына: Султан-Ахмад-хан и Хасан-хан. Султан-Ахмад-хан осел в Хунзахе на троне 'Умма-хана, женившись^е на его дочери Баху-бике. Хасан-хан же осел в Кака-Шуре на троне своего отца [и стал] править Махди-улу.

У Хасан-хана было два сына: Ахмад-хан и 'Али-Султан-хан. Ахмад-хан стал править Аваристаном и Махди-улу

а) В списке А к этому имени присоединена маргиналия: «Тиран Махди-шамхал отправил её в Сибир, когда произошла ссора между ним и её сыном Хасан-ханом. А ведь она — мать его жены!» Этот текст имеется в списке Б. Там, однако, в конце добавлена фраза: «Вы только подумайте!»

б) Б — «Шуша».

в) Чарах (Чарихъ) в переводе с аварского «в Джаре».

г) В списке А букв.: «их»; в списке Б — «его».

д) В списках А, Б к этому имени присоединена маргиналия: «У него был бездетный брат, именуемый хаджжи Ахмад-хан. Он осел в Дургели (Даркали)». В списке Б к имени Али-Султан-хан сделана приписка, стоящая над строкой: «Его могила в Ухли».

е) В списке Б к слову «женившись» присоединена маргиналия: «Затем он женился на Кихили-бике, дочери Мухаммад-Мирзы».

[обоими] вместе. 'Али-Султан же осел в Қақа-Шуре, получая харадж [с] Қақа-Шура^а.

С собственноручной записи превосходного и совершенно-го ученого 'Али ас-Салти^б.

а) Б — «Қақа-Шура и [Дургели—?]».

б) Б — «совершенного, единственного в свою эпоху ас-Салти 'Али».

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

К ВОПРОСУ ХРОНОЛОГИИ ТАБАСАРАНСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

По имеющимся отрывочным данным трудно восстановить последовательность правления дагестанских владетелей, в частности табасаранских майсумов и кадиев, поскольку исторические документы, говорящие о них, не называют их имён, так как составители этих документов часто принимали титулы майсум или кадий за собственные имена.

В связи с военными событиями IV в. н. э. в Закавказье, армянский автор Егише сообщает о земле «Таваспаров», о «всём корпусе Таваспарана»¹. Табасаранских правителей армянские источники называют «пахарарами», что в переводе с армянского языка означает «вожди», «начальники», в персидских же источниках они называются эмирами, шахами.

Сасанидские завоеватели застают в Табасаране местных владетелей. Персы, затем арабы назначали правителями в завоёванных областях Дагестана своих ставленников. Важен сам факт существования государственной власти в Табасаране до и в период нашествий персов, арабов и других завоевателей.

Как сообщает Масуди (в 932 г.) Табасараном управлял племянник (сын сестры) эмира Абд ал-Малика из Баб ал-абваба. «В горах Кабх, царству Ширван соседствует царь Табаристана (т. е. Табасарана), а (он) в настоящее время мусульманин сын сестры Абд ал-Малика, который был амиром Баб ал-абваба». Около 327 г. х. || 939 г. в Табасаране правил Хайсам б. Мухаммад б. Йазид. В 337 г. х. || 948 г. другой Хайсам б. Мухаммад был назначен правителем в Табасаран. В 416 г. х. || 1025 г. Хайсам брат Йазиды, сын Ахмада Ширванского, умер в «поместье Мухаммада» (Хумайдийа) в Табасаране. В 457 г. х. || 1065 г. Хурмуз, внук Йазиды, похоронен в поместье Ирсид (Эрсид, Ерсид), с которым он, как полагают, был наследственно связан через мать. Термин майсум, как и титулы остальных феодальных владетелей не встречается ни в «Тарих-Баб ал-абвабе», ни в других источниках².

О политической структуре Табасарана второй половины XI—XII вв. Абу-Хамид ал-Лидалуси ал-Гарнати (XII в.) сообщает: «В стране Дербенд Баб ал-абваб (живёт) народ, называемый от — табарсалан. Там двадцать четыре рустака, в каждом из которых находится начальник, наподобие

эмиру»³. Рустаки, о которых говорит ал-Гарнати, это группа деревень⁴. Слово «начальник» в данном тексте переводится как старшина или амир. Видимо, владельцы рустак были зависимы от центральной власти, от правителей Табасарана, так как последний постоянно, до второй половины XVI в., выступает как верховный правитель всего Табасарана.

По имеющимся историческим данным единое табасаранское владение распалось во второй половине XVI в. В связи с событиями конца XVI в. источники упоминают о двух феодальных правителях Табасарана — о майсуме и кадии. Есть известие о приезде в Москву табасаранского Максута, посла князя, который был отпущен домой в 1596 г.⁵ В связи с событиями 1593 и 1597 гг. источники упоминают о табасаранском князе Кадит (по-видимому, кадий — М. Г.) Зихрарова сыне⁶. Если Кадит в данном случае искажённое кадий, то уже эти сведения дают основание говорить о двух правителях Табасарана — о кадии и майсуме, следовательно, уже во второй половине XVI в. Табасаран распался на два самостоятельных политических образования. Согласно архивным материалам конца XIX в., раскол единого феодального владения — майсумства Табасаранского — произошёл 300 лет назад, т. е. приблизительно в 70-х — 80-х гг. XVI в.⁷ С этого времени табасаранские правители разделяются на две ветви: майсумы и кадии.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ешише*. О Вардане и Армянской войне//Критич. издание текста, выполненное Е. Тер-Минасяном. Ереван, 1957, с. 94.

² *Масуди*. Луга золота и рудники драгоценных камней — СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 42—43; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963, с. 12; *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969, с. 97, 111 и др.

³ *Генко А. Н.* Арабский язык и кавказоведение. — Труды Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1941, вып. 36, с. 103.

⁴ *Баргольд В. В.* Отчёт о поездке в Среднюю Азию в 1892—1894 гг. — Записки Академии наук, VIII. Сер. историко-филологич. СПб, 1897, т. 1, № 4, с. 30.

⁵ *Белокуров С.* Сношения России с Кавказом. М., 1889, с. 579.

⁶ Там же, с. 293.

⁷ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 7-а, л. 4.

КАДИИ АКУШИНСКИЕ

Акуша-Дарго, известное также под названием Акушинского союза — это территориальное и военно-политическое объединение (союз) пяти верхнедаргинских союзов сельских общин (Акушинского, Усишинского, Мугинского, Мекегинского и Цудахарского), образовавшееся примерно в XIII—XIV вв.¹ Союз находился в среднем Дагестане. С севера он граничил с Мехтулинским ханством и шамхальством Тарковским, на юге — с Сюргинским союзом, на востоке — с уцмийством Кайтагским и союзом Каба-Дарго, на западе — с Андалалом и Кузикумухским ханством.

Во главе Акуша-Дарго стоял акушинский кадий. В его руках находилось духовное и светское управление союза. Это было высшее должностное лицо, сосредоточившее в своих руках всю полноту власти.

Звание акушинского кадия «было наследственно в роде или тухуме кадиевском»² из Верхнего аула (*Хъарша*), хотя формально наследование должности, подобно должности и власти уцмия или шамхала, было завуалировано пережитками народоправства. Преемник кадия, если даже являлся представителем кадиевского рода и прямым наследником, вступал на эту должность не механически после смерти кадия или же после отказа его от власти, а выбирался на народном сходе, который созывался на специальной поляне под названием «Холарги кадала хар» («Холарги къадала хъар»), расположенной в нескольких километрах от селения Акуша³. Но такого случая, чтобы при выборе главного кадия обошли кадиевский род — не было⁴.

Первым, известным нам по имеющимся источникам, акушинским кадием был Гаджи-Махмуд, сын Магомеда, живший, как можно судить по имеющейся записи, в конце XVI — начале XVII вв., который назван кадием эпохи (*ал-аср*). Гаджи-Махмуд упоминается в связи с описанием сражения верхнедаргинцев и сюргинцев с персидскими войсками шаха Аббаса I в 1020 г. х. (1612 г.)⁵. В связи с этими сведениями и, исходя из наследственности власти акушинского кадия, представляется возможным предположить, что в конце XVI в. кадием Акуша-Дарго был отец Гаджи-Махмуда — Магомед.

К сожалению, после кадия Гаджи-Махмуда мы не располагаем сведениями по большому историческому отрезку времени — вплоть до 80-х годов XVII в. В записи рукопис-

ной книги Ал-Газали под названием «Закр ал-маат», сделанной в 1096 г. х. (1685 г.), упоминается кадий Акуши Абд-ал-Халим (Абдулхалим), сын Динмагомеда⁶. Можно предположить, что Абдулхалим был кадием Акуша-Дарго во второй половине XVII в. Как указывалось выше, сведения не говорят, кто был кадием Акуша-Дарго до Абдулхалима. Однако исходя из указанной записи в рукописной книге Ал-Газали можно предположить, что им мог быть отец Абдулхалима Динмагомед.

В начале XVIII в. акушинским кадием был Айюб (Айгуб, Айгун). Он скончался в 1121 г. х. (1709 г.)⁷. После него кадием был Абд-ал-Халим Абдулхалим ал-Акуши, который умер через три года — в 1123 г. х. (1711—1712 г.)⁸. Из этого сообщения можно предположить, что Айюб-кадий был сыном кадия Абдулхалима, жившего в конце XVII в. и что он (Айюб) своего сына назвал в честь своего отца также Абдулхалимом.

По сведениям русских источников, акушинским кадием в 1730 г. был Аслубекер (Аслубакар), который наряду с другими феодальными владельцами Дагестана получал содержание от русского правительства⁹.

Источники не говорят, сколько лет правил Аслубакар. Однако, исходя из сведений П. Г. Буткова, основанных на доступных ему источниках, можно предположить, что он умер в начале 30-х годов XVIII в., так как по этим источникам «кадием акушинских народов», т. е. союза Акуша-Дарго уже в 1735 г. был Аджи-Айгун (Гаджи-Айгун, Айгуб-Гаджи), который вместе с другими владельцами Дагестана 11 января 1735 г. дал присягу генерал-лейтенанту Левашову о вступлении его вместе с 30 деревнями в русское подданство¹⁰. Видимо, Аджи-Айгун (Айгун-Гаджи) был назван так в память о своем прадедушке Айгубе (Айгуне), правившем в Акуша-Дарго в начале XVIII в. Кадием союза Акуша-Дарго Аджи-Айгун был до 60-х годов XVIII в. Согласно записи в хронографе арабиста из селения Мекеги Левашинского района Кембарова Шахбана кадий Айюб ал-Акуши умер в 1181 г. х. (1766—1767 г.)¹¹.

По данным имеющихся источников, в начале XIX в. кадием в Акушах был Абакар-Гаджи¹². В 1811 г. он погиб в сражении, происшедшем между войсками Шихали-хана кубинского, на стороне которого участвовало 3000 верхнедаргинцев во главе с акушинским кадием, и России — под деревней Рустов¹³.

После гибели Абакар-Гаджи кадием Акуша-Дарго стал Зухум, который вскоре добровольно отказался от титула в пользу сына Абакар-Гаджи-Магомеда. Последний в 1819 г., после взятия Акуша русскими войсками, был смещен

А. П. Ермоловым¹⁴, и кадием Акуша-Дарго был снова назначен Зухум, «бывший в сем звании не задолго прежде и добровольно сложивший оное»¹⁵. В 1827 г. из-за старости Зухум-кадий был освобожден по его просьбе, и на должность акушинского кадия снова был назначен Магомед, сын Абакар-Гаджи¹⁶, пользовавшийся большим авторитетом не только в Акуша-Дарго, но и в других владениях Дагестана, и неограниченной властью¹⁷. Правил Магомед-кадий союзом Акуша-Дарго до 1847 г., когда он был смещен, а кадием назначен Шабан Зухум из Уллу-ая (отселок Акуша)¹⁸.

Последним из наследственных кадиев всего союза Акуша-Дарго, «пользовавшихся правом надевать папаху на вновь избранного шамхала», был Нурбаганд-кадий, сын Зухум-кадия¹⁹. В 1854 г. последний был уволен русским правительством, а Даргинский округ разделен на участки, во главе которых русским правительством ставились начальники.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алиев Б. Исторические известия о даргинцах и образование союза верхнедаргинских обществ.— Уч. зап. Ин-та ист., яз. и лит-ры им. Г. Цадасы Дагфилиала АН СССР (далее: ИИЯЛ). Серия историческая. Махачкала, 1964, т. 12.

² Центральный государственный архив (далее: ЦГА) ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 7, с. 8. См. также: *Вранкен*. Политический обзор Дагестанской области.— Центральный государственный военно-исторический архив (далее: ЦГВИА), ф. Военно-ученый архив, д. 6514, л. 34; Там же, ф. 205, оп. 1, д. 139, л. 10; *Зубов П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1835, ч. 3, с. 252; *Комаров А. В.* Адаты и судопроизводство по ним. (Материалы для статистики Дагестанской области).— Сборник сведений о кавказских горцах (далее: ССКГ). Тифлис, 1868, вып. 1, с. 74; *Он же*. Списки населенных мест Дагестанской области.— Известия кавказского отдела русского географического общества. Тифлис, 1869, т. 1, с. 12; *Адаты Даргинских обществ: Примечание.*— ССКГ. Тифлис, 1873, вып. VII, с. 12; *Козубский Е. И.* Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, с. 11, 249.

³ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв: Архивные материалы. /Сост., пред. и прим. Хашаева Х.-М. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1965, с. 14.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 7, с. 8.

⁵ Алиев Б. Памятники арабской письменности по истории Верхней Даргинии.— Уч. зап. ИИЯЛ. (Серия обществ. наук). Махачкала, 1970, т. 20.

⁶ Рукопись книги Ал-Газали «Зикр ал-мавт».— Рукоп. фонд ИИЯЛ, № 2123. Данные любезно предоставлены в наше распоряжение научным сотрудником сектора востоковедения Т. М. Айтберовым.

⁷ Шихсаидов А. Р. Отчет о командировке в даргинские районы в 1961 г.— Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 500, л. 32.

⁸ Там же, л. 32 об.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 1, оп. 1, д. 138, л. 76.

¹⁰ *Бугков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869, ч. 1, с. 12, ч. 3, с. 413; Описание писем на арабском языке.—Рукоп. фонд ИИЯЛ, письмо № 1624.

¹¹ *Шихсаидов А. Р.* Указ. соч., л. 6, 32 об.

¹² Описание писем на арабском языке.—Рукоп. фонд ИИЯЛ, письмо № 1683; Акты Кавказской археографической комиссии (далее: АКАК). Тифлис, 1870, т. IV, с. 679; Рукопись с перевода рассказа Кади Магомед-оглы, жителя селения Усиша Даргинского округа.—Рукоп. фонд ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 397, л. 12.

¹³ *Бакиханов А. К.* Гюлстан-Ирам. Баку, 1926, с. 159—160.

¹⁴ АКАК. Тифлис, 1875, т. VI, ч. 2, с. 80.

¹⁵ Там же; *Ермолов А. П.* Записки (1816—1827 гг.). М., 1864, ч. 2, с. 100.

¹⁶ АКАК, т. VI, ч. 2, с. 86.

¹⁷ *Ржевуский А.* 1845 год на Кавказе.—Кавказский сборник. Тифлис, 1882, т. VI, с. 260; *Берже А.* Краткий обзор горских племен на Кавказе.—Кавказский календарь на 1858 г. Тифлис, 1857, с. 309.

¹⁸ АКАК. Тифлис, 1884, т. IX, с. 877.

¹⁹ *Вилльер де Лиль-Адам.* Две недели в Даргинском округе. Путевые заметки.—ССКГ. Тифлис, 1875, вып. VIII, с. 7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы значительно усилился интерес к историческим источникам. Источник «как реальное явление общественной жизни, непосредственно и опосредственно отражающее историческое прошлое»¹ требует тщательного и всестороннего изучения, прежде чем он ляжет в основу исторического исследования. Поэтому тематический сборник «Источниковедение средневекового Дагестана» ставит целью как введение в научный оборот новых материалов, так и всестороннюю их интерпретацию.

Статьи и материалы, помещенные в данный сборник, свидетельствуют о многообразии видов источников, об огромном их значении в деле глубокого изучения истории средневекового Дагестана во многих ее аспектах — социально-экономическом, военно-политическом, хозяйственном, культурно-историческом. Ряд статей посвящен вопросам, которые раньше не изучались на дагестанском материале — структура арабской рукописной книги, палеографические особенности памятников деловой письменности. Исследованию подверглись источники на восточных (в основном на арабском) и местных, дагестанских языках, различные по своему характеру и заключающейся в них информации — нарративные тексты, актовый материал, деловая документация, частная переписка, памятники эпиграфики. Представлены как памятники письменной культуры, так и печатные произведения, в частности исторические и иные произведения, изданные в Дагестане.

Планомерная и интенсивная работа по выявлению, учету и сбору памятников письменной культуры народов Дагестана, проводимая Институтом истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, неразрывно связана с изучением этих источников, введением их в научный оборот. Археографические экспедиции последних лет дали богатый и ценный материал, сосредоточенный ныне в Рукописном фонде Института ИЯЛ. Кроме того, выявляются все новые и новые материалы дагестанского происхождения, хранящиеся в различных книгохранилищах страны и за рубежом.

¹ *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. — Ростов, 1976, с. 448.

Сектор востоковедения Института истории, языка и литературы наметил издание ряда тематических сборников, посвященных восточным источникам по истории и культуре народов средневекового Дагестана. Ряд монографий уже подготовлен к изданию (комментированные переводы дагестанских исторических сочинений; арабские источники по истории Дагестана XV—XVII вв.; персидские источники по истории Дагестана XVIII в.; каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана в XIX—нач. XX в.; историческая книга в Дагестане). Составляется систематизированный каталог хранящихся в Рукописном фонде восточных рукописей. Все эти работы значительно пополнят источниковую базу исследований и будут содействовать дальнейшему углубленному источниковедческому анализу многочисленных и разносторонних исторических источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ¹

1. Аббас-Кули Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1970 (перс. яз.); Аббас-Кули Ага Бакиханов «Кудаси». Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
2. Агларов М. А., Айтберов Т. М. «Повествование об Алибеге Андийском и его победе над князем Турулавом б, Али-ханом Баклулальским» как источник по истории Дагестана XVII в. — В кн.: Общественный строй союзов сельских общины в Дагестане в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1981.
3. Алкадари Гасан-Эфенди. Асари Дагестан (Исторические сведения о Дагестане). Перевод и примечания Али Гасанова. Махачкала, 1929.
4. /Алкадари Гасан/ Джираб ал-Мамнун та'лиф ал-аллапат Хасан-эфенди ад-Дагестани ал-Алкадари. Темир-Хан-Шура, 1912 (на араб. яз.).
5. /Алкадари Гасан/. Диван ал-Мамнун ли-л-аллапат Хасан-эфенди ал-Алкадари. Темир-Хан-Шура, 1913 (на араб. яз.).
6. Алиев Б. Г. Памятники арабской письменности XVII—XVIII вв. по истории Верхней Даргинии. — В кн.: Ученые записки Института ИЯЛ, Серия общественных наук. Махачкала, 1970, т. 20.
7. Айтберов Т. М. Документы по истории средневекового Дагестана (нач. XV — кон. XVI в.) — В кн.: Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975.
8. Айтберов Т. М. Дагестанские документы XV—XVII вв. — В кн.: Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1975, М., 1982.
9. Айтберов Т. М. Источники по истории Аварии XVI—XVII вв. — В кн.: Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980.
10. Айтберов Т. М. Материалы по истории Дагестана XV—XVII вв. — В кн.: Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.
11. Айтберов Т. М. Эпистолярные и документальные материалы о классовой борьбе в Аварии, Казикумухе и Табасаране в XVII в. — В кн.: Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983.
12. Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А. Р. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей. — В кн.: Ученые записки Института ИЯЛ. Серия исторических наук. Махачкала, 1963, т. XI.
13. Бартольд В. В. К вопросу о происхождении Дербенд-намэ. — В кн.: Сочинения, М., 1973, т. 8.

¹ Список литературы, не претендующий на полноту, включает основные работы по тематике сборника.

14. Восточные источники по истории Дагестана (Сборник статей и материалов). Махачкала, 1980.
15. *Гаджиев В. Г.* Абдурахман и его воспоминания. — В кн.: Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.
16. *Гаджиев В. Г.* «Дербент-намэ» Мирза Хайдара Визирова. — В кн.: Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1975, вып. 2.
17. *Гамзатов Г. Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р.* Сокровищница памятников письменности. — В кн.: Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1982, т. IX.
18. *Генко А. И.* Арабский язык и кавказоведение. — В кн.: Вторая сессия ассоциации арабистов. М.; Л., 1941.
19. Гидатлинские адаты. Подготовили к печати Х.-М. Хашаев и М.-С. Саидов. Махачкала, 1957.
20. *Закс А. Б.* Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея. 1936—1937 гг. — В кн.: Труды государственного исторического музея. М., 1941, т. 15.
21. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962.
22. Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи.— В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871, вып. V.
23. Из истории обычного права народов Дагестана. Составитель А. С. Омаров. Махачкала, 1968.
24. *Исаев А. А.* Новые списки «Дербенд-намэ» (на даргинском языке). — В кн.: Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984.
25. Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. Сборник статей. М., 1984.
25. *Канчавели Н. Г.* Несколько писем Агалар-хана М. З. Аргутинскому. — Тбилиси: Мравалтави, вып. IV.
27. Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР /Под редакцией М. С. Саидова. М., 1977, вып. 1.
28. *Козлова А. И.* Труд Мухаммада Казима как источник по истории Дагестана. — Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. Л., 1972.
29. *Крачковский И. Ю.* Арабская литература на Северном Кавказе. — В кн.: Избранные сочинения. М.; Л., 1950, т. VI.
30. *Крачковский И. Ю.* Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле. — В кн.: Избранные сочинения. М.; Л., 1960, т. VI.
31. *Криштопа А. Е.* Дагестан XIII—XIV вв. по сообщениям восточных авторов. — В кн.: Вопросы истории этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Махачкала, 1974, вып. 4.
32. *Криштопа А. Е.* К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане. — В кн.: Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Махачкала, 1976, вып. 7.
33. *Магомедов Р. М.* Адаты дагестанских горцев как исторический

источник. — В кн.: Труды XV Международного конгресса востоковедов. М., 1963.

34. *Магомедов Р. М.* Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975, вып. 2, с. 100—118. (Глава: Источниковедческая база истории Дагестана).

35. *Магомедов Р. М.* Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964.

36. *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963.

37. *Мирзамагомедов Г. М.* Деловое письмо в Дагестане (внешнее описание). — В кн.: I конференция молодых ученых Института ИЯЛ: Тезисы докладов. Махачкала, 1985.

38. *Мирзамагомедов Г. М.* Методы датировки письменных памятников Северного Кавказа. — В кн.: Тезисы докладов V конференции молодых ученых. Махачкала, 1985.

39. *Муркелинский Г. Б.* «Дербенд-наме». — Альманах «Дусшнву». Махачкала, 1971, № 1 (лакск яз.).

40. *Омаров А. С., Маршаев Р. Г.* «Постановления» Рустем-хана как источник по истории Кайгага XVII в. — В кн.: Ученые записки Института ИЯЛ, Махачкала, 1960, т. 7.

41. *Оразаев Г. М.-Р.* Архитектоника тюркоязычных писем XVIII в., адресованных кизлярскому коменданту. — В кн.: Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985.

42. *Оразаев Г. М.-Р.* «Тарихи Кизляркала» — интересный памятник местной историографии Дагестана. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1982—1983 гг. Махачкала, 1984.

43. *Оразаев Г. М.-Р.* «Тарихи Эндирей...» как памятник дореволюционной исторической литературы кумыков. — В кн.: IV Конференция молодых ученых: (Тез. докладов). Махачкала, 1982.

44. *Оразаев Г. М.-Р.* Турецкая историческая литература о Дагестане. — В кн.: Вторая всесоюзная школа молодых востоковедов (Тбилиси, октябрь 1982 г.): Тезисы. Том I, ч. I. История. Политика. Источниковедение. Международные отношения. М., 1982.

45. *Оразев Г. М.-Р.* Тюркоязычные документы из архива кизлярского коменданта — источник по социально-экономической истории народов Северного Кавказа. — В кн.: Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984.

46. Памятники обычного права Дагестана /Составитель Х.-М. Хашаев. М., 1965.

47. *Покровский Н. И.* Обзор источников по истории имамата. — В кн.: Проблемы востоковедения. М.; Л., 1934, т. II.

48. *Саидов М.-С.* Дагестанская литература на арабском языке. — В кн.: Труды двадцать пятого международного конгресса востоковедов. М., 1960, т. 2.

49. *Саидов М.* «Дербент-наме». — В кн.: Труды второй научной сессии Дагестанской базы АН СССР. Махачкала, 1949.

50. *Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р.* «Дербент-наме» (к вопросу об

изучении). — В кн.: Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.

51. «Тарихи Дербенд-наме». Перевод с языков: тюркского, арабского, персидского и французского. Тифлис, 1898.

52. Шарифутдинова Р. Ш. Арабские письма Шампля из архива Б. А. Дорна. — В кн.: Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1970, М., 1972.

53. Шарифутдинова Р. Ш. Еще один «Низам» Шамиля. — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник, 1982.

54. Шихсаидов А. Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана. — В кн.: Ученые записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1961, т. IX.

55. Шихсаидов А. Р. Дагестанские исторические сочинения. — В кн.: Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984.

56. Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарихи Дагестан» Мухаммада Рафи. — В кн.: Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1972. М., 1977.

57. Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник. М., 1984.

58. Хашаев Х. О. Кодекс Умму-хана Аварского (Справедливого). М., 1948.

59. Хроника Мухаммада Тахира ал-Карахи. Арабский текст, подготовленный А. М. Барабановым под редакцией И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1946.

60. Хроника Мухаммада Тахира ал-Карахи. Перевод с арабского А. М. Барабанова. М.; Л.

61. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. ч. I. Тексты, переводы, комментарии. Введение и приложения Л. П. Лаврова, М., 1966, ч. 1; М., 1968, ч. 2; М., 1980, ч. 3.

62. Derbend-Nameh. Translated from a select turkish version and published with notes by Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851.

63. Dorn B. Beitrage zur Geschichte der Kaukasischen Lander und Völker aus Morgenländischen Quellen. — IV. Tabary's Nachrichten über die Chazaren. — Memoire de imp. d. sciences de St.-Petersbourg, VI-e ser., sc. pol., hist., philol., 1844, t. VI.

64. Klaproth, J., v. Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi. Kur, und dem Kaspi-schen Meere. Weimar, 1814.

65. Khanikoff N. Memoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. — «Journal Asiatique». Paris, 1862, ser. 5, t. XX, № 8.

66. Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha — St.-Petersbourg. 1796, Th. 1.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
<i>Шихсаидов А. Р.</i> Арабские источники IX—X вв. и вопросы социально-экономического и военно-политического положения раннесредневекового Дагестана	5
<i>Ораев Г. М.-Р.</i> О протографе Румянцевского списка «Дербенд-наме»	29
<i>Козлова А. Н.</i> Указ (фирман) шаха Аббаса I на имя Амир-Хамза-хана, уцмня Кайтага от 1607 года	38
<i>Мирзамагомедов Г. М.</i> Характеристика арабоязычных дагестанских памятников эпистолярного жанра XVIII — нач. XIX вв.	43
<i>Исаев А. А.</i> Источники по истории развития медицинских знаний в Дагестане в XVIII — начале XX вв. (на языках народов Дагестана)	68
<i>Тагирова Н. А.</i> Сочинение Абдаррахмана из Казикумуха «Хуласат ат-тафсил»	88
<i>Магомедов М. А.</i> «Ал-Хикайя ал-мадийя» — памятник дагестанской историографии	104
<i>Гаджиев А. С., Абдулкеримов. М. М.</i> Из истории книгопечатания и распространения печатной книги в Дагестане (кон. XIX — нач. XX вв.)	113
<i>Абдулкеримов. М. М.</i> О составе арабоязычной рукописной книги в Дагестане	120
<i>Гусейнаев А. Г.</i> Архивные сведения о трех арабских надписях из Кумуха	127
Материалы по хронологии и генеалогии. (<i>А. Р. Шихсаидов, Т. М. Айтберов, М. Р. Гасанов, Б. Г. Алиев</i>)	134
Заключение	170
Список литературы	172

Замеченные опечатки

страница	строка	напечатано	следует читать
37	7 св.	Дорбенд-наме	Дербенд-наме
75	8 св.	«Гъазыр	«Гъазир
90	4 сн.	Исандара	Искандара
133	5 св.	Какелидзе	Кекелидзе
172	3 св.	«Кудаси»	«Кудси»

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru